

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Скоробогатская Н.А., Скоробогатский В.В.* Человек политический
в эпоху современности.....5
- Васечко В.Ю.* Личность и церковь: проблема духовного становления
в русской религиозной философии (Ф.М. Достоевский,
В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой).....22
- Ищенко Н.И.* Мартин Хайдеггер: от феноменологии сознания
к феноменологии бытия39

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Трахтенберг А.Д.* Электронное правительство
и электронные услуги: операционализация
административной идеологии и тактики граждан63
- Юферева А.С.* Медиаконвергенция: основные подходы
к определению понятия80
- Зеркаль Д.А.* Средства массовой информации как инструмент
государственной информационной политики:
модели взаимодействия власти и СМИ94

ПРАВО

- Филиппова Н.А.* Защитник прав коренных народов
в регионах России: становление института 105
- Плетников В.С.* Понятие и виды моделей
в современной отечественной юриспруденции:
теоретико-правовое исследование 121

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- Skorobogatskaja, N., Skorobogatskij V.* Homo politicus in modern age5
- Vasechko, V.* Personality and Church: problem of spiritual formation
in Russian religious philosophy
(F. Dostoevsky, V. Solovyov, L. Tolstoy)22
- Ishchenko, N.* Martin Heidegger: from phenomenology of consciousness
to phenomenology of being.....39

POLITICAL SCIENCE

- Trakhtenberg, A.* E-Government and E-Services: operationalization
of administrative ideology and citizens' tactics63
- Yufereva, A.* Media convergence: main approaches to definition.....80
- Zerkal', A.* Mass media as a tool of state information policy:
models of authority and media interaction94

LAW

- Filippova, N.* Defender of indigenous rights in regions of Russia:
formation of the institute..... 105
- Pletnikov, V.* Concept and types of models
of modern domestic jurisprudence: theoretical-legal research..... 121

ФИЛОСОФИЯ

Научный ежегодник Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
2016. Том 16. Вып. 2, с. 5–21
<http://yearbook.uran.ru>

ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКИЙ В ЭПОХУ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 32

Наталья Александровна Скоробогаткая

кандидат философских наук, доцент
кафедры философии Уральского федерального университета
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург. E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@uapa.ru

Вячеслав Васильевич Скоробогаткий

доктор философских наук, профессор
кафедры философии и политологии
Уральского института управления – филиала РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург. E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@uapa.ru

Авторы раскрывают определяющее значение политики в процессе становления человеческого типа в переходную эпоху от Средневековья к Современности. Методологической основой исследования данной темы является системный подход. Его применение позволило провести группировку социальных, культурных, ментальных, исторических факторов человеческого существования вокруг системообразующего начала, функция которого отводится политике. Особенность предпринятого в статье методологического приема состоит в том, что обоснование специфической роли политики в становлении нового человеческого типа осуществляется апостериори. Сформулировав проблему, авторы вводят для ее решения допущение, первоначально опирающееся на аргументы эмпирического порядка. Теоретическая

корректность данного допущения выявляется по мере того, как достигаются определенные результаты и формулируются выводы. В ходе исследования получены следующие результаты. Во-первых, реконструирована характерная для Возрождения модель индивидуальности как области свободного самоосуществления индивида, в границах которой он реализует свою автономию, совокупность естественных прав. Во-вторых, раскрыты условия и причины возникновения феномена «обратной стороны титанизма», в первую очередь установка на бесосновность (самообоснованность) человека Возрождения. В-третьих, выявлен механизм кардинальной трансформации античной модели политики и возникновения новой политики в русле включения в ее структуру «голой жизни» Государя. Обосновано положение, что макиавеллевский Государь может быть рассмотрен в качестве матрицы массового производства политического человека Современности. Сделана попытка раскрыть значение проблемы политического человека Современности в качестве теоретико-методологического контекста, в котором выявляются в принципе не очевидные предметные и категориальные связи между философскими концепциями (подходами) Канта, Хайдеггера, Фуко и Агамбена. Подобного рода анализ необходим для обоснования особой роли философии (метафизики) в существовании данного человеческого типа и вытекающего из этого требования к философии исходить из соединения универсального и исторического как базового принципа. Новизна предлагаемого подхода и полученных результатов связана с обоснованием ведущей роли политики в формировании основных характеристик культурно-исторического типа человека современности.

Ключевые слова: проект гуманизма, «обратная сторона» титанизма, «голая жизнь», власть, Государь, политический человек, политика как судьба Современности.

Типологические исследования человека, которые проведены в русле цивилизационного (культурно-исторического, социокультурного) подхода, основаны на выделении структурных характеристик человеческого существования, обусловленных действием культуры, ментальности, истории или социума. Если в рамках формационных представлений, основанных на структуре «базис – надстройка», предпочтение отдавалось монистическим моделям детерминации, то здесь, напротив, обуславливающие факторы рассмотрены комплексно, системно, во взаимной связи и переплетении. И тогда, соответственно, возникают их различные конфигурации, когда на передний план в роли системообразующих начал выступают то социальные и/или культурные [Баткин 1978: 9-10], то ментальные факторы [Ле Гофф 1992: 239-243, 320-322; Гуревич 1984: 10-13].

Как правило, при этом остается в тени политический контекст бытия человека в обществе. Он либо сводится к конъюнктуре (особенностям государственного устройства или политического режима, характеру правления того или иного лица), которая рассмотрена как историческая случайность, величина «местного» масштаба, придающая данному человеческому типу дополнительную, но в общем несущественную окраску, либо растворяется в социальной среде среди разнообразных условий и причин общественной жизни человека. Поэтому авторы ставят цель показать определяющее значение политики для становления человеческого типа эпохи современности.

Вопрос об особой роли политики в жизни человека современности в отечественной литературе поставил Л.М. Баткин, увязав его с проблемой возникновения индивидуальности [Баткин 1989: 165-166]. Собственно, предметом размышления для него была именно новая постановка проблемы человеческой индивидуальности, предпринятая в рамках гуманистического движения эпохи Возрождения. Обычно под индивидуальностью понимается частное отклонение от типа, которое в каждом отдельном случае эмпирически обусловлено многообразием социальных, культурных, природных условий человеческой жизни, а также случайным распределением в массе индивидов физических и психических свойств и задатков, присущих человеческому роду в целом. Л.М. Баткин предложил иное толкование индивидуальности, подчеркнув, в противовес идее случайного характера индивидуальности, ее необходимость.

Необходимость индивидуальности заключается в том, что она есть пространство возможного (максимально возможного) развития индивидом родового потенциала. Индивидуальность – не результат, а перспектива, в свете которой и оценивается тот или иной индивид. Индивидуальность – мера человеческого в отдельном индивиде, степень воплощения человека в нем. Индивидуальность связана с восприятием образа конкретного человека, который не дан индивиду ни биологически, по факту рождения и принадлежности к виду *Homo sapiens*, ни эмпирическими условиями и обстоятельствами его существования. Человек, говоря языком Канта, *задан* индивиду, а индивидуальность – процесс и промежуточный результат исполнения этого задания, манифестация человека в человеческом мире. Человек как носитель родового потенциала, то есть по сути – системного качества, принадлежащего не индивиду, а человеческому роду, тем не менее не абстракция и не отвлеченный идеал. В разные культурные эпохи он находит те или иные формы реального выражения. В условиях конкретной современности он существует и проявляет себя в виде присущей ему индивидуальности. Отношение между индивидом и (родовым) человеком *опосредствуется* индивидуальностью: с момента своего появления она очерчивает границы автономии индивида, границы пространства его свободы. В данном пространстве индивид является суверенным обладателем естественных прав и носителем свободы.

Данная концепция индивидуальности исходит от модели человека, общий очерк которой дан в «Речи о достоинстве человека» Дж. Пико делла Мирандолы. Отличительная черта этой модели – безобразность человека. Не вступая в прямую полемику со Священным Писанием, он делает исходным определением человека отсутствие изначального облика, неопределенность, закладывая в самый фундамент человеческого бытия безосновность, которая раскрывается как обращенность к «ничто», нескончаемое движение становления, в котором уничтожаются как промежуточные все определения. Эту неопределенность Пико ставит в прямую связь со способностью человека свободно, по собственной воле приобрести любой вид (облик), от низшего до высшего: «...ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные» [Пико делла Мирандола 1981: 249].

В силу этого индивидуальность является открытым определением человека, завершенным *временно* и относительно. Она указывает, во-первых, на разнообразие возможных воплощений («видов», «обликов»), которые может принять человек, а во-вторых, на отсутствие той иерархии или шкалы, относительно которой эти воплощения могли быть ранжированы и получить то или иное «место» и соответствующую оценку. Разнообразие предполагает онтологическую равнозначность «обликов». В этой ситуации любая оценка заключает в себе огромный элемент произвольности, поскольку единственно возможным ее основанием является сам оценивающий субъект, вынужденный исходить в своей оценке из мнения, не имеющего опоры в бытии и так или иначе подкрепляемого представлениями, канонами и нормами, доставшимися от прошлого в виде традиции, распадающейся на мало связанные между собой, порой конфликтующие фрагменты. Именно тогда в новоевропейском сознании появляются так называемые «идолы», специально отмеченные Фр. Бэконом. С точки зрения Хайдеггера, это – ценности, характеризующиеся им как «прохуdivшееся бытие» [Хайдеггер 1993b: 55-56].

Но в мире, где на первый план выходит человек, который, по словам Хайдеггера, «освобождает себя от первоочередной обязательности библейско-христианской истины Откровения и церковного учения» [Хайдеггер 1993c: 118], подрываются основы культурной традиции Средних веков, религиозной по сути. Новый человек самим фактом своего появления аннигилирует доставшиеся ему от прошлого культурные основы и предпосылки, начиная процесс самосотворения с чистого листа. Такое бытие человека есть экзистенция – продвинутое в сторону «ничто» существование без опоры и без наперед заданных целей и смысла, без остановок на пути становления. Это есть существование, совпадающее с процессом творения человеком себя самого.

Главная творческая сила человеческого бытия – время. Рассматривая внутреннюю связь того и другого, Хайдеггер подчеркивал, что «время и бытие сбываются в событии... Им человек как тот, кто внимает бытию, выстаивая в собственном времени, вынесен в свое собственное существо. Так сбывающийся, человек принадлежит к событию. Эта принадлежность покоится в отличительной черте события, особлении» [Хайдеггер 1993a: 404, 405]. «Особление» предполагает не только отделение, в нем присутствует «собственное» – обратная сторона безосновности, способность человека опираться на себя самого. Но платой за эту особенность становится новая по сравнению с античностью и средневековьем судьба человека – его прикованность к колесу становления, задание быть индивидуальностью. И эта новая судьба европейского человека, который возникает в преддверии Нового времени, в XVI в., – политика. Такое пересечение трех доселе независимых друг от друга сущностей (судьбы, политики, индивидуальности) образует пространство становления новоевропейского человека.

Уже на закате этой эпохи Гете повторял фразу Наполеона: рок в его современном значении – это *политика* [Эккерман 1981: 443]. Но первым так поставил вопрос Макиавелли. Пико делла Мирандола, выдвинув в своей

«Речи...» проект нового человека, делал упор на философию, на сферу свободного и универсального мышления как фактор и среду, в которой и при помощи которой возможно осуществление такого проекта. Сама специфика философии им безотчетно воспринималась как гарантия восхождения человека к вершинам духа. В этой безотчетности просматривается вполне средневековое по своим истокам убеждение о подчиненности философии – религии как стоящему за ней высшему началу. И это при том, что сам проект гуманизма предполагал выход на какую-то более высокую точку зрения, с которой религия вообще, в том числе и христианство, иудаизм и ислам, лишаясь изначальной исключительности и безусловности, могли быть сопоставлены с языческой античностью и находили свою истину именно в философии. В этом, собственно, и состоял отказ нового человека от обязательности истины Откровения и церковного учения, упомянутый Хайдеггером в «Европейском нигилизме». Казалось бы, искусство, в том числе культура Возрождения, подтверждали обоснованность, прочность этого убеждения. Если бы не одно обстоятельство – феномен «обратной стороны» титанизма с его «звериной» эстетикой [Лосев 1978: 120-138], или «человекобожие» [Баткин 1989: 164].

Неожиданный ракурс, в котором предстал титан Возрождения, непарадная сторона его «натуры» и образа жизни свидетельствовали о несомненном разрыве между искусством и человеком-творцом, о стихийном характере индивидуальности художника. Эта индивидуальность дисгармонировала с артефактами, произведенными самим же художником, которые были образцами гармонии, результатом тщательной продуманности, упорядоченности и мастерского исполнения. Все это – несомненные свидетельства кардинального пробела в структуре индивидуальности, следствием чего и были указанные эксцессы.

В чем причины возникновения такого пробела, чем он заполнялся? С точки зрения А.Ф. Лосева, стихийный характер индивидуальности со всеми ее негативными (равно как и положительными) проявлениями был обусловлен исторически. Эпоха коренной ломки средневековых институтов и структур, первоначального накопления капитала выводила на передний план особую породу людей – с сильной волей, целеустремленных, способных переступить через любые ограничения. Антропоцентризм и крайний субъективизм устремлений «нового человека» были динамическими составляющими «натуры» данного его типа. Органически связанные с универсальностью имеющихся способностей, они обуславливали реализацию его творческого потенциала. И они же свидетельствовали о высшей степени обращенности внимания человека на представленность себя, на свой образ в публичном пространстве, в пространстве коммуникации и общения.

Повседневное поведение человека Возрождения вне сферы искусства, в котором находила свое выражение «обратная сторона» титанизма, напоминает современный перформанс. Для него характерно своеобразное сочетание искусства и повседневности, ориентированное на сиюминутный эффект в глазах зрителя. Художник и зритель, столкнувшиеся в определенном месте и в определенное время, – таков минимальный набор условий,

вызывающих возникновение соответствующей «картины» [Культурология. XX век 1998: 120]. Это «опрокидывание» эстетики в быт свидетельствует об определяющем влиянии на поведение гуманиста своеобразной программы, или кода, функцию которого выполняла эстетика платоновского типа.

Общий знаменатель, делавший возможным сосуществование обеих сторон титанизма, – свобода, вырастающая из отказа от всего прошлого, от традиций и культурных запретов. Проявлением «обратной стороны» этой свободы стала нарочитая публичность и демонстративность нарушения всех и всяческих норм. Но они все же были продолжением того, что мы находим в сфере положительного осуществления индивидуальности – в искусстве. На взаимосвязь, более того – на структурную однородность «обратной» и положительной сторон титанизма, указывал А.Ф. Лосев, подчеркнувший, что гуманист-«оборотень» «был представителем своего рода платонической эстетики, которая отличалась от Платоновской академии только своим содержанием, но структурно ей вполне соответствовала. ... Она была аморальной и звериной в своем предметном содержании, но она же обладала всеми чертами самодовлеющей значимости, необычайной красочностью и выразительностью и какой-то... небывалой целесообразностью без цели» [Лосев 1978: 137, 121].

И то, и другое суть различные проекции эстетической концепции, их разность обусловлена не структурно, а функционально, не сущностно, а эмпирически, проявляет только различие «материй» воплощения одной и той же художественной формы. В одном случае такой материей является принадлежащая пространству универсальности область искусства, соприкасающаяся с вечностью и отвлеченная от жизненной стихии, от сиюминутности и повседневности. В другом – погруженный в эту стихию сиюминутности и повседневности преходящего времени человек.

Л.М. Баткин, в свою очередь, считал причиной, которая ведет к радикальному раздвоению, даже поляризации модусов осуществления индивидуальности, отсутствие в ней личного начала – того центра, который придавал бы жизненному поведению индивида рефлектированный, целенаправленный характер. Для него личность – это «глубоко специфическое явление Нового времени», ее суть – «установка на самообоснованность каждой человеческой индивидуальности». При этом она внеположена «сетке» социальных отношений, проблематике естественных прав и свобод (их носитель не личность, а индивид) и принадлежит целиком сфере общения, которая регулируется принципами разнообразия и диалогичности, положительного равенства сторон.

Отсутствующая личность могла бы стать той точкой, с помощью которой «сорвавшийся с орбиты традиции индивид» конструировал бы различные жизненные стратегии в зависимости от складывающихся обстоятельств, чтобы успешно противостоять капризам Фортуны, непрерывно меняющимся условиям времени. Ей не способен противостоять *природный* индивид, сколь бы глубоко не был он одарен от рождения и как бы далеко не ушел он в своем искусстве, поскольку его стихийная индивидуальность подвержена влиянию случая не в меньшей степени, чем сама Фортуна-время

[Баткин 1989: 166-170]. Исходя из этого Баткин предполагает, что макиавеллевский Государь – *эксперимент*: «Макиавелли... именно *благодаря сужению* логического русла в расщелине политики размышлял над возможностями отдельного человека так интенсивно и впрямую, как никто в итальянском Возрождении...» [Баткин 1989: 167]. С его точки зрения, это мысленный эксперимент, который проводится на *случайно* выбранной «площадке» политики. Макиавелли ищет фактор, способный обуздать стихии, игру случая, перемены, которые приносит с собой время. Искомый фактор – личность, способная к конструированию и непрерывной реконструкции индивидуальности. Лицом к лицу с грозной Фортуной – вот критерий масштаба личности, крупной и героической. И такую личность он находит в Государе.

Если, согласно Баткину, Государь для Макиавелли – просто удачный пример, наглядно демонстрирующий функциональное назначение личности, то нам представляется, что суть дела – гораздо глубже. Это удачный пример скорее для Баткина, чем для Макиавелли, ибо в данном случае речь идет об очередной интерпретации книги, вот уже пять веков составляющей загадку для читателей – политиков и ученых. С нашей точки зрения, Макиавелли отнюдь не случайно выбирает в качестве площадки «узкую расщелину политики», берет ее не «для примера», будто бы уже имея предварительно сформулированное общее решение, как предполагал Баткин. Напротив, он сужает поле размышления постольку, поскольку, додумав до конца сформулированную Пико делла Мирандолой ренессансную идею человека, он открывает некую субстанцию этого человека. И уже найдя после этого открытия нужный ракурс во взгляде на человека, он отбрасывает лишнее, сосредоточивая внимание на главном, на сути – на политике.

Если человек, согласно Пико, волен самостоятельно формировать индивидуальный облик, руководствуясь в своем выборе исключительно собственным разумом, направляемым новой философией (*свободным и универсальным* мышлением), то *обязан* ли он стремиться к идеальным целям, двигаясь «вверх», или может (имеет право) выбрать путь «вниз»? На чем вообще держится это «обязан», если «*для сорвавшегося с орбиты традиции индивида*» в мире отсутствует какая-либо иерархия качеств, которая бы обуславливала предпочтение положительного отрицательному, доброго злему, прекрасного безобразному? Иными словами, проблема заключается не только в отсутствии феномена личности как фактора, управляющего становлением индивидуальности и придающего ему направленный, а не стихийный характер. Это – вполне очевидная вещь. Проблема – в отсутствии оснований для выбора направления «вверх» или «вниз», она – в отсутствии самого «верха» и «низа», и соответственно более или менее *признанных* приоритетов, ценностей. Именно отсутствие ценностей, породившее ценностный пробел в культуре Возрождения, делает невозможным появление личности, ибо помимо структуры ценностно обусловленных предпочтений личность как таковая существовать не может. Ценностный пробел в культуре – такова цена, которую платил человек Возрождения за отказ от традиции, за освобождение от авторитета религии и церкви.

В этом пункте необходимо уточнить, что есть ценности и ценности. Когда вслед за Хайдеггером мы называли ценности «прохудившимся бытием», то имели в виду те фрагменты отжившей культурной традиции, которые определенное время, пока не завершился переход к новому, были функциональными суррогатами уходящей в небытие эпохи, точнее, ее внутреннего строя, действительности. Той действительности, истина которой имела основанием безусловный авторитет церковных предписаний и была рассчитана на тип человека, беспрекословно им подчиняющегося. Именно поэтому Макиавелли утверждает независимость политики от требований религии и расхожей морали: открытый Возрождением человеческий тип претендовал на исключительное право самозаконодательства, на автономию. Только с обретением эпохой Нового времени собственного прочного внутреннего строя, когда итоги становления новоевропейской культуры в ходе движения Просвещения получили рефлексированное выражение и закрепление, когда исчерпала свое историческое назначение «старая» (аристотелианская) метафизика и когда сложилась реальная почва для автономии индивида, только тогда смыслодержущие «стержни» этой культуры в виде трансцендентальных идей (категорий) получили значение ценностей уже в ином, не-хайдеггеровском смысле слова. В новом культурно-историческом контексте они стали регулятивами теоретического мышления, практического действия и способности суждения, посредством которых новый человек осуществлял свою свободу, таким образом самоудостоверяясь в истине. Фуко утверждал даже, что именно на стыке XVIII и XIX вв. возникает конкретный феномен – человек, которого мы знаем [Фуко 1994: 36].

До поры до времени выходом из положения была компромиссная версия ценностных оснований, представленная неоплатонической эстетикой, опиравшейся на античную философию и задававшей структурно-смысловую приоритет «идей» перед «вещами». Но только до той поры, пока процесс секуляризации не достиг своей крайней точки у Пико дела Мирандолы, после чего утратил (в принципе) силу авторитет любой традиции. Тем более что идейная «возвышенность» смысловых приоритетов, заданных эстетикой, по ту сторону собственно искусства оборачивалась чудовищным снижением смысла, поражая по-прежнему размахом доселе невиданного, смелостью в ниспровержении устоявшегося в соответствии с эстетическим кодом эпохи. Этот код оказался нейтральным по отношению к традиционной иерархии культурного «верха» и «низа», желаемого и запретного, допуская в качестве равноправных и одинаково уместных обе траектории: восходящее и нисходящее движение, анастрофу и катастрофу. Выбор траектории – суверенное право индивида, который принимает решение в зависимости от обстоятельств и собственных желаний. Завершенность и полнота воплощения замысла независимо от его направленности и семантики, необходимость достижения точки максимума в избранном направлении – требования, предъявляемые со стороны кода.

Что увидел Макиавелли в «узкой расщелине политики»?

Реконструируя историю становления новоевропейской метафизики, Хайдеггер задался вопросом: почему в ходе этого становления происходит

оборачивание значения (сути) субъективности. Если ранее субъект означал пред-лежащее, то есть не только человека, но и растение, и камень, словом, любое сущее, то теперь он пересекается с Я, так что новая эпоха с полным правом может характеризоваться как господство субъективного, но понимаемого уже в принципиально ином значении – чего-то выделенного в кругу сущего и противостоящего ему [Хайдеггер 1993с: 118]. Именно с этой точки зрения стихийная индивидуальность художника, которую Лосев характеризовал как антропоцентризм и крайний субъективизм и которая заключала в себе в качестве одной из стратегий поведения «обратную сторону титанизма», должна быть отнесена к разряду не культурных, а природных «вещей», к субъективности в старом смысле пред-лежащего. Это то, что Дж. Агамбен называет *зоэ*, «голой жизнью». Голую, или природную, жизнь, жизнь человеческого тела он отличает от *bios* – жизни, устроенной по правилам политики (с соответствующими ссылками на аристотелевскую «Политику») [Агамбен 2011: 7]. В этом ракурсе «обратная сторона титанизма» выглядит как результат выпадения/исключения индивида из институционального порядка – событие, возможное только вследствие исключительного положения, избранности данного индивида.

Каков возможный смысл такой исключительности, избранности человека-титана? Во всяком случае, она не связана с каким-то особым его положением в социальной иерархии, которое бы позволяло безнаказанно совершать те или иные преступления. Напротив. «Обратная сторона титанизма» не есть сумма, большая или малая, отступлений от правил, сколь бы регулярными и вызывающими они не были. Это – особый образ жизни, это нечто цельное и самодостаточное, что складывается в стороне от существующих правил, в стороне от социальности, вопреки ей и (забегая вперед) несет в себе начало новой социальности. Негативный характер «обратной стороны» – показатель различий между этим особым, только возникающим образом жизни и старым. Но не только. В момент столкновения нового со старым разрывается ткань исторического процесса. История как бы возвращается к исходному состоянию, погружаясь в область собственных первоначал – той архаики, которая была границей (или переходным мостиком) между варварством и цивилизацией.

Поэтому, с нашей точки зрения, исключительность титана – проявление *зоэ*, голы жизни с ее базовой оппозицией жизни и смерти, но проявление в той ее высшей точке, где жизнь совпадает с властью, где «жить» означает «властвовать», а «смерть» в ее социокультурном значении есть синоним подвластности, ничтожности индивида как органического элемента тела социума. «Момент *выживания* – это момент власти. ... Выживший один попирает одного или многих мертвых. Он видит себя одним, чувствует себя одним и, если говорить о власти, которую он ощущает в это мгновение, то нужно всегда помнить, что она проистекает только и исключительно из его *единственности*» [Канетти 2012: 279]. Выживший – это герой, ставший выше всех, избранник судьбы: «Он сильнее. В нем больше жизни. К нему благосклонны высшие силы» [Канетти 2012: 280].

Но это проявление *zoe* в рамках *bios*, некое исключение, имеющее не столько прямое (эмпирическое) значение, но значение скрытое, символическое. Оно указывает на наличие институционального порядка, требующего для своего поддержания особой санкции – верховной власти вождя. Ее истоки уходят не вниз, в сторону подвластной, безымянной человеческой массы – распростертого перед властью социального тела, а вверх, к Небу. Сама же власть представляется здесь как космическая сила, транслирующая правила и законы небесного миропорядка на землю [Мамфорд 2001: 230]. Ритуальный характер утверждения верховной власти раскрывается в лиминальных обрядах, сопровождающих инициацию будущего правителя, его символическое исключение/включение в социум в особой роли «держателя» вертикальной организации и жестко иерархического устройства сообщества [Тернер 1983: 169-176]. «Лиминальные обряды раскрывают архетипическую модель производства власти, строение которой (модели) определяется бинарной оппозицией власти-жизни, с одной стороны, и смерти – с другой. Точнее говоря, власть оказывается третьим членом этой оппозиции, медиатором, надстраиваемым (в рамках культурного комплекса цивилизации) над горизонталью соотношения жизни и смерти, опосредствующим это соотношение и дающим новое решение извечной проблемы... Смерть превращается в глубинный, базовый негативный контекст власти, в ее «свое иное» [Скоробогатский 2002: 103-104].

От взгляда Макиавелли не ускользнуло явление, которое можно считать *событием* в хайдеггеровском смысле. Это не случай и не происшествие, это раздвижение границ, когда настоящее становится сбывшимся, сдвигается в прошлое [Хайдеггер 1993а: 402-404]. Прошлое не вчерашнее, а отдаленное, та архаическая эпоха, из которой вышла цивилизация. Событие означает, что возник некий раздел между уходящей и надвигающейся эпохами, «просвет», в котором возможно повторное рождение власти, заполняющей разрывы в социальном пространстве отжившего средневековья. Рождение в виде социальной стихии – энергии, выделяемой общественным телом в процессе хаотических столкновений индивидов в рамках дезорганизованного институционального порядка и проявляющейся преимущественно в негативной, конфликтогенной форме «обратной стороны титанизма». Носителем этой власти-стихии стал титан Возрождения, а индивидуальность титана – локальным социокультурным пространством концентрации и разветвления этой силы.

Власть стала той социальной стихией, в русле которой и вместе с тем в противоборстве с которой складывался человек-титан. Автор «Государя» специально подчеркивал роль знания, предусмотрительности, решительности и опыта, которые словно латы, копье и меч у средневекового рыцаря давали титану шансы в борьбе со стихиями и случайностями, в том числе и в борьбе за власть [Макиавелли 1987: 103]. Эта структура способностей титана, когнитивная и волевая одновременно, есть зародышевая форма личности новоевропейского человека, или – Государя. Вместе с появлением этой новой фигуры, культурной протоформы, возникает и политика в ее новом значении, ставшая тем пространством эволюции Государя, в ходе

которой происходит укрощение властной стихии, власти в ее архетипическом виде. Благодаря Государю власть меняет форму своего общественного бытования, становится движущей субстанцией нового мира, а Государь, соответственно, выполняет функцию матрицы для массового «производства» политического человека Современности.

Обязательное условие этого поворота – изменение сути, даже природы политики по сравнению с тем, что демонстрировала античная традиция. В греческом полисе политикой называли область управления делами местного сообщества. Согласно Платону, политик-правитель был скорее воспитателем и пастырем, роль законодателя включала в себя нравоучение, которое было выше слепого следования закону [Платон 1972: 36, 63]. Полис по своей «природе» отвергал самовластное правление, при том что в реальности тираническая власть не была чем-то из ряда вон выходящим. Во всяком случае, с нормативной точки зрения, озвученной Катонем Старшим, «царь – это животное, по природе своей плотоядное» [Аверинцев 1973: 163]. Иными словами, в античном полисе *bios* была той границей, которая исключала из пространства публичной жизни *zoe*, голую жизнь индивида. Новое значение политики как пространства публичного осуществления власти и одного из ее источников наряду с традиционными (богатством и силой) предполагает возникновение личности в качестве массового социального феномена, который составляет цель социокультурной динамики власти в границах новоевропейской цивилизации. И это – рубеж, по ту сторону которого остается политическая традиция античности, с течением времени превращающаяся в исторический архив, в музейное собрание образцов для основоположников современной демократии и особенно для французских революционеров-радикалов [Мандельштам 1987: 83].

Античная политика не знала индивидуальности. Место ее занимал тот или иной выдающийся человек, в первую очередь политик, ролевая маска героя – персонажа исторической драмы эпохи классики, за которой проступала судьба. Политическая мысль античности исходила от категории «великой природы», а историография и литературная биография того времени руководствовались «канонами великих мужей» [Аверинцев 1973: 187, 181-183]. При этом гражданин, выступая в качестве структурно-смыслового элемента политики, ее атома, оставался мерой, которой поверяли отбор «выдающихся» индивидов, олицетворявших *bios* в ее идеальном – максимизированном и нормативном значении. В лице титана Возрождение актуализировало именно этот античный образ «великой природы», но своеобразно – противопоставив его существующему (старому) порядку (*bios*) и выводя на первый план *zoe* человека-титана. Легитимация *zoe*, индивидуальной природы правителя, получившая впоследствии углубленное обоснование в теории естественного права, с одной стороны, размывала существующий порядок, а с другой – стала фактором становления нового порядка и политического человека Современности.

Таким образом, радикальная трансформация античных категорий на переходе к Новому времени была обусловлена включением *zoe* в политику. Это придало политике новое содержание и новый статус, обусловило ее

превращение в один из источников власти в наступающую эпоху. Новым был сам подход к стихийным началам, к тому, что греки называли хаосом, то есть к исходному состоянию, из которого рождается упорядоченный, гармоничный и прекрасный Космос. Греки размещали этот пугающий мир первопричин («архэ») в мифическом прошлом, а с точки зрения текущего времени – за пределами космоса, на краю ойкумены. Макиавелли же конструирует образ политики, движущую, динамическую основу которой составляет творящая сила «архэ», в виде *зое* титана допущенная в настоящее, действующая «здесь» и «теперь» на постоянной основе. Вводя «голую жизнь» в сферу политики, он отвергает ее античную модель, суть которой заключалась в обуздании стихийной энергии социальных сил, сдобриваемом подачками, вроде «хлеба и зрелищ» эпохи первых цезарей. Новая политика становится способом производства и распределения власти, а функция политической машины (предназначенного для этого социально-технического устройства) отводится государству и его олицетворению – Государю.

Государство есть результат включения *зое* Государя в политику. Как подчеркивал Фуко, сам по себе макиавеллевский князь – нечто экстериорное и трансцендентное по отношению к княжеству, поскольку владение им (как собственностью) отличается от управления людьми [Фуко 2005: 187-188]. *Зоэ* Государя – не частность и не случайность, это не личная особенность, порождаемая характером или дурным воспитанием. Это исходящее с самого верха властной пирамиды правило, в соответствии с которым подлежат исключению из сферы политики требования религии и морали и вытекающие из них критерии различения доброго и дурного. «Особление» политики, находящей определяющие принципы внутри себя самой, от морали и религии – другая сторона проникновения в политику рациональных начал. В границах политики *зоэ*, или личная воля государя, направляется целесообразностью, диктуемой этими началами.

В данном пункте намечается превращение «естественного» государства как права силы, материализованного в структурах и институтах, которое имеет целью (о)владение чем-либо, в нечто иное – в государство современного типа. Государственное управление, понятое как управление людьми, предполагает следование государственному интересу, который опосредствует цели и действия князя, включая их в политический контекст. Опосредствование лишает их спонтанности и «дурной» произвольности и придает им рациональный характер. Одновременно с этим меняется привычное соотношение государства и управления как осуществления воли Государя. Новое государство не детерминирует управление, субстанциально предопределяя способы его осуществления. Скорее бытие государства существенно зависит от способа управления, степени его рациональности как способности к самоограничению. Управление есть переход государства, каким оно является «здесь» и «теперь», к его большей полноте, к максимуму бытия государства; переход обдуманый, разумный, просчитанный. «Управлять согласно принципу государственного интереса – значит стараться, чтобы государство могло сделаться прочным и устойчивым, чтобы оно могло стать богатым, ... могло противостоять всему, что может его

разрушить» [Фуко 2010: 16]. Поэтому государство не следует рассматривать как данность, как однажды возникшее образование, развивающееся с этого момента по своей внутренней логике. Государство коррелятивно способу управления в соответствии с государственным интересом или, что то же, новому типу рациональности [Фуко 2010: 18-19].

К числу необходимых условий нового государства относятся, во-первых, Государь, во-вторых, массовое тиражирование индивидов-граждан как базовых элементов политического тела. Отмечая, что это государство интегрирует в себе две техники властвования – тотализацию (господство) и индивидуализацию (осознанное подчинение), Агамбен приходит к выводу, что «включение голой жизни в сферу политического составляет первоначальное – хоть и потаенное – ядро суверенной власти. *Можно даже сказать, что производство биополитического тела и является подлинной деятельностью суверенной власти.* ... Помещая биологическую жизнь в центр своих расчетов современное Государство всего лишь проливает свет на тайные узы, соединяющие голую жизнь и власть, постоянно утверждая свою связь (ибо эта прочная связь между современностью и архаикой обнаруживается в самых разнообразных сферах) с самым древним из *arcana imperii* [Агамбен 2011: 13]. Можно предположить, что в глубинных основах бытия нового государства заключена постоянная и устойчивая связь с архаическими предпосылками цивилизации, истории, гражданского состояния общества. Именно наличие такой связи не только делает государство одним из «движителей» исторического процесса, но и обуславливает тенденцию к его эволюции в соответствии с запросами времени. Парадоксально, но эта сила «архэ», подпитывающая историческое движение общества и цивилизации, коренится в *зое* человека как такового, не только титана-князя, но и рядовых индивидов. С этого времени человек оказывается основной проблемой для любой социальной системы, включая и государство, поскольку является основанием, определяющим приоритеты и направленность ее динамики, а также составляет глубинный потенциал ее существования и видоизменений.

Это предположение перекликается с идеей Канта о том, что возможность свободы человека коренится в его способности к злу. «До пробуждения разума не было ни повеления, ни запрещения, следовательно, не было и преступления; когда же он стал заявлять о своем существовании – как ни слабы были его первые выступления – и столкнулся с животностью и всей ее силой, то должны были возникнуть страдания и, что еще хуже, пороки просвещенного разума, совершенно чуждые состоянию невежества и, следовательно, невинности. Первым шагом из этого состояния в нравственном отношении было, таким образом, *падение*... История *природы*, таким образом, начинается с добра, ибо она *произведение* Божье; история свободы – со зла, ибо она *дело рук человеческих*» [Кант 1980: 50].

Новое (национальное) государство своим возникновением только выявляет вонне то обстоятельство, что в глубинах общества назрели и подспудно совершаются кардинальные изменения. Одним из них является формирование политического человека Современности, благодаря чему спонтанная энергия «голой жизни» (*зое*) индивидов включается в политику.

Новая политика становится инструментом институционализации социальных стихий в качестве потенциала развития в разных областях общественной жизни. Многочисленные продукты институционализации стихийных сил «голой жизни» (конкуренция, выборы, гражданское участие, согласительные процедуры и т.п.) способствуют ускоренному формированию политического ресурса социальной динамики системы – знания-власти. С точки зрения Фуко, эта рационализированная форма власти предполагает секуляризацию целей (благодеяние людей не в «ином мире», а на земле), укрепление административных функций, широкое использование возможностей науки, полиции, благотворительности, медицины, семьи, воспитания, образования. Она обеспечивает интеграцию индивидов, их включение в современное государство посредством индивидуализирующих техник подчинения и делает таким образом государство матрицей производства индивидуальности [Фуко 2006: 171-173].

Так политика, отвечающая за накопление и рациональное использование властного потенциала «голой жизни», придает решающую окраску бытию человека Современности, становится *differentia specifica* этого бытия. С точки зрения Хайдеггера, такое становится возможным, когда возникает «исторически уникальная метафизическая позиция, для которой свобода становится своеобразным способом существенной...» [Хайдеггер 1993с: 118]. Своеобразная существенность свободы здесь – дуализм двух ее сторон, ночной и дневной. Ночная сторона, или голая раскованность и произвол, – не что иное, как «голая жизнь», *zoe*, а дневная сторона («притязание на Необходимое» как обязывающее и опорное) – *bios*, биополитика в том значении, какое мы находим у Фуко. Дуализм этот существует постольку, поскольку упущена из виду некая сердцевина, которая соединила бы обе стороны свободы в целое и выявила бы пока не угаданную ее суть [Хайдеггер 1993с: 119].

Догадки о неопознанной сути свободы, о наличии пробела – не столько в мышлении, сколько во внутреннем строе исторической действительности – указывают на контекст, в котором только и может быть поставлена основная метафизическая задача соединения живого существа и логоса, задача политизации «голой жизни» [Агамбен 2011: 15]. Условием возможности постановки такой задачи является встреча философии лицом к лицу с историей, та встреча, в которой универсальное мышление сталкивается с событием, рождающимся в разрыве («просвете») между сдвигающимся в прошлое настоящим и надвигающимся будущим.

Для Фуко первым философом, обратившимся к событию, которое существует «здесь» и «теперь», был Кант [Фуко 2006: 173-174]. Канту принадлежит попытка соединить универсальное и историческое, разорвав границы, в которые была заключена метафизика («логос») от Парменида и Аристотеля до Юма. Критическая (трансцендентальная) философия открыла новый этап развития метафизики, осуществив смену оснований, обеспечивающих согласование мышления и действительности посредством специфических априори. К их числу относятся не только когнитивные («пространство» и «время» как формы чувственного восприятия), но и социальные априори, фиксирующие новое положение в мире человека – следствие глубинного

сдвига в бытии человека Современности, связанного, на наш взгляд, с новым значением политики в его жизни. Это положение характеризуется изнутри идущей неустойчивостью, пробелом в сердцевине свободы, отмеченным Хайдеггером. Вследствие этого спектр возможных реализаций такого человека охватывает широкую шкалу значений, крайние точки которого – добро и зло. Как и во времена основоположников гуманизма Пико делла Мирандолы и Макиавелли, политический человек Современности стоит перед выбором, у которого нет иных оснований, кроме собственного решения. Именно поэтому кардинальное значение в жизни политического человека имеет философия, способная соединить универсальное и историческое.

Материал поступил в редколлегию 30.03.2016 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аверинцев С.С. 1973. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М. : Наука. 280 с.
- Агамбен Дж. 2011. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М. : Европа. 256 с.
- Баткин Л.М. 1978. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М. : Наука. 200 с.
- Баткин Л.М. 1989. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М. : Наука. 272 с.
- Гуревич А.Я. 1984. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Искусство. 350 с.
- Канетти Э. 2012. Масса и власть. М. : Астрель. 576 с.
- Кант И. 1980. Предполагаемое начало человеческой истории // И. Кант. Трактаты и письма. М. : Наука. С. 43-59.
- Ле Гофф Ж. 1992. Цивилизация средневекового Запада. М. : Издат. гр. «Прогресс» : Прогресс-Академия. 376 с.
- Лосев А.Ф. 1978. Эстетика Возрождения. М. : Мысль. 623 с.
- Макиавелли Н. 1987. Государь // Н. Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М. : Мысль. С. 37-108.
- Мамфорд Л. 2001. Миф машины. М. : Логос. 408 с.
- Мандельштам О. 1987. Слово и культура. М. : Совет. писатель. 320 с.
- Пико делла Мирандола Дж. 1981. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса : в 2 т. М. : Искусство. Т. 1. С. 248-265.
- Платон. 1972. Политик // Платон. Сочинения : в 3 т. М. : Мысль. Т. 3, ч. 2. С. 10-82.
- Скоробогатский В.В. 2002. Социокультурный анализ власти. Екатеринбург : Урал. акад. гос. службы. 288 с.
- Тернер В. 1983. Символ и ритуал. М. : Наука. 277 с.
- Фуко М. 1994. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сад. 407 с.
- Фуко М. 2005. Искусство государственного управления // М. Фуко. Интеллектуалы и власть : избр. полит. ст., выступления и интервью. М. : Праксис. Ч. 2. С. 183-211.
- Фуко М. 2006. Субъект и власть // М. Фуко. Интеллектуалы и власть : избр. полит. ст., выступления и интервью. М. : Праксис. Ч. 3. С. 161-190.
- Фуко М. 2010. Рождение биополитики. СПб. : Наука. 448 с.
- Хайдеггер М. 1993а. Время и бытие // М. Хайдеггер. Время и бытие : ст. и выступления. М. : Республика. С. 391-406.

Хайдеггер М. 1993b. Время картины мира // М. Хайдеггер. Время и бытие : ст. и выступления. М. : Республика. С. 41-62.

Хайдеггер М. 1993c. Европейский нигилизм // М. Хайдеггер. Время и бытие : ст. и выступления. М. : Республика. С. 63-176.

Эккерман Й.-П. 1981. Разговоры с Гете. М. : Худож. лит. 687 с.

References

Agamben G. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life], Moscow, Evropa, 2011, 256 p. (in Russ.).

Averintsev S.S. *Plutarkh i antichnaya biografiya. K voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra* [Plutarch and antique biography. On the problem of the place of a classic of the genre in the history of the genre], Moscow, Nauka, 1973, 280 p. (in Russ.).

Batkin L.M. *Ital'yanskie gumanisty: stil' zhizni, stil' myshleniya* [Italian humanists: style of life, style of mentality], Moscow, Nauka, 1978, 200 p. (in Russ.).

Batkin L.M. *Ital'yanskoe Vozrozhdenie v poiskakh individual'nosti* [The Italian Renaissance in search of individuality], Moscow, Nauka, 1989, 272 p. (in Russ.).

Canetti E. *Massa i vlast'* [Crowds and Power], Moscow, Astrel', 2012, 576 p. (in Russ.).

Eckermann J.P. *Razgovory s Gete* [Conversations with Goethe], Moscow, Khudozh. lit., 1981, 687 p. (in Russ.).

Foucault M. *Iskusstvo gosudarstvennogo upravleniya* [The art of public governance], *M. Fuko. Intellektualy i vlast' : izbr. polit. st., vystupleniya i interv'yu*, Moscow, Praxis, 2005, pt. 2, pp. 183-211. (in Russ.).

Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki* [The Birth of Biopolitics], St. Petersburg, Nauka, 2010, 448 p. (in Russ.).

Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences], St. Petersburg, A-cad, 1994, 407 p. (in Russ.).

Foucault M. *Sub'ekt i vlast'* [Subject and power], *M. Fuko. Intellektualy i vlast' : izbr. polit. st., vystupleniya i interv'yu*, Moscow, Praxis, 2006, pt. 3, pp. 161-190. (in Russ.).

Gurevich A.Ya. *Kategorii srednekovoy kul'tury* [Categories of Medieval culture], 2nd ed., rev. and enl., Moscow, Iskusstvo, 1984, 350 p. (in Russ.).

Heidegger M. *Evropeyskiy nihilizm* [European nihilism], *M. Khaydegger. Vremya i bytie : st. i vystupleniya*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 63-176. (in Russ.).

Heidegger M. *Vremya i bytie* [On Time and Being], *M. Khaydegger. Vremya i bytie : st. i vystupleniya*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 391-406. (in Russ.).

Heidegger M. *Vremya kartiny mira* [The Age of the World Picture], *M. Khaydegger. Vremya i bytie : st. i vystupleniya*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 41-62. (in Russ.).

Kant I. *Predpolagaemoe nachalo chelovecheskoy istorii* [Conjectural Beginning of Human History], *I. Kant. Traktaty i pis'ma*, Moscow, Nauka, 1980, pp. 43-59. (in Russ.).

Le Goff J. *Tsivilizatsiya srednekovogo Zapada* [Medieval Civilization], Moscow, Izdat. gr. «Progress», Progress-Akademiya, 1992, 376 s. (in Russ.).

Losev A.F. *Estetika Vozrozhdeniya* [Esthetics of the Renaissance], Moscow, Mysl', 1978, 623 p. (in Russ.).

Machiavelli N. *Gosudar'* [The Prince], *N. Makiavelli, Gosudar'. Rassuzhdeniya o pervoy deкаде Tita Liviya. O voennom iskusstve*, Moscow, Mysl', 1987, pp. 37-108. (in Russ.).

Mandelstam O. *Slovo i kul'tura* [Word and culture], Moscow, Sovet. pisatel', 1987, 320 p. (in Russ.).

Mumford L. *Mif mashiny* [The Myth of the Machine], Moscow, Logos, 2001, 408 p. (in Russ.).

Pico della Mirandola G. *Rech' o dostoinstve cheloveka* [Oration on the Dignity of Man], *Estetika Rennansans, in 2 vols.*, Moscow, Iskusstvo, 1981, vol. 1, pp. 248-265. (in Russ.).

Plato. *Politik* [Statesman], *Platon. Sochineniya, in 3 vols.*, Moscow, Mysl', 1972, vol. 3, pt. 2, pp. 10-82. (in Russ.).

Skorobogatskiy V.V. *Sotsiokul'turnyy analiz vlasti* [Social and cultural analysis of power], Ekaterinburg, Ural. akad. gos. sluzhby, 2002, 288 p. (in Russ.).

Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual], Moscow, Nauka, 1983, 277 p. (in Russ.).

Natalja A. Skorobogatskaja, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Chair of Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B. Eltsyn, Ekaterinburg. E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@uapa.ru

Vjacheslav V. Skorobogatskij, Doctor of Philosophy, Professor, Chair of Philosophy and Political Science, Urals Institute of Administration – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg. E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@uapa.ru

HOMO POLITICUS IN MODERN AGE

Abstract: The article considers the determinative significance of politics in the process of humane type development in the transition epoch from Middle Ages to the Modern Age. The system approach is a methodological basis of the theme research. Its implementation allows to group social, cultural, mental and historic factors of humane existence around system-forming basis, the function of which is the discretion of politics. Special aspect of the methodological method undertaken in the article is that provision of a rationale for the specific role of politics in a new humane type development is carried out a posteriori. Having defined a problem, the authors introduce an assumption initially based on the arguments of empiric character. Theoretical soundness of the assumption becomes apparent as some results are achieved and conclusions are formulated. The following results are obtained as part of the study. First, the individuality model typical for the Renaissance is reconstructed as the sphere of free self-existence of an individual where he implements his autonomy and totality of natural rights. Second, the conditions and causes of the origin of the phenomenon “the negative side of titanism” are found out, first of all, orientation to the lack of foundation (self- foundation) of a man of the Renaissance. Third, the mechanism of cardinal transformation of the antique model of politics, and origin of new politics that included “bare life” of the Prince into its structure are determined. Finally, the article proves the concept that Machiavelli’s Prince can be considered as the matrix of mass production of homo politicus of Modern Age. The authors attempted to bring out the significance of the problem of homo politicus of Modern Age as theoretical and methodological context, in which nontrivial subject and categorical relations between philosophical approaches of I. Kant, M. Heidegger, M. Foucault, and G. Agamben are determined. Analysis of this kind is necessary in order to prove special role of philosophy (metaphysics) in the existence of particular humane type. Accordingly, the main requirement to philosophy is to proceed from the combination of universal and historic as the basic principle. The novelty of the suggested approach and obtained results is connected with the provision of a rationale for the leading role of politics in forming the main characteristics of cultural and historic type of a man of Modern Age.

Keywords: project of humanism, “negative side of titanism”, “bare life”, power, Prince, homo politicus, politics as Modern Age destiny.

Главный редактор

чл.-кор. РАН, д-р юрид. наук, проф. **В.Н. РУДЕНКО**

Заместители главного редактора

Философия: к. филос. наук, доц. **К.В. КИСЕЛЕВ**

Политическая наука: к. полит. наук, доц. **В.С. МАРТЬЯНОВ**

Право: к. юрид. наук **В.В. ЭМИХ**

Международный редакционный совет

Д-р юрид. наук, проф. **А.С. АВТОНОМОВ**; д-р права, д-р полит. наук, проф. **А.С. ДУРАН**; д-р философии, проф. **Х.Х. АЛАРКОН** (Испания), д-р юрид. наук, проф. **А.Н. КОКОТОВ**, акад. РАН, д-р филос. наук, проф. **В.А. ЛЕКТОРСКИЙ (председатель)**; д-р филос. наук. **О.Ю. МАЛИНОВА**; проф.-исследователь **М.А. МАЛЬШЕВ** (Мексика); акад. РАН, д-р полит. наук, проф. **Ю.С. ПИВОВАРОВ**; д-р политологии, проф. **Т. РЕМИНГТОН** (США); д-р философии, проф. полит. наук и междунар. отношений **Р. САКВА** (Великобритания); д-р политологии **К. СИГМАН** (Франция).

Редакционная коллегия

Философия: д-р филос. наук, проф. **Ю.Г. ЕРШОВ**; д-р филос. наук, проф. **В.О. ЛОБОВИКОВ**; д-р филос. наук, проф. **К.Н. ЛЮБУТИН**; д-р филос. наук **Е.А. СТЕПАНОВА (ответственный редактор раздела)**; д-р филос. наук, проф. **Е.Г. ТРУБИНА**.

Политическая наука: д-р полит. наук **Е.Г. ДЬЯКОВА**; д-р полит. наук **С.В. МОШКИН**; д-р полит. наук, проф. **О.Б. ПОДВИНЦЕВ**; д-р полит. наук, проф. **О.В. ПОПОВА**; д-р полит. наук, проф. **О.Ф. РУСАКОВА (ответственный редактор раздела)**.

Право: д-р юрид. наук, проф. **О.И. ЗАЗНАЕВ**; д-р юрид. наук **М.Ф. КАЗАНЦЕВ (ответственный редактор раздела)**; д-р юрид. наук, проф. **С.В. КОДАН**; д. юрид. н., проф. **П.В. КРАШЕНИННИКОВ**; д-р юрид. наук, доц. **Н.А. ФИЛИПОВА**.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», в базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS) – с 2014 г.; ERIH PLUS – с 2015 г.

Учредитель

Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук

Издается с 1999 г. Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России». Т. 1. «Газеты и журналы» 43669.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС77-29547 от 14 сентября 2007 г.

ISSN 1818-0566 (Print); ISSN 2312-5128 (Online)

Адрес редакции: 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Скоробогатская Н.А., Скоробогатский В.В.* Человек политический
в эпоху современности.....5
- Васечко В.Ю.* Личность и церковь: проблема духовного становления
в русской религиозной философии (Ф.М. Достоевский,
В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой).....22
- Ищенко Н.И.* Мартин Хайдеггер: от феноменологии сознания
к феноменологии бытия39

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Трахтенберг А.Д.* Электронное правительство
и электронные услуги: операционализация
административной идеологии и тактики граждан63
- Юферева А.С.* Медиаконвергенция: основные подходы
к определению понятия80
- Зеркаль Д.А.* Средства массовой информации как инструмент
государственной информационной политики:
модели взаимодействия власти и СМИ94

ПРАВО

- Филиппова Н.А.* Защитник прав коренных народов
в регионах России: становление института 105
- Плетников В.С.* Понятие и виды моделей
в современной отечественной юриспруденции:
теоретико-правовое исследование 121

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- Skorobogatskaja, N., Skorobogatskij V.* Homo politicus in modern age5
- Vasechko, V.* Personality and Church: problem of spiritual formation
in Russian religious philosophy
(F. Dostoevsky, V. Solovyov, L. Tolstoy)22
- Ishchenko, N.* Martin Heidegger: from phenomenology of consciousness
to phenomenology of being.....39

POLITICAL SCIENCE

- Trakhtenberg, A.* E-Government and E-Services: operationalization
of administrative ideology and citizens' tactics63
- Yufereva, A.* Media convergence: main approaches to definition.....80
- Zerkal', A.* Mass media as a tool of state information policy:
models of authority and media interaction94

LAW

- Filippova, N.* Defender of indigenous rights in regions of Russia:
formation of the institute..... 105
- Pletnikov, V.* Concept and types of models
of modern domestic jurisprudence: theoretical-legal research..... 121

ФИЛОСОФИЯ

Научный ежегодник Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
2016. Том 16. Вып. 2, с. 5–21
<http://yearbook.uran.ru>

ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКИЙ В ЭПОХУ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 32

Наталья Александровна Скоробогаткая

кандидат философских наук, доцент
кафедры философии Уральского федерального университета
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург. E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@uapa.ru

Вячеслав Васильевич Скоробогаткий

доктор философских наук, профессор
кафедры философии и политологии
Уральского института управления – филиала РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург. E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@uapa.ru

Авторы раскрывают определяющее значение политики в процессе становления человеческого типа в переходную эпоху от Средневековья к Современности. Методологической основой исследования данной темы является системный подход. Его применение позволило провести группировку социальных, культурных, ментальных, исторических факторов человеческого существования вокруг системообразующего начала, функция которого отводится политике. Особенность предпринятого в статье методологического приема состоит в том, что обоснование специфической роли политики в становлении нового человеческого типа осуществляется апостериори. Сформулировав проблему, авторы вводят для ее решения допущение, первоначально опирающееся на аргументы эмпирического порядка. Теоретическая

корректность данного допущения выявляется по мере того, как достигаются определенные результаты и формулируются выводы. В ходе исследования получены следующие результаты. Во-первых, реконструирована характерная для Возрождения модель индивидуальности как области свободного самоосуществления индивида, в границах которой он реализует свою автономию, совокупность естественных прав. Во-вторых, раскрыты условия и причины возникновения феномена «обратной стороны титанизма», в первую очередь установка на бесосновность (самообоснованность) человека Возрождения. В-третьих, выявлен механизм кардинальной трансформации античной модели политики и возникновения новой политики в русле включения в ее структуру «голой жизни» Государя. Обосновано положение, что макиавеллевский Государь может быть рассмотрен в качестве матрицы массового производства политического человека Современности. Сделана попытка раскрыть значение проблемы политического человека Современности в качестве теоретико-методологического контекста, в котором выявляются в принципе не очевидные предметные и категориальные связи между философскими концепциями (подходами) Канта, Хайдеггера, Фуко и Агамбена. Подобного рода анализ необходим для обоснования особой роли философии (метафизики) в существовании данного человеческого типа и вытекающего из этого требования к философии исходить из соединения универсального и исторического как базового принципа. Новизна предлагаемого подхода и полученных результатов связана с обоснованием ведущей роли политики в формировании основных характеристик культурно-исторического типа человека современности.

Ключевые слова: проект гуманизма, «обратная сторона» титанизма, «голая жизнь», власть, Государь, политический человек, политика как судьба Современности.

Типологические исследования человека, которые проведены в русле цивилизационного (культурно-исторического, социокультурного) подхода, основаны на выделении структурных характеристик человеческого существования, обусловленных действием культуры, ментальности, истории или социума. Если в рамках формационных представлений, основанных на структуре «базис – надстройка», предпочтение отдавалось монистическим моделям детерминации, то здесь, напротив, обуславливающие факторы рассмотрены комплексно, системно, во взаимной связи и переплетении. И тогда, соответственно, возникают их различные конфигурации, когда на передний план в роли системообразующих начал выступают то социальные и/или культурные [Баткин 1978: 9-10], то ментальные факторы [Ле Гофф 1992: 239-243, 320-322; Гуревич 1984: 10-13].

Как правило, при этом остается в тени политический контекст бытия человека в обществе. Он либо сводится к конъюнктуре (особенностям государственного устройства или политического режима, характеру правления того или иного лица), которая рассмотрена как историческая случайность, величина «местного» масштаба, придающая данному человеческому типу дополнительную, но в общем несущественную окраску, либо растворяется в социальной среде среди разнообразных условий и причин общественной жизни человека. Поэтому авторы ставят цель показать определяющее значение политики для становления человеческого типа эпохи современности.

Вопрос об особой роли политики в жизни человека современности в отечественной литературе поставил Л.М. Баткин, увязав его с проблемой возникновения индивидуальности [Баткин 1989: 165-166]. Собственно, предметом размышления для него была именно новая постановка проблемы человеческой индивидуальности, предпринятая в рамках гуманистического движения эпохи Возрождения. Обычно под индивидуальностью понимается частное отклонение от типа, которое в каждом отдельном случае эмпирически обусловлено многообразием социальных, культурных, природных условий человеческой жизни, а также случайным распределением в массе индивидов физических и психических свойств и задатков, присущих человеческому роду в целом. Л.М. Баткин предложил иное толкование индивидуальности, подчеркнув, в противовес идее случайного характера индивидуальности, ее необходимость.

Необходимость индивидуальности заключается в том, что она есть пространство возможного (максимально возможного) развития индивидом родового потенциала. Индивидуальность – не результат, а перспектива, в свете которой и оценивается тот или иной индивид. Индивидуальность – мера человеческого в отдельном индивиде, степень воплощения человека в нем. Индивидуальность связана с восприятием образа конкретного человека, который не дан индивиду ни биологически, по факту рождения и принадлежности к виду *Homo sapiens*, ни эмпирическими условиями и обстоятельствами его существования. Человек, говоря языком Канта, *задан* индивиду, а индивидуальность – процесс и промежуточный результат исполнения этого задания, манифестация человека в человеческом мире. Человек как носитель родового потенциала, то есть по сути – системного качества, принадлежащего не индивиду, а человеческому роду, тем не менее не абстракция и не отвлеченный идеал. В разные культурные эпохи он находит те или иные формы реального выражения. В условиях конкретной современности он существует и проявляет себя в виде присущей ему индивидуальности. Отношение между индивидом и (родовым) человеком *опосредствуется* индивидуальностью: с момента своего появления она очерчивает границы автономии индивида, границы пространства его свободы. В данном пространстве индивид является суверенным обладателем естественных прав и носителем свободы.

Данная концепция индивидуальности исходит от модели человека, общий очерк которой дан в «Речи о достоинстве человека» Дж. Пико делла Мирандолы. Отличительная черта этой модели – безобразность человека. Не вступая в прямую полемику со Священным Писанием, он делает исходным определением человека отсутствие изначального облика, неопределенность, закладывая в самый фундамент человеческого бытия безосновность, которая раскрывается как обращенность к «ничто», нескончаемое движение становления, в котором уничтожаются как промежуточные все определения. Эту неопределенность Пико ставит в прямую связь со способностью человека свободно, по собственной воле приобрести любой вид (облик), от низшего до высшего: «...ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные» [Пико делла Мирандола 1981: 249].

В силу этого индивидуальность является открытым определением человека, завершенным *временно* и относительно. Она указывает, во-первых, на разнообразие возможных воплощений («видов», «обликов»), которые может принять человек, а во-вторых, на отсутствие той иерархии или шкалы, относительно которой эти воплощения могли быть ранжированы и получить то или иное «место» и соответствующую оценку. Разнообразие предполагает онтологическую равнозначность «обликов». В этой ситуации любая оценка заключает в себе огромный элемент произвольности, поскольку единственно возможным ее основанием является сам оценивающий субъект, вынужденный исходить в своей оценке из мнения, не имеющего опоры в бытии и так или иначе подкрепляемого представлениями, канонами и нормами, доставшимися от прошлого в виде традиции, распадающейся на мало связанные между собой, порой конфликтующие фрагменты. Именно тогда в новоевропейском сознании появляются так называемые «идолы», специально отмеченные Фр. Бэконом. С точки зрения Хайдеггера, это – ценности, характеризуемые им как «прохуdivшееся бытие» [Хайдеггер 1993b: 55-56].

Но в мире, где на первый план выходит человек, который, по словам Хайдеггера, «освобождает себя от первоочередной обязательности библейско-христианской истины Откровения и церковного учения» [Хайдеггер 1993c: 118], подрываются основы культурной традиции Средних веков, религиозной по сути. Новый человек самим фактом своего появления аннигилирует доставшиеся ему от прошлого культурные основы и предпосылки, начиная процесс самосотворения с чистого листа. Такое бытие человека есть экзистенция – продвинутое в сторону «ничто» существование без опоры и без наперед заданных целей и смысла, без остановок на пути становления. Это есть существование, совпадающее с процессом творения человеком себя самого.

Главная творческая сила человеческого бытия – время. Рассматривая внутреннюю связь того и другого, Хайдеггер подчеркивал, что «время и бытие сбываются в событии... Им человек как тот, кто внимает бытию, выстаивая в собственном времени, вынесен в свое собственное существо. Так сбывающийся, человек принадлежит к событию. Эта принадлежность покоится в отличительной черте события, особлении» [Хайдеггер 1993a: 404, 405]. «Особление» предполагает не только отделение, в нем присутствует «собственное» – обратная сторона безосновности, способность человека опираться на себя самого. Но платой за эту особенность становится новая по сравнению с античностью и средневековьем судьба человека – его прикованность к колесу становления, задание быть индивидуальностью. И эта новая судьба европейского человека, который возникает в преддверии Нового времени, в XVI в., – политика. Такое пересечение трех доселе независимых друг от друга сущностей (судьбы, политики, индивидуальности) образует пространство становления новоевропейского человека.

Уже на закате этой эпохи Гете повторял фразу Наполеона: рок в его современном значении – это *политика* [Эккерман 1981: 443]. Но первым так поставил вопрос Макиавелли. Пико делла Мирандола, выдвинув в своей

«Речи...» проект нового человека, делал упор на философию, на сферу свободного и универсального мышления как фактор и среду, в которой и при помощи которой возможно осуществление такого проекта. Сама специфика философии им безотчетно воспринималась как гарантия восхождения человека к вершинам духа. В этой безотчетности просматривается вполне средневековое по своим истокам убеждение о подчиненности философии – религии как стоящему за ней высшему началу. И это при том, что сам проект гуманизма предполагал выход на какую-то более высокую точку зрения, с которой религия вообще, в том числе и христианство, иудаизм и ислам, лишаясь изначальной исключительности и безусловности, могли быть сопоставлены с языческой античностью и находили свою истину именно в философии. В этом, собственно, и состоял отказ нового человека от обязательности истины Откровения и церковного учения, упомянутый Хайдеггером в «Европейском нигилизме». Казалось бы, искусство, в том числе культура Возрождения, подтверждали обоснованность, прочность этого убеждения. Если бы не одно обстоятельство – феномен «обратной стороны» титанизма с его «звериной» эстетикой [Лосев 1978: 120-138], или «человекобожие» [Баткин 1989: 164].

Неожиданный ракурс, в котором предстал титан Возрождения, непарадная сторона его «натуры» и образа жизни свидетельствовали о несомненном разрыве между искусством и человеком-творцом, о стихийном характере индивидуальности художника. Эта индивидуальность дисгармонировала с артефактами, произведенными самим же художником, которые были образцами гармонии, результатом тщательной продуманности, упорядоченности и мастерского исполнения. Все это – несомненные свидетельства кардинального пробела в структуре индивидуальности, следствием чего и были указанные эксцессы.

В чем причины возникновения такого пробела, чем он заполнялся? С точки зрения А.Ф. Лосева, стихийный характер индивидуальности со всеми ее негативными (равно как и положительными) проявлениями был обусловлен исторически. Эпоха коренной ломки средневековых институтов и структур, первоначального накопления капитала выводила на передний план особую породу людей – с сильной волей, целеустремленных, способных переступить через любые ограничения. Антропоцентризм и крайний субъективизм устремлений «нового человека» были динамическими составляющими «натуры» данного его типа. Органически связанные с универсальностью имеющихся способностей, они обуславливали реализацию его творческого потенциала. И они же свидетельствовали о высшей степени обращенности внимания человека на представленность себя, на свой образ в публичном пространстве, в пространстве коммуникации и общения.

Повседневное поведение человека Возрождения вне сферы искусства, в котором находила свое выражение «обратная сторона» титанизма, напоминает современный перформанс. Для него характерно своеобразное сочетание искусства и повседневности, ориентированное на сиюминутный эффект в глазах зрителя. Художник и зритель, столкнувшиеся в определенном месте и в определенное время, – таков минимальный набор условий,

вызывающих возникновение соответствующей «картины» [Культурология. XX век 1998: 120]. Это «опрокидывание» эстетики в быт свидетельствует об определяющем влиянии на поведение гуманиста своеобразной программы, или кода, функцию которого выполняла эстетика платоновского типа.

Общий знаменатель, делавший возможным сосуществование обеих сторон титанизма, – свобода, вырастающая из отказа от всего прошлого, от традиций и культурных запретов. Проявлением «обратной стороны» этой свободы стала нарочитая публичность и демонстративность нарушения всех и всяческих норм. Но они все же были продолжением того, что мы находим в сфере положительного осуществления индивидуальности – в искусстве. На взаимосвязь, более того – на структурную однородность «обратной» и положительной сторон титанизма, указывал А.Ф. Лосев, подчеркнувший, что гуманист-«оборотень» «был представителем своего рода платонической эстетики, которая отличалась от Платоновской академии только своим содержанием, но структурно ей вполне соответствовала. ... Она была аморальной и звериной в своем предметном содержании, но она же обладала всеми чертами самодовлеющей значимости, необычайной красочностью и выразительностью и какой-то... небывалой целесообразностью без цели» [Лосев 1978: 137, 121].

И то, и другое суть различные проекции эстетической концепции, их разность обусловлена не структурно, а функционально, не сущностно, а эмпирически, проявляет только различие «материй» воплощения одной и той же художественной формы. В одном случае такой материей является принадлежащая пространству универсальности область искусства, соприкасающаяся с вечностью и отвлеченная от жизненной стихии, от сиюминутности и повседневности. В другом – погруженный в эту стихию сиюминутности и повседневности преходящего времени человек.

Л.М. Баткин, в свою очередь, считал причиной, которая ведет к радикальному раздвоению, даже поляризации модусов осуществления индивидуальности, отсутствие в ней личного начала – того центра, который придавал бы жизненному поведению индивида рефлектированный, целенаправленный характер. Для него личность – это «глубоко специфическое явление Нового времени», ее суть – «установка на самообоснованность каждой человеческой индивидуальности». При этом она внеположена «сетке» социальных отношений, проблематике естественных прав и свобод (их носитель не личность, а индивид) и принадлежит целиком сфере общения, которая регулируется принципами разнообразия и диалогичности, положительного равенства сторон.

Отсутствующая личность могла бы стать той точкой, с помощью которой «сорвавшийся с орбиты традиции индивид» конструировал бы различные жизненные стратегии в зависимости от складывающихся обстоятельств, чтобы успешно противостоять капризам Фортуны, непрерывно меняющимся условиям времени. Ей не способен противостоять *природный* индивид, сколь бы глубоко не был он одарен от рождения и как бы далеко не ушел он в своем искусстве, поскольку его стихийная индивидуальность подвержена влиянию случая не в меньшей степени, чем сама Фортуна-время

[Баткин 1989: 166-170]. Исходя из этого Баткин предполагает, что макиавеллевский Государь – *эксперимент*: «Макиавелли... именно *благодаря сужению* логического русла в расщелине политики размышлял над возможностями отдельного человека так интенсивно и впрямую, как никто в итальянском Возрождении...» [Баткин 1989: 167]. С его точки зрения, это мысленный эксперимент, который проводится на *случайно* выбранной «площадке» политики. Макиавелли ищет фактор, способный обуздать стихии, игру случая, перемены, которые приносит с собой время. Искомый фактор – личность, способная к конструированию и непрерывной реконструкции индивидуальности. Лицом к лицу с грозной Фортуной – вот критерий масштаба личности, крупной и героической. И такую личность он находит в Государе.

Если, согласно Баткину, Государь для Макиавелли – просто удачный пример, наглядно демонстрирующий функциональное назначение личности, то нам представляется, что суть дела – гораздо глубже. Это удачный пример скорее для Баткина, чем для Макиавелли, ибо в данном случае речь идет об очередной интерпретации книги, вот уже пять веков составляющей загадку для читателей – политиков и ученых. С нашей точки зрения, Макиавелли отнюдь не случайно выбирает в качестве площадки «узкую расщелину политики», берет ее не «для примера», будто бы уже имея предварительно сформулированное общее решение, как предполагал Баткин. Напротив, он сужает поле размышления постольку, поскольку, додумав до конца сформулированную Пико делла Мирандолой ренессансную идею человека, он открывает некую субстанцию этого человека. И уже найдя после этого открытия нужный ракурс во взгляде на человека, он отбрасывает лишнее, сосредоточивая внимание на главном, на сути – на политике.

Если человек, согласно Пико, волен самостоятельно формировать индивидуальный облик, руководствуясь в своем выборе исключительно собственным разумом, направляемым новой философией (*свободным и универсальным* мышлением), то *обязан* ли он стремиться к идеальным целям, двигаясь «вверх», или может (имеет право) выбрать путь «вниз»? На чем вообще держится это «обязан», если «*для сорвавшегося с орбиты традиции индивида*» в мире отсутствует какая-либо иерархия качеств, которая бы обуславливала предпочтение положительного отрицательному, доброго злему, прекрасного безобразному? Иными словами, проблема заключается не только в отсутствии феномена личности как фактора, управляющего становлением индивидуальности и придающего ему направленный, а не стихийный характер. Это – вполне очевидная вещь. Проблема – в отсутствии оснований для выбора направления «вверх» или «вниз», она – в отсутствии самого «верха» и «низа», и соответственно более или менее *признанных* приоритетов, ценностей. Именно отсутствие ценностей, породившее ценностный пробел в культуре Возрождения, делает невозможным появление личности, ибо помимо структуры ценностно обусловленных предпочтений личность как таковая существовать не может. Ценностный пробел в культуре – такова цена, которую платил человек Возрождения за отказ от традиции, за освобождение от авторитета религии и церкви.

В этом пункте необходимо уточнить, что есть ценности и ценности. Когда вслед за Хайдеггером мы называли ценности «прохудившимся бытием», то имели в виду те фрагменты отжившей культурной традиции, которые определенное время, пока не завершился переход к новому, были функциональными суррогатами уходящей в небытие эпохи, точнее, ее внутреннего строя, действительности. Той действительности, истина которой имела основанием безусловный авторитет церковных предписаний и была рассчитана на тип человека, беспрекословно им подчиняющегося. Именно поэтому Макиавелли утверждает независимость политики от требований религии и расхожей морали: открытый Возрождением человеческий тип претендовал на исключительное право самозаконодательства, на автономию. Только с обретением эпохой Нового времени собственного прочного внутреннего строя, когда итоги становления новоевропейской культуры в ходе движения Просвещения получили рефлексированное выражение и закрепление, когда исчерпала свое историческое назначение «старая» (аристотелианская) метафизика и когда сложилась реальная почва для автономии индивида, только тогда смыслодержущие «стержни» этой культуры в виде трансцендентальных идей (категорий) получили значение ценностей уже в ином, не-хайдеггеровском смысле слова. В новом культурно-историческом контексте они стали регулятивами теоретического мышления, практического действия и способности суждения, посредством которых новый человек осуществлял свою свободу, таким образом самоудостоверяясь в истине. Фуко утверждал даже, что именно на стыке XVIII и XIX вв. возникает конкретный феномен – человек, которого мы знаем [Фуко 1994: 36].

До поры до времени выходом из положения была компромиссная версия ценностных оснований, представленная неоплатонической эстетикой, опиравшейся на античную философию и задававшей структурно-смысловую приоритет «идей» перед «вещами». Но только до той поры, пока процесс секуляризации не достиг своей крайней точки у Пико дела Мирандолы, после чего утратил (в принципе) силу авторитет любой традиции. Тем более что идейная «возвышенность» смысловых приоритетов, заданных эстетикой, по ту сторону собственно искусства оборачивалась чудовищным снижением смысла, поражая по-прежнему размахом доселе невиданного, смелостью в ниспровержении устоявшегося в соответствии с эстетическим кодом эпохи. Этот код оказался нейтральным по отношению к традиционной иерархии культурного «верха» и «низа», желаемого и запретного, допуская в качестве равноправных и одинаково уместных обе траектории: восходящее и нисходящее движение, анастрофу и катастрофу. Выбор траектории – суверенное право индивида, который принимает решение в зависимости от обстоятельств и собственных желаний. Завершенность и полнота воплощения замысла независимо от его направленности и семантики, необходимость достижения точки максимума в избранном направлении – требования, предъявляемые со стороны кода.

Что увидел Макиавелли в «узкой расщелине политики»?

Реконструируя историю становления новоевропейской метафизики, Хайдеггер задался вопросом: почему в ходе этого становления происходит

оборачивание значения (сути) субъективности. Если ранее субъект означал пред-лежащее, то есть не только человека, но и растение, и камень, словом, любое сущее, то теперь он пересекается с Я, так что новая эпоха с полным правом может характеризоваться как господство субъективного, но понимаемого уже в принципиально ином значении – чего-то выделенного в кругу сущего и противостоящего ему [Хайдеггер 1993с: 118]. Именно с этой точки зрения стихийная индивидуальность художника, которую Лосев характеризовал как антропоцентризм и крайний субъективизм и которая заключала в себе в качестве одной из стратегий поведения «обратную сторону титанизма», должна быть отнесена к разряду не культурных, а природных «вещей», к субъективности в старом смысле пред-лежащего. Это то, что Дж. Агамбен называет *зоэ*, «голой жизнью». Голую, или природную, жизнь, жизнь человеческого тела он отличает от *bios* – жизни, устроенной по правилам политики (с соответствующими ссылками на аристотелевскую «Политику») [Агамбен 2011: 7]. В этом ракурсе «обратная сторона титанизма» выглядит как результат выпадения/исключения индивида из институционального порядка – событие, возможное только вследствие исключительного положения, избранности данного индивида.

Каков возможный смысл такой исключительности, избранности человека-титана? Во всяком случае, она не связана с каким-то особым его положением в социальной иерархии, которое бы позволяло безнаказанно совершать те или иные преступления. Напротив. «Обратная сторона титанизма» не есть сумма, большая или малая, отступлений от правил, сколь бы регулярными и вызывающими они не были. Это – особый образ жизни, это нечто цельное и самодостаточное, что складывается в стороне от существующих правил, в стороне от социальности, вопреки ей и (забегая вперед) несет в себе начало новой социальности. Негативный характер «обратной стороны» – показатель различий между этим особым, только возникающим образом жизни и старым. Но не только. В момент столкновения нового со старым разрывается ткань исторического процесса. История как бы возвращается к исходному состоянию, погружаясь в область собственных первоначал – той архаики, которая была границей (или переходным мостиком) между варварством и цивилизацией.

Поэтому, с нашей точки зрения, исключительность титана – проявление *зоэ*, голы жизни с ее базовой оппозицией жизни и смерти, но проявление в той ее высшей точке, где жизнь совпадает с властью, где «жить» означает «властвовать», а «смерть» в ее социокультурном значении есть синоним подвластности, ничтожности индивида как органического элемента тела социума. «Момент *выживания* – это момент власти. ... Выживший один попирает одного или многих мертвых. Он видит себя одним, чувствует себя одним и, если говорить о власти, которую он ощущает в это мгновение, то нужно всегда помнить, что она проистекает только и исключительно из его *единственности*» [Канетти 2012: 279]. Выживший – это герой, ставший выше всех, избранник судьбы: «Он сильнее. В нем больше жизни. К нему благосклонны высшие силы» [Канетти 2012: 280].

Но это проявление *zoe* в рамках *bios*, некое исключение, имеющее не столько прямое (эмпирическое) значение, но значение скрытое, символическое. Оно указывает на наличие институционального порядка, требующего для своего поддержания особой санкции – верховной власти вождя. Ее истоки уходят не вниз, в сторону подвластной, безымянной человеческой массы – распростертого перед властью социального тела, а вверх, к Небу. Сама же власть представляется здесь как космическая сила, транслирующая правила и законы небесного миропорядка на землю [Мамфорд 2001: 230]. Ритуальный характер утверждения верховной власти раскрывается в лиминальных обрядах, сопровождающих инициацию будущего правителя, его символическое исключение/включение в социум в особой роли «держателя» вертикальной организации и жестко иерархического устройства сообщества [Тернер 1983: 169-176]. «Лиминальные обряды раскрывают архетипическую модель производства власти, строение которой (модели) определяется бинарной оппозицией власти-жизни, с одной стороны, и смерти – с другой. Точнее говоря, власть оказывается третьим членом этой оппозиции, медиатором, надстраиваемым (в рамках культурного комплекса цивилизации) над горизонталью соотношения жизни и смерти, опосредствующим это соотношение и дающим новое решение извечной проблемы... Смерть превращается в глубинный, базовый негативный контекст власти, в ее «свое иное» [Скоробогатский 2002: 103-104].

От взгляда Макиавелли не ускользнуло явление, которое можно считать *событием* в хайдеггеровском смысле. Это не случай и не происшествие, это раздвижение границ, когда настоящее становится сбывшимся, сдвигается в прошлое [Хайдеггер 1993а: 402-404]. Прошлое не вчерашнее, а отдаленное, та архаическая эпоха, из которой вышла цивилизация. Событие означает, что возник некий раздел между уходящей и надвигающейся эпохами, «просвет», в котором возможно повторное рождение власти, заполняющей разрывы в социальном пространстве отжившего средневековья. Рождение в виде социальной стихии – энергии, выделяемой общественным телом в процессе хаотических столкновений индивидов в рамках дезорганизованного институционального порядка и проявляющейся преимущественно в негативной, конфликтогенной форме «обратной стороны титанизма». Носителем этой власти-стихии стал титан Возрождения, а индивидуальность титана – локальным социокультурным пространством концентрации и разветвления этой силы.

Власть стала той социальной стихией, в русле которой и вместе с тем в противоборстве с которой складывался человек-титан. Автор «Государя» специально подчеркивал роль знания, предусмотрительности, решительности и опыта, которые словно латы, копье и меч у средневекового рыцаря давали титану шансы в борьбе со стихиями и случайностями, в том числе и в борьбе за власть [Макиавелли 1987: 103]. Эта структура способностей титана, когнитивная и волевая одновременно, есть зародышевая форма личности новоевропейского человека, или – Государя. Вместе с появлением этой новой фигуры, культурной протоформы, возникает и политика в ее новом значении, ставшая тем пространством эволюции Государя, в ходе

которой происходит укрощение властной стихии, власти в ее архетипическом виде. Благодаря Государю власть меняет форму своего общественного бытования, становится движущей субстанцией нового мира, а Государь, соответственно, выполняет функцию матрицы для массового «производства» политического человека Современности.

Обязательное условие этого поворота – изменение сути, даже природы политики по сравнению с тем, что демонстрировала античная традиция. В греческом полисе политикой называли область управления делами местного сообщества. Согласно Платону, политик-правитель был скорее воспитателем и пастырем, роль законодателя включала в себя нравоучение, которое было выше слепого следования закону [Платон 1972: 36, 63]. Полис по своей «природе» отвергал самовластное правление, при том что в реальности тираническая власть не была чем-то из ряда вон выходящим. Во всяком случае, с нормативной точки зрения, озвученной Катонем Старшим, «царь – это животное, по природе своей плотоядное» [Аверинцев 1973: 163]. Иными словами, в античном полисе *bios* была той границей, которая исключала из пространства публичной жизни *zoe*, голую жизнь индивида. Новое значение политики как пространства публичного осуществления власти и одного из ее источников наряду с традиционными (богатством и силой) предполагает возникновение личности в качестве массового социального феномена, который составляет цель социокультурной динамики власти в границах новоевропейской цивилизации. И это – рубеж, по ту сторону которого остается политическая традиция античности, с течением времени превращающаяся в исторический архив, в музейное собрание образцов для основоположников современной демократии и особенно для французских революционеров-радикалов [Мандельштам 1987: 83].

Античная полития не знала индивидуальности. Место ее занимал тот или иной выдающийся человек, в первую очередь политик, ролевая маска героя – персонажа исторической драмы эпохи классики, за которой проступала судьба. Политическая мысль античности исходила от категории «великой природы», а историография и литературная биография того времени руководствовались «канонами великих мужей» [Аверинцев 1973: 187, 181–183]. При этом гражданин, выступая в качестве структурно-смыслового элемента политии, ее атома, оставался мерой, которой поверяли отбор «выдающихся» индивидов, олицетворявших *bios* в ее идеальном – максимизированном и нормативном значении. В лице титана Возрождение актуализировало именно этот античный образ «великой природы», но своеобразно – противопоставив его существующему (старому) порядку (*bios*) и выводя на первый план *zoe* человека-титана. Легитимация *zoe*, индивидуальной природы правителя, получившая впоследствии углубленное обоснование в теории естественного права, с одной стороны, размывала существующий порядок, а с другой – стала фактором становления нового порядка и политического человека Современности.

Таким образом, радикальная трансформация античных категорий на переходе к Новому времени была обусловлена включением *zoe* в политику. Это придало политике новое содержание и новый статус, обусловило ее

превращение в один из источников власти в наступающую эпоху. Новым был сам подход к стихийным началам, к тому, что греки называли хаосом, то есть к исходному состоянию, из которого рождается упорядоченный, гармоничный и прекрасный Космос. Греки размещали этот пугающий мир первопричин («архэ») в мифическом прошлом, а с точки зрения текущего времени – за пределами космоса, на краю ойкумены. Макиавелли же конструирует образ политики, движущую, динамическую основу которой составляет творящая сила «архэ», в виде *зое* титана допущенная в настоящее, действующая «здесь» и «теперь» на постоянной основе. Вводя «голую жизнь» в сферу политики, он отвергает ее античную модель, суть которой заключалась в обуздании стихийной энергии социальных сил, сдобриваемом подачками, вроде «хлеба и зрелищ» эпохи первых цезарей. Новая политика становится способом производства и распределения власти, а функция политической машины (предназначенного для этого социально-технического устройства) отводится государству и его олицетворению – Государю.

Государство есть результат включения *зое* Государя в политику. Как подчеркивал Фуко, сам по себе макиавеллевский князь – нечто экстериорное и трансцендентное по отношению к княжеству, поскольку владение им (как собственностью) отличается от управления людьми [Фуко 2005: 187-188]. *Зоэ* Государя – не частность и не случайность, это не личная особенность, порождаемая характером или дурным воспитанием. Это исходящее с самого верха властной пирамиды правило, в соответствии с которым подлежат исключению из сферы политики требования религии и морали и вытекающие из них критерии различения доброго и дурного. «Особление» политики, находящей определяющие принципы внутри себя самой, от морали и религии – другая сторона проникновения в политику рациональных начал. В границах политики *зоэ*, или личная воля государя, направляется целесообразностью, диктуемой этими началами.

В данном пункте намечается превращение «естественного» государства как права силы, материализованного в структурах и институтах, которое имеет целью (о)владение чем-либо, в нечто иное – в государство современного типа. Государственное управление, понятое как управление людьми, предполагает следование государственному интересу, который опосредствует цели и действия князя, включая их в политический контекст. Опосредствование лишает их спонтанности и «дурной» произвольности и придает им рациональный характер. Одновременно с этим меняется привычное соотношение государства и управления как осуществления воли Государя. Новое государство не детерминирует управление, субстанциально предопределяя способы его осуществления. Скорее бытие государства существенно зависит от способа управления, степени его рациональности как способности к самоограничению. Управление есть переход государства, каким оно является «здесь» и «теперь», к его большей полноте, к максимуму бытия государства; переход обдуманый, разумный, просчитанный. «Управлять согласно принципу государственного интереса – значит стараться, чтобы государство могло сделаться прочным и устойчивым, чтобы оно могло стать богатым, ... могло противостоять всему, что может его

разрушить» [Фуко 2010: 16]. Поэтому государство не следует рассматривать как данность, как однажды возникшее образование, развивающееся с этого момента по своей внутренней логике. Государство коррелятивно способу управления в соответствии с государственным интересом или, что то же, новому типу рациональности [Фуко 2010: 18-19].

К числу необходимых условий нового государства относятся, во-первых, Государь, во-вторых, массовое тиражирование индивидов-граждан как базовых элементов политического тела. Отмечая, что это государство интегрирует в себе две техники властвования – тотализацию (господство) и индивидуализацию (осознанное подчинение), Агамбен приходит к выводу, что «включение голой жизни в сферу политического составляет первоначальное – хоть и потаенное – ядро суверенной власти. *Можно даже сказать, что производство биополитического тела и является подлинной деятельностью суверенной власти.* ... Помещая биологическую жизнь в центр своих расчетов современное Государство всего лишь проливает свет на тайные узы, соединяющие голую жизнь и власть, постоянно утверждая свою связь (ибо эта прочная связь между современностью и архаикой обнаруживается в самых разнообразных сферах) с самым древним из *arcana imperii* [Агамбен 2011: 13]. Можно предположить, что в глубинных основах бытия нового государства заключена постоянная и устойчивая связь с архаическими предпосылками цивилизации, истории, гражданского состояния общества. Именно наличие такой связи не только делает государство одним из «движителей» исторического процесса, но и обуславливает тенденцию к его эволюции в соответствии с запросами времени. Парадоксально, но эта сила «архэ», подпитывающая историческое движение общества и цивилизации, коренится в *зое* человека как такового, не только титана-князя, но и рядовых индивидов. С этого времени человек оказывается основной проблемой для любой социальной системы, включая и государство, поскольку является основанием, определяющим приоритеты и направленность ее динамики, а также составляет глубинный потенциал ее существования и видоизменений.

Это предположение перекликается с идеей Канта о том, что возможность свободы человека коренится в его способности к злу. «До пробуждения разума не было ни повеления, ни запрещения, следовательно, не было и преступления; когда же он стал заявлять о своем существовании – как ни слабы были его первые выступления – и столкнулся с животностью и всей ее силой, то должны были возникнуть страдания и, что еще хуже, пороки просвещенного разума, совершенно чуждые состоянию невежества и, следовательно, невинности. Первым шагом из этого состояния в нравственном отношении было, таким образом, *падение*... История *природы*, таким образом, начинается с добра, ибо она *произведение* Божье; история свободы – со зла, ибо она *дело рук человеческих*» [Кант 1980: 50].

Новое (национальное) государство своим возникновением только выявляет вовне то обстоятельство, что в глубинах общества назрели и подспудно совершаются кардинальные изменения. Одним из них является формирование политического человека Современности, благодаря чему спонтанная энергия «голой жизни» (*зое*) индивидов включается в политику.

Новая политика становится инструментом институционализации социальных стихий в качестве потенциала развития в разных областях общественной жизни. Многочисленные продукты институционализации стихийных сил «голой жизни» (конкуренция, выборы, гражданское участие, согласительные процедуры и т.п.) способствуют ускоренному формированию политического ресурса социальной динамики системы – знания-власти. С точки зрения Фуко, эта рационализированная форма власти предполагает секуляризацию целей (благодеяние людей не в «ином мире», а на земле), укрепление административных функций, широкое использование возможностей науки, полиции, благотворительности, медицины, семьи, воспитания, образования. Она обеспечивает интеграцию индивидов, их включение в современное государство посредством индивидуализирующих техник подчинения и делает таким образом государство матрицей производства индивидуальности [Фуко 2006: 171-173].

Так политика, отвечающая за накопление и рациональное использование властного потенциала «голой жизни», придает решающую окраску бытию человека Современности, становится *differentia specifica* этого бытия. С точки зрения Хайдеггера, такое становится возможным, когда возникает «исторически уникальная метафизическая позиция, для которой свобода становится своеобразным способом существенной...» [Хайдеггер 1993с: 118]. Своеобразная существенность свободы здесь – дуализм двух ее сторон, ночной и дневной. Ночная сторона, или голая раскованность и произвол, – не что иное, как «голая жизнь», *zoe*, а дневная сторона («притязание на Необходимое» как обязывающее и опорное) – *bios*, биополитика в том значении, какое мы находим у Фуко. Дуализм этот существует постольку, поскольку упущена из виду некая сердцевина, которая соединила бы обе стороны свободы в целое и выявила бы пока не угаданную ее суть [Хайдеггер 1993с: 119].

Догадки о неопознанной сути свободы, о наличии пробела – не столько в мышлении, сколько во внутреннем строе исторической действительности – указывают на контекст, в котором только и может быть поставлена основная метафизическая задача соединения живого существа и логоса, задача политизации «голой жизни» [Агамбен 2011: 15]. Условием возможности постановки такой задачи является встреча философии лицом к лицу с историей, та встреча, в которой универсальное мышление сталкивается с событием, рождающимся в разрыве («просвете») между сдвигающимся в прошлое настоящим и надвигающимся будущим.

Для Фуко первым философом, обратившимся к событию, которое существует «здесь» и «теперь», был Кант [Фуко 2006: 173-174]. Канту принадлежит попытка соединить универсальное и историческое, разорвав границы, в которые была заключена метафизика («логос») от Парменида и Аристотеля до Юма. Критическая (трансцендентальная) философия открыла новый этап развития метафизики, осуществив смену оснований, обеспечивающих согласование мышления и действительности посредством специфических априори. К их числу относятся не только когнитивные («пространство» и «время» как формы чувственного восприятия), но и социальные априори, фиксирующие новое положение в мире человека – следствие глубинного

сдвига в бытии человека Современности, связанного, на наш взгляд, с новым значением политики в его жизни. Это положение характеризуется изнутри идущей неустойчивостью, пробелом в сердцевине свободы, отмеченным Хайдеггером. Вследствие этого спектр возможных реализаций такого человека охватывает широкую шкалу значений, крайние точки которого – добро и зло. Как и во времена основоположников гуманизма Пико делла Мирандолы и Макиавелли, политический человек Современности стоит перед выбором, у которого нет иных оснований, кроме собственного решения. Именно поэтому кардинальное значение в жизни политического человека имеет философия, способная соединить универсальное и историческое.

Материал поступил в редколлегию 30.03.2016 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аверинцев С.С. 1973. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М. : Наука. 280 с.
- Агамбен Дж. 2011. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М. : Европа. 256 с.
- Баткин Л.М. 1978. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М. : Наука. 200 с.
- Баткин Л.М. 1989. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М. : Наука. 272 с.
- Гуревич А.Я. 1984. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Искусство. 350 с.
- Канетти Э. 2012. Масса и власть. М. : Астрель. 576 с.
- Кант И. 1980. Предполагаемое начало человеческой истории // И. Кант. Трактаты и письма. М. : Наука. С. 43-59.
- Ле Гофф Ж. 1992. Цивилизация средневекового Запада. М. : Издат. гр. «Прогресс» : Прогресс-Академия. 376 с.
- Лосев А.Ф. 1978. Эстетика Возрождения. М. : Мысль. 623 с.
- Макиавелли Н. 1987. Государь // Н. Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М. : Мысль. С. 37-108.
- Мамфорд Л. 2001. Миф машины. М. : Логос. 408 с.
- Мандельштам О. 1987. Слово и культура. М. : Совет. писатель. 320 с.
- Пико делла Мирандола Дж. 1981. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса : в 2 т. М. : Искусство. Т. 1. С. 248-265.
- Платон. 1972. Политик // Платон. Сочинения : в 3 т. М. : Мысль. Т. 3, ч. 2. С. 10-82.
- Скоробogaцкий В.В. 2002. Социокультурный анализ власти. Екатеринбург : Урал. акад. гос. службы. 288 с.
- Тернер В. 1983. Символ и ритуал. М. : Наука. 277 с.
- Фуко М. 1994. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сэд. 407 с.
- Фуко М. 2005. Искусство государственного управления // М. Фуко. Интеллектуалы и власть : избр. полит. ст., выступления и интервью. М. : Праксис. Ч. 2. С. 183-211.
- Фуко М. 2006. Субъект и власть // М. Фуко. Интеллектуалы и власть : избр. полит. ст., выступления и интервью. М. : Праксис. Ч. 3. С. 161-190.
- Фуко М. 2010. Рождение биополитики. СПб. : Наука. 448 с.
- Хайдеггер М. 1993а. Время и бытие // М. Хайдеггер. Время и бытие : ст. и выступления. М. : Республика. С. 391-406.

Хайдеггер М. 1993b. Время картины мира // М. Хайдеггер. Время и бытие : ст. и выступления. М. : Республика. С. 41-62.

Хайдеггер М. 1993c. Европейский нигилизм // М. Хайдеггер. Время и бытие : ст. и выступления. М. : Республика. С. 63-176.

Эккерман Й.-П. 1981. Разговоры с Гете. М. : Худож. лит. 687 с.

References

Agamben G. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life], Moscow, Evropa, 2011, 256 p. (in Russ.).

Averintsev S.S. *Plutarkh i antichnaya biografiya. K voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra* [Plutarch and antique biography. On the problem of the place of a classic of the genre in the history of the genre], Moscow, Nauka, 1973, 280 p. (in Russ.).

Batkin L.M. *Ital'yanskie gumanisty: stil' zhizni, stil' myshleniya* [Italian humanists: style of life, style of mentality], Moscow, Nauka, 1978, 200 p. (in Russ.).

Batkin L.M. *Ital'yanskoe Vozrozhdenie v poiskakh individual'nosti* [The Italian Renaissance in search of individuality], Moscow, Nauka, 1989, 272 p. (in Russ.).

Canetti E. *Massa i vlast'* [Crowds and Power], Moscow, Astrel', 2012, 576 p. (in Russ.).

Eckermann J.P. *Razgovory s Gete* [Conversations with Goethe], Moscow, Khudozh. lit., 1981, 687 p. (in Russ.).

Foucault M. *Iskusstvo gosudarstvennogo upravleniya* [The art of public governance], *M. Fuko. Intellektualy i vlast' : izbr. polit. st., vystupleniya i interv'yu*, Moscow, Praxis, 2005, pt. 2, pp. 183-211. (in Russ.).

Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki* [The Birth of Biopolitics], St. Petersburg, Nauka, 2010, 448 p. (in Russ.).

Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences], St. Petersburg, A-cad, 1994, 407 p. (in Russ.).

Foucault M. *Sub'ekt i vlast'* [Subject and power], *M. Fuko. Intellektualy i vlast' : izbr. polit. st., vystupleniya i interv'yu*, Moscow, Praxis, 2006, pt. 3, pp. 161-190. (in Russ.).

Gurevich A.Ya. *Kategorii srednekovoy kul'tury* [Categories of Medieval culture], 2nd ed., rev. and enl., Moscow, Iskusstvo, 1984, 350 p. (in Russ.).

Heidegger M. *Evropeyskiy nihilizm* [European nihilism], *M. Khaydegger. Vremya i bytie : st. i vystupleniya*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 63-176. (in Russ.).

Heidegger M. *Vremya i bytie* [On Time and Being], *M. Khaydegger. Vremya i bytie : st. i vystupleniya*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 391-406. (in Russ.).

Heidegger M. *Vremya kartiny mira* [The Age of the World Picture], *M. Khaydegger. Vremya i bytie : st. i vystupleniya*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 41-62. (in Russ.).

Kant I. *Predpolagaemoe nachalo chelovecheskoy istorii* [Conjectural Beginning of Human History], *I. Kant. Traktaty i pis'ma*, Moscow, Nauka, 1980, pp. 43-59. (in Russ.).

Le Goff J. *Tsivilizatsiya srednekovogo Zapada* [Medieval Civilization], Moscow, Izdat. gr. «Progress», Progress-Akademiya, 1992, 376 s. (in Russ.).

Losev A.F. *Estetika Vozrozhdeniya* [Esthetics of the Renaissance], Moscow, Mysl', 1978, 623 p. (in Russ.).

Machiavelli N. *Gosudar'* [The Prince], *N. Makiavelli, Gosudar'. Rassuzhdeniya o pervoy deкаде Tita Liviya. O voennom iskusstve*, Moscow, Mysl', 1987, pp. 37-108. (in Russ.).

Mandelstam O. *Slovo i kul'tura* [Word and culture], Moscow, Sovet. pisatel', 1987, 320 p. (in Russ.).

Mumford L. *Mif mashiny* [The Myth of the Machine], Moscow, Logos, 2001, 408 p. (in Russ.).

Pico della Mirandola G. *Rech' o dostoinstve cheloveka* [Oration on the Dignity of Man], *Estetika Rennansans, in 2 vols.*, Moscow, Iskusstvo, 1981, vol. 1, pp. 248-265. (in Russ.).

Plato. *Politik* [Statesman], *Platon. Sochineniya, in 3 vols.*, Moscow, Mysl', 1972, vol. 3, pt. 2, pp. 10-82. (in Russ.).

Skorobogatskiy V.V. *Sotsiokul'turnyy analiz vlasti* [Social and cultural analysis of power], Ekaterinburg, Ural. akad. gos. sluzhby, 2002, 288 p. (in Russ.).

Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual], Moscow, Nauka, 1983, 277 p. (in Russ.).

Natalja A. Skorobogatskaja, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Chair of Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B. Eltsyn, Ekaterinburg. E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@uapa.ru

Vjacheslav V. Skorobogatskij, Doctor of Philosophy, Professor, Chair of Philosophy and Political Science, Urals Institute of Administration – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg. E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@uapa.ru

HOMO POLITICUS IN MODERN AGE

Abstract: The article considers the determinative significance of politics in the process of humane type development in the transition epoch from Middle Ages to the Modern Age. The system approach is a methodological basis of the theme research. Its implementation allows to group social, cultural, mental and historic factors of humane existence around system-forming basis, the function of which is the discretion of politics. Special aspect of the methodological method undertaken in the article is that provision of a rationale for the specific role of politics in a new humane type development is carried out a posteriori. Having defined a problem, the authors introduce an assumption initially based on the arguments of empiric character. Theoretical soundness of the assumption becomes apparent as some results are achieved and conclusions are formulated. The following results are obtained as part of the study. First, the individuality model typical for the Renaissance is reconstructed as the sphere of free self-existence of an individual where he implements his autonomy and totality of natural rights. Second, the conditions and causes of the origin of the phenomenon “the negative side of titanism” are found out, first of all, orientation to the lack of foundation (self- foundation) of a man of the Renaissance. Third, the mechanism of cardinal transformation of the antique model of politics, and origin of new politics that included “bare life” of the Prince into its structure are determined. Finally, the article proves the concept that Machiavelli’s Prince can be considered as the matrix of mass production of homo politicus of Modern Age. The authors attempted to bring out the significance of the problem of homo politicus of Modern Age as theoretical and methodological context, in which nontrivial subject and categorical relations between philosophical approaches of I. Kant, M. Heidegger, M. Foucault, and G. Agamben are determined. Analysis of this kind is necessary in order to prove special role of philosophy (metaphysics) in the existence of particular humane type. Accordingly, the main requirement to philosophy is to proceed from the combination of universal and historic as the basic principle. The novelty of the suggested approach and obtained results is connected with the provision of a rationale for the leading role of politics in forming the main characteristics of cultural and historic type of a man of Modern Age.

Keywords: project of humanism, “negative side of titanism”, “bare life”, power, Prince, homo politicus, politics as Modern Age destiny.

ЛИЧНОСТЬ И ЦЕРКОВЬ: ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО СТАНОВЛЕНИЯ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ (Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ, В.С. СОЛОВЬЕВ, Л.Н. ТОЛСТОЙ)

УДК 1(47+57)091

Вячеслав Юрьевич Васечко

доктор философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела права
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Любой религиозный мыслитель рано или поздно встает перед мировоззренческой проблемой: как соотносятся его конфессиональная принадлежность и свобода мышления? Способствует религиозная идентификация его (и всякого другого индивида) личностному самоопределению или наоборот препятствует? В трактате И. Канта «Религия в пределах только разума» определены те ключевые пункты, в которых церковь как институт рискует отойти от своего истинного предназначения и превратиться в замкнутую корпорацию, члены которой будут всячески препятствовать духовному развитию своей паствы. Три центральные фигуры русской религиозно-философской мысли XIX в., обращаясь к Канту, по-разному определяют статус церкви в социуме и соответственно отношение к ней личности, а также перспективы ее социально-политического и нравственно-культурного реформирования. «Почвеннический» проект Ф.М. Достоевского, самый лояльный к церкви, существенно не затрагивает социально-политическое статус-кво и церковную иерархию и ограничивает пространство личностного развития православным форматом. Православная церковь обладает, по мнению Достоевского, достаточным потенциалом, чтобы служить духовным ориентиром не только для русского народа, но и для всего человечества. Более критичный по отношению к православной церкви протоэкуменический проект В.С. Соловьева предполагает самый широкий диалог и организационное объединение христианских конфессий в единую церковь как силу, руководящую процессом строительства общества «свободной теократии», перехода человечества в состояние Богочеловечества. Самый радикальный проект Л.Н. Толстого обосновывает необходимость отказа от какой-либо национальной и конфессиональной идентификации, обращение к всемирно-историческому опыту культур Запада и Востока и чисто рационалистическую интерпретацию нравственных абсолютов. Три указанных проекта находят своих последователей среди современной русской и зарубежной интеллигенции. Их адепты продолжают традиции отечественной философии в решении социально-политических и нравственно-мировоззренческих проблем.

Ключевые слова: церковь, православие, Кант, Достоевский, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, личность, конфессионализм, клерикализм, рационализация, свободная теократия

Одна из центральных проблем для любого честного религиозного мыслителя независимо от его вероисповедной принадлежности – это статус церкви как социального института. К какой бы конфессии не принадлежал данный мыслитель, ему, поскольку он касается социальных и мировоззренческих вопросов, обязательно придется определиться также с проблемой места института церкви в обществе и культуре причем в первую очередь именно той самой конфессиональной церкви, с которой он себя идентифицирует. Актуальность этой проблемы, безусловно, тем острее, чем, во-первых, значимее роль церкви как социального института, во-вторых, чем большее место занимает религия в индивидуальных поисках конкретного мыслителя. Нет сомнения, что эти факторы очевидны применительно к современной России, ее культуре и одному из ее столпов – Русской Православной Церкви.

Представляется, что в историческом плане с наибольшей основательностью подошел к данному предмету Иммануил Кант в трактате «Религия в пределах только разума», написанном в 1793 г., вскоре после выхода в свет трех его знаменитых «Критик» и, естественно, с использованием уже разработанного им к тому времени философско-методологического инструментария. Сохраняя в целом лояльность в отношении лютеранской церкви, в лоне которой он вырос и был воспитан, Кант отмечает те пункты, с которых может начаться отход церкви от ее истинного, внеинституционального предназначения. Как только «церковь видимая», служащая для временного объединения людей в условиях земной жизни, начинает претендовать на права «церкви невидимой», «всеобщей», как только «историческая вера» со всей случайностью и произвольностью ее обрядов и церемоний начинает себя позиционировать как нечто самоценное и абсолютное, служение церкви превращается в «лжеслужение», в «суррогат морального служения Богу», в фарисейство и суеверие.

Не пытаясь решить задачу анализа того множества тем, которые представлены в трактате Канта, рассмотрим, каким образом его отношение к церкви и к ее социальным и культурным функциям представлено в мировоззрении трех крупнейших русских мыслителей XIX в. – Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева и Л.Н. Толстого. При многих иных расхождениях все они оставались религиозными людьми, причем искренними христианами и более чем определенно осуждали безверие, материализм и атеизм. Персональные отношения каждого из них с православной церковью складывались, как известно, по-разному. Неоднозначно решали они и вопросы о значении церкви в истории и культуре прошлой и современной им России, взаимоотношениях с обществом и государством, роли в становлении личности христианина. При всех нюансах их расхождений налицо то, что роднит их не только между собой, но и с Кантом (хотя и не только с ним). Очевидно их общее стремление к самостоятельной рефлексии, попытки мыслить свободно, неангажированно, что закономерно приводят личность к напряженности в отношениях с официальными церковными властями, к взаимному непониманию и конфликтам. По сути позицию каждого из них можно представить не только как индивидуальное осмысление проблем

«личность и церковь», «церковь и общество», «церковь и культура», но и как определенный проект решения этих проблем в перспективном плане.

Проект Достоевского: актуализация наличного духовного и культурного потенциала РПЦ. Безусловно, ближе всего к «церковной ограде» стоит Достоевский, особенно если мы рассматриваем последнее двадцатилетие его жизни. В это время он довольно строго соблюдает православные обряды и регулярно посещает церковные службы. Среди его близких друзей – член Государственного Совета Константин Победоносцев, законоучитель двух престолонаследников и будущих императоров – Александра III и Николая II, будущий многолетний обер-прокурор Святейшего Синода¹.

В романах Достоевского и в его журнальной публицистике («Дневник писателя») православие предстает в роли духовного, нравственного и организационного стержня русской цивилизации, выступает как живая душа русского народа, высший ориентир и спасение от всех несчастий прошлого, настоящего и грядущего. Именно в православии мыслитель видит ту высшую идею, которой жив наш великий народ и благодаря которой он вполне может «стать во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их ... к окончательной цели, всем им предназначенной» [Достоевский 2010: 496]. Отказ русского человека от этой религии в пользу иных духовных ценностей (неважно, каких – католических, либеральных, позитивистских, материалистических, социалистических) равносителен потере национальной идентичности, измене тому лучшему и главному, что дала Россия миру и что определяет, по мнению Достоевского, ее место в истории и культуре человечества. Подобно своим любимым героям (князю Мышкину, Ивану Шатову, Алеше Карамазову) он глубоко страдает, видя, как русское общество чуть ли не в массовом порядке поддается соблазнам западной культуры и покидает (если не физически, то во всяком случае ментально) родную почву.

Молодой Соловьев в одной из трех известных речей, прочитанных вскоре после смерти Достоевского, резюмирует, что последнее слово, до которого тот дошел, – это «Церковь как положительный общественный идеал, как основа и цель всех наших мыслей и дел и всенародный подвиг как прямой путь для осуществления этого идеала» [Соловьев В. 1988: 301]. Однако Соловьев верно подмечает, что Достоевский, говоря о православной церкви, намеренно не разводит понятий церкви как мистического тела Христова и как просто собрания верующих того или иного исповедания: он не имеет «никаких богословских притязаний» и поэтому не следует «искать у него логических определений Церкви по существу» [Соловьев В. 1988: 300].

Если с учетом этой ремарки вчитаться в художественные и публицистические тексты Достоевского, то будет понятно, почему он далеко не

¹ Стоит напомнить, что именно к Победоносцеву будет обращено гневное письмо Владимира Соловьева от 31 января 1892 г., предрекавшего, что его религиозная политика наведет на Россию «египетские казни» [Соловьев В. 1999с: 1047], и что именно он будет изображен в 1900 г. Львом Толстым в романе «Воскресение» под фамилией Топорова одним из главнейших душителей свободной мысли в стране [Толстой 1959: 314-317; Сопельняк 2008].

идеализировал ни состояние, в котором находилась Русская православная церковь того времени, ни нравственное состояние простого народа. Если бы церковь действительно пользовалась авторитетом в глазах хотя бы низших сословий, то вряд ли простой штундистский пастор сумел обычной проповедью трезвости отвратить в Херсонской губернии от православия большую группу простых людей, вовсе не испорченных европейским образованием [Достоевский 2010: 111-114]. И если бы, например, система подготовки кадров православных пастырей была поставлена должным образом, то вряд ли питомцы семинарий типа циника и нигилиста Ракитина, ярко обрисованного в «Братьях Карамазовых», представляли серьезную угрозу русской культуре, включая и саму православную церковь¹.

Как нам представляется, отнюдь не случайным является то обстоятельство, что среди положительных героев художественных произведений Достоевского мы не встречаем ни представителей белого духовенства, ни иерархов РПЦ. Налицо красноречивое молчание, ясно говорящее, что писатель не мог или не хотел касаться этой тематики. Есть, правда, и альтернативные примеры, но они при внимательном рассмотрении только подтверждают правило. Так, исповедник Ставрогина, бывший епископ Тихон в «Бесах» (имеющий прототипом святого Тихона Задонского, произведения которого Достоевский хорошо знал) и старец Зосима в «Братьях Карамазовых» (во многом списанный с лично знакомого автору Амвросия Оптинского) – это духовные лица, находящиеся вне иерархии, пребывающие «на покое» и так или иначе дистанцирующиеся от РПЦ как полугосударственного института. Их авторитет в глазах окружающих, в глазах автора и его читателей носит чисто моральный характер. В поучениях Зосимы, старательно записанных Алешей Карамазовым, мы не находим ничего «поповского» в том смысле, что это свод заповедей жизни для идеального христианина безотносительно к его социальному статусу, равно применимый для священников и мирян. Да и сам Алеша, мечтающий о тихой и благочестивой жизни в монастыре, в качестве последнего напутствия от старца получает настоятельный совет: оставить послушничество, вернуться «в мир» и именно там продолжить свое служение Богу.

Наиболее интересным в этой связи представляется образ Великого Инквизитора из тех же «Братьев Карамазовых». Как справедливо замечал Н.А. Бердяев, католический антураж «поэмы», сочиненной Иваном Карамазовым, не должен заслонить для нас сути дела. А она заключается в том, что аргументация Инквизитора характерна не только для западных христианских церквей (в первую очередь для католической), но и для богословствующих клерикалов вообще, вне связи с какой-либо определенной конфессией, и иерархи РПЦ тут далеко не исключение. Дух Великого Инквизитора реализует себя не только в идеологии и системе папской теократии. Его «можно было бы открыть и в византийском православии, и во всяком цезаризме, и во всяком империализме» [Бердяев 1994: 130]. А убежденность подобного рода людей, их готовность к неограниченным жертвам, пусть даже порой

¹ См. также по этому вопросу: [Филиппов 2006].

они готовы принести в жертву и себя в том числе, делают их для подлинно христианского идеала еще более опасными.

Среди тезисов Инквизитора необходимо выделить тот, который максимально сближает его кредо с «благочестивым лжеслужением» как суррогатом религиозности, скрупулезно проанализированным в трактате Канта. «Есть ... единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков для их счастья, – эти силы: чудо, тайна и авторитет»; «Мы исправили подвиг Твой, – и основали его на чуде, тайне и авторитете» [О Великом Инквизиторе... 1991: 32, 34], – обращается герой Ивана Карамазова к плененному им Христу, почти дословно цитируя Канта, где он говорит о трех видах иллюзорного, лицемерного, формального верования¹.

Разница, правда, в третьем «столпе»: то, что Кант расплывчато и осторожно называет «верой в средства снискания благодати», у Инквизитора получает более краткое и емкое имя «авторитет», более понятное не только Ивану и Алеше, но и массовому российскому читателю, на которого в первую очередь рассчитан роман Достоевского. При этом остается бесспорным, что мрачная доктрина Великого Инквизитора – такой же антипод и извращение христианства, как и «рабская, принудительная, богослужebная вера», «религия снискания благосклонности (одного лишь культа)», «хлам благочестивых предписаний», «иго статутарного закона», «поповство» в терминологии Канта [Кант 1996: 297, 348, 349, 404]. Если религия ставит себя вне морали, над ней и пытается подчинить последнюю себе, то она обрекает себя на вырождение в иррациональную, бессодержательную догматику в теории и административно-принудительную, репрессивную систему на практике.

В целом, однако, проект Достоевского состоит в том, чтобы, не затрагивая радикально ни социально-политическое статус-кво, ни существующую церковную иерархию, не ломая их форму, попытаться влить в эти старые мехи новое вино: оживить, одухотворить эту конструкцию изнутри, воспитав молодое поколение православных в духе истинно евангельских идеалов, сделав их христианами не на словах, а на деле. Такая скромная программа с ее упором на личное самопожертвование и неприятием насильственных методов в отношении существующих институтов, не посягающая на земные интересы клира, вполне импонировала официальной церкви. И эту традицию дореволюционной синодальной эпохи последовательно продолжают современная РПЦ и лояльные ей националистические круги. Достоевский здесь остается одним из корифеев, а его критические высказывания по адресу церкви либо замалчиваются, либо списываются на конъюнктуру того давно минувшего времени². Обычную рутинную работу православных функционеров при определенных навыках нетрудно преподнести в качестве жертвенной службы Всевышнему.

¹ См.: [Кант 1996: 323, 361-363, 417].

² См., например: [Григорьев 2002; Иустин (Попович) 2007].

Проект Владимира Соловьева: Вселенская Церковь, она же свободная теократия. Владимир Соловьев, будучи человеком академически образованным и не особенно тяготеющим к скрупулезному исполнению церковных обрядов, испытал в молодые годы влияние не только Канта, но и весьма уважаемого им Достоевского. Известен факт их совместной поездки летом 1878 г. в Оптину Пустынь к старцу Амвросию [Лосев 2000: 409]. Известно, что Соловьев нашел великой и своевременной мысль Достоевского написать серию романов, где бы церковь выступила «положительным общественным идеалом» [Цимбаев 1991: 12] (идея эта, как известно, осталась нереализованной). Близость Достоевского с братьями Всеволодом, Владимиром и Михаилом Соловьевыми была настолько очевидной, что современники находили их черты в образах братьев Карамазовых¹.

При всем этом, оставаясь даже внешне похожим на православного священника (вплоть до того, что простые люди на улице обращались к нему за благословением²), Соловьев – чрезвычайно светский человек. В отношении к церкви он оказывается гораздо более рационалистичным, что в результате ставит его еще дальше от церковной ограды. Не случайно имя и идеи Канта постоянно встречаются в его работах, вплоть до образа богини справедливости Астреи, которую испорченность людских нравов вынудила покинуть землю и вознестись на небо³. Такие концепты Соловьева, как «нормальное человеческое общество», «цельное общество», или «свободная (истинная) теократия» с ее антиподом в виде «ложной теократии», или «отвлеченного клерикализма» [Соловьев В. 1999e: 230; Соловьев В. 1999b: 617-652] имеют своими очевидными прототипами и аналогами кантовские «этическую общность» («невидимую церковь»), «царство добра и вечного мира», а также общество, где царят «историческая (церковная) вера», «богослужебная вера», «видимая церковь», «поповство» [Кант 1996: 335, 349, 356, 357, 400].

«Свободная теократия» Соловьева – это такой высший миропорядок, где будет значима каждая личность, где любой индивид получит право на собственный путь к Богу и встречное внимание с Его стороны, где предметом станет «человек как существо божественное, человек в Боге или человек как бог – такой человек, который “имеет область чадом Божиим быти”» [Соловьев В. 1999b: 631]. Философ убежден, что усилия тех или иных социальных структур, включая церковные институты, формализовать и регламентировать этот процесс опасны с этической точки зрения. Вместо соработничества человека и Бога в пресуществлении бытия (и земного, и космического, вселенского) возымеет место подчинение духовного универсума личности чьим-либо корыстным и совсем не Божественным интересам. Все более близкое знакомство философа с жизнью и действительными запросами православного клира, поисками им альтернативы стало в итоге причиной сближения с католицизмом, отхода от официального православия.

¹ См., например: [Григорьев 2002; Иустин (Попович) 2007].

² См.: [Лосев 1994: 20].

³ См.: [Кант 1996: 413; Соловьев В. 1999d: 506].

В 1880-е гг. Соловьев становится активным проповедником идеи воссоединения христианских церквей, что впоследствии и создало ему славу «пророка и мученика экуменизма». Узкий конфессионализм православия, его отказ от диалога с западными христианскими церквями, сращивание с государственно-бюрократическим аппаратом, национализм и «партикуляризм» вызывают у философа все большее отторжение. Он (по крайней мере в тех работах, которые издавались за рубежом и вполне откровенно выражали его взгляды) прямо заявляет о том, что «Каиафы и Ироды нашей [российской – В.В.] бюрократии» и «зилоты воинствующего панславизма» [Соловьев В. 1991а: 47] извратили великую христианскую идею и что верховным судьей в сфере религии он считает не «антиканонический синод» и не «чиновников светской власти» [Соловьев В. 1999d: 277], а только святых отцов церкви таких как Ириней, Дионисий Великий, Афанасий Великий, Иоанн Златоуст и др. Представив обзор церковной истории, Соловьев проявляет заметную снисходительность к католицизму и напротив – подчеркивает негативные моменты в византийском православии и православии русском как его преемнике. Современная РПЦ, по его мнению, подчинила себя «цезарепапизму петербургских бюрократов», замкнулась в своей отделимости, разобщилась с великой христианской общиной, перестала «связывать нацию с вселенским или международным царством Христовым» [Соловьев В. 1999а: 221, 222].

Свой идеал церкви Соловьев находит у славянофилов (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский) и некоторых католических писателей (И. Мёлер, Ж. Перроне). Этот идеал становится для него проектом и ориентиром реформирования РПЦ на ближайший исторический период. Его главные признаки [Соловьев В. 1999d: 303-308]: 1) *вселенский характер* – в том смысле, что церковь должна представлять из себя единый и неделимый моральный организм, охватывающий весь мир (христианский, по крайней мере); 2) *непогрешимость* – поскольку будучи соборным органом, церковь способна преодолевать субъективную ограниченность и порочность отдельных своих членов и группировок; 3) *независимость* от земных правителей – именно такое качество дает ей возможность возвыситься над делами и страстями этого мира и сосредоточиться на реализации своей божественной миссии.

Ошибка славянофилов, считает Соловьев, заключалась в том, что этот идеал, призванный реализоваться в отдаленном будущем только благодаря долгой и трудной работе, они приняли за свершившийся факт и отождествили с нынешней Восточной Православной церковью. Последняя, представляя собой «департамент гражданской администрации» Российской Империи, всех указанных признаков лишена и поэтому не может быть даже зачатком будущей «Вселенской Церкви».

Следует признать, что Соловьев в своей идейной эволюции не остановился на этой протоэкуменической концепции, которую он с наибольшей полнотой развил в изданном в Париже в 1889 г. трактате «Россия и Вселенская Церковь» (в самой России это произведение вышло уже после смерти автора – в 1911 г.). Не имея поддержки на родине даже в лице духовно близких людей (не говоря уже о правительственных и церковных кругах), встречая

на Западе всего лишь моральное сочувствие в лице отдельных влиятельных католических иерархов, мыслитель все более разочаровывается в своем проекте и переживает под конец жизни глубокий мировоззренческий кризис. Выражением этого драматического состояния стала его апокалиптическая и одновременно утопическая фантазия – «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» с включенной в нее «Краткой повестью об антихристе», опубликованная в 1900 г. за несколько месяцев до смерти автора.

В «Повести» мы видим, как та общехристианская уния, которой так противилась современная Соловьеву «видимая», «статутарная» (Кант) православная церковь и к которой не очень-то стремились и католицизм с протестантизмом, все-таки состоялась. Произошло это, однако, лишь накануне конца света, в условиях царства антихриста, того мирового правителя, который своими репрессиями, собственно, и вынудил христиан (подлинных христиан, естественно, а не номинальных) преодолеть распри и консолидироваться. Но поскольку это сплочение происходит лишь в самом «конце всемирной истории» и по сути стимулируется прежде всего единой внешней угрозой, говорить о какой-либо позитивной роли церкви как факторе исторического процесса уже не приходится. Отметим, что это касается не только православия, но и остальных христианских конфессий.

При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что если католики на заключительном Вселенском соборе в Иерусалиме, где происходит воссоединение, представлены своим последним первосвященником с символическим именем Петр II, если евангелистами-лютеранами (других протестантов Соловьев в расчет не берет) руководит «ученейший немецкий теолог профессор» с не менее символической фамилией Паули, то православную делегацию возглавляет не иерарх и не штатный дипломированный богослов, а странствующий старец Иоанн, епископ «на покое», типа Тихона в «Бесах» Достоевского [Соловьев В. 1991с: 170-172]. Эти трое столь разных людей не только обнаруживают, по Соловьеву, волю к сотрудничеству, но и находят средства для солидарного противостояния императору-антихристу. Монах Пансофий, которому приписывают авторство «Повести», не отдает предпочтения никому из троих и подчеркивает, что все они действуют на равных. Тем не менее тот факт, что победа добра над злом в решающей битве у Мертвого моря достигается лишь с помощью второго пришествия Христа, то есть действия супранатурального и трансцендентного, вновь свидетельствует о сомнении философа в готовности и способности «исторических», институционализированных христианских конфессий к сколько-нибудь позитивной, социально преобразующей деятельности в постюстороннем мире.

Проект Льва Толстого: внеконфессиональное и сверхнациональное христианство. Следующий и самый радикальный шаг в направлении от церковной ограды к чистому разуму делает Л.Н. Толстой, который несмотря на то, что не окончил университета, самостоятельно проштудировал основные кантовские сочинения и сохранил уважение к немецкому философу до конца жизни. Даже в последних произведениях Толстого «Круг чтения» (1908) и «Путь жизни» (1910) можно встретить немало отрывков из работ

Канта в собственной обработке русского классика. И нередко это именно цитирование или пересказ все той же «Религии в пределах только разума» [Толстой 1998b: 100, 471, 554-5, 628-9, 859 и др.; Толстой 1993: 231-223, 235-236, 241 и др.]. Особенно привлекают Толстого пассажи с критикой ложной веры (чудеса, тайны и благодать) и лжеучения «видимой церкви» с ее торжественной, показной обрядностью и внешним блеском.

Толстой предпринимает грандиозную попытку собственной интерпретации христианства, в которой эта религия была бы полностью освобождена от мистических элементов и конфессиональной окраски. Именно в этой форме, считает он, христианство обнаружит свое родство с другими учениями, претендовавшими на решение кардинальных смысложизненных вопросов – в первую очередь с учениями античных мыслителей-язычников и восточных «учителей мудрости». Именно такое христианство видится Толстому основой и форматом для диалога между воцерковленными и невоцерковленными, европейцами и азиатами, православными и неправославными. Здесь главное, чтобы человека волновал наиважнейший вопрос: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожился бы неизбежно предстоящей мне смертью?» [Толстой 1998a: 22]. Знаменитая «Исповедь» (1882), где эта мысль сформулирована в такой предельно острой форме, потрясла русское общество и стала началом того процесса, который вполне логично привел ее автора к разрыву с официальной православной церковью, который получил окончательное оформление в специальном определении Святейшего Синода [Определение... 1995: 71-72]¹.

Однако следует отметить, что критика Толстым православия не была огульно нигилистической. Он призывает: «Ищите общения с истинно религиозными людьми и с истинными философами, как живыми, так и умершими» [Толстой 1998a: 101]. Последовательно реализуя эту установку на поиск единомышленников, где бы и когда бы они не жили, он не обходит вниманием и православную литературу: читает и анализирует агиографические тексты, прологи, патерики. В руководимом им издании «Посредник» выходят в 1880-е гг. различные жития святых [Гродецкая 2000: 75-97]. Признаки работы над житийной литературой обнаруживаются в ряде произведений Толстого: в «Анне Карениной», «Дьяволе», «Посмертных записках старца Федора Кузмича» и особенно в повести «Отец Сергей» [Гродецкая 2000: 207-256]. Другое дело, что трактовка им православной агиографии далека от традиционно-догматической и служит для автора лишним подтверждением его рационалистической концепции.

Вслед за Кантом Толстой не устает повторять: «Утверждения настоящей веры, хотя и не могут быть доказаны, никогда не только не содержат в себе ничего противного разуму и несогласного с знаниями людей, а всегда разъясняют то, что в жизни без положений веры представляется неразумным и противоречивым» [Толстой 1992b: 27]; «Все исследуй. Верь только тому, что согласно с разумом» [Толстой 1998b: 234]; «Спасение не в обрядах и таинствах, не в исповедании той или иной веры, а в ясном понимании

¹ См. подробный анализ этой проблемы: [Лев Толстой... 2010; Ореханов 2010].

смысла своей жизни» [Толстой 1998b: 606]. Как результат, Бог у Толстого (как и у Канта) из онтологического и трансцендентного существа превращается в постулат практического (нравственного) разума. Его признают сущим не потому, что он таков сам по себе, но лишь постольку, поскольку без этого допущения земная наша жизнь обесмысливается, теряет логическую точку опоры. Всякая церковная религия и мораль оказываются в свете этого вывода не только излишними и обременительными, но и опасными, так как церковь, подобно практически всякому институту, предполагает выделение когорты профессионалов, делающих из своих занятий средство для упрочения своего положения в обществе и вовсе не озабоченных вековечными вопросами. Последовательный логический анализ раскрывает противоречивость, софистику и казуистику церковно ангажированных моральных учений и потому их неразумность. Субъект, если он ориентирован на мышление честное и рациональное, никак не может руководствоваться их императивами ни в теории, ни на практике.

«Истинная вера не нуждается в церкви», «Церковная вера – рабство» [Толстой 1993: 230], «Христос учил людей тому, что между Богом и человеком не нужно посредников. Он учил тому, что все люди – сыны Бога. Как же могут быть посредники между отцом и сыном?» [Толстой 1998b: 73]. Церковь, позиционирующая себя в роли посредника между Богом и людьми, высшим и низшим миром, преследует при этом исключительно земные корпоративные интересы. Следовательно, она однозначно является неразумным и вредным (с точки зрения истинной веры) учреждением. Поэтому в ее деятельности Толстой не может, да и не хочет признавать ничего нравственно позитивного.

Если речь заходит о сохранении, толковании и популяризации Священного Писания, то когда такой деятельностью занимается служитель церкви, это для Толстого «самый лютый соблазн – учителей веры, называющих себя православными. Берегитесь этого соблазна более всех других, потому что они-то, эти самозванные учителя, придумав ложное богопочитание, отманяют вас от истинного Бога... Эти самозванные учителя, думая учить других, сами лишают себя истинной жизни и другим мешают познать ее» [Толстой 2001: 709]. Если обратиться к более частным вопросам, например к толкованию конкретных заповедей, то Толстой обнаруживает искажение (действительное или воображаемое) аутентичных текстов. Например он отмечает добавление слова «напрасно» в слова Христа об осуждении тех, кто гневается на своего брата [Толстой 1993: 243], слов «кроме вины прелюбодеяния» в заповедь о недопущении развода [Толстой 1996: 478-484], или же просто уход от толкования трудных мест Писания [Толстой 2001: 172, 723].

Пышная и блестящая торжественность церковной службы со всеми ее обрядами, одеждами, украшениями, пением, благовониями и шествиями – все это суть лишь признаки того, что такими средствами транслируется и внушается простодушным мирянам ложь, а не истина [Толстой 1992a: 84, 85; Христианская этика 1994: 100], что церковь «неразумна и вредна» [Толстой 1993: 235]. Не ограничиваясь теоретическими рассуждениями, Толстой дает в романе «Воскресение» такое гротескно-сатирическое изображение

церковной службы, с которым мало что сравнится в мировой литературе [Толстой 1959: 145-150]¹. Все сверхъестественные чудеса, прошлые и современные, к которым церковь апеллирует и которые «противоречат разуму», есть «обман людской» [Толстой 1992а: 86]. Обогащение проповедников путем приписывания им мистических способностей также призвано скрыть сущность истины, чтобы «она не только не нарушала прежнего понимания жизни и установившегося в нем строя жизни, но, напротив, подтверждала бы его» [Христианская этика... 1994: 100].

С симпатией в целом относясь к деятельности христианских подвижников первых веков, Толстой убежден, что уже тогда церковь выступала в роли морально деструктивного фактора, а клирики изначально были озабочены своими земными проблемами и меньше всего пеклись о Царстве Небесном: «Церковь, начиная с конца и до III века, – ряд лжей, жестокостей, обманов» [Толстой 1952а: 195]. Касаясь I Никейского Вселенского собора, где были приняты основные христианские догматы, Толстой записывает: «О чем же спор<или>? О запов<едях>? Нет. О способе исполн<ения>? Нет. Так они не о вере говорили, а о чем-то другом. На здоровье. Я не пойду за ними» [Толстой 1952b: 326]. Яснополянский мыслитель старается быть справедливым: критикуя православие, он не дает поблажки и другим христианским церквям, если только усматривает в их деятельности извращение христианского учения, как он это учение понимает. Для этой цели он использует даже столь нелюбимого им Ницше, фрагмент которого «Католицизм и христианство» включается в «Круг чтения» [Толстой 1998b: 550-552]. Широко цитируя европейских и американских религиозных авторов, Толстой отбирает тех из них, которые известны своим более или менее ярко выраженным антиклерикальным настроением (Амиель, Мадзини, Ламеннэ, Паркер, Чаннинг, Балу, Эмерсон).

Вторя Канту, Толстой констатирует: «Церковь ... внешняя, соединяя людей во времени и пространстве, нарушает истинное внутреннее единение, подставляя на место его наружное.

Видимая церковь есть только лживое подобие истинного соединения» [Толстой 1993: 243]. Он противопоставляет ей церковь истинную, внутреннюю – невидимое сообщество людей, пусть и отделенных один от другого пространством и временем, но зато неразрывно соединенных единой исповедуемой ими истиной. Соответственно все таинства, обряды, службы и особенно догматы (Троицы, боговоплощения, искупления, непогрешимости церкви и т.п.) не сближают, а разобщают людей, препятствуют им ощутить себя органами единого вселенского тела, порождают конфликты и конфронтацию вместо солидарности и консолидации. «Царствие Божие внутри вас есть» (Лук. 17, 21) – эта евангельская формула, которую Толстой делает названием одного из своих религиозных трактатов, определяет главный вектор духовных поисков любого человека и превращает все человечество в целостный организм с общими целями и задачами.

¹ Именно эти главы романа стали для Победоносцева, как известно, непосредственным поводом к возбуждению перед Николаем II и синодом вопроса об отлучении Толстого от церкви.

Итак, Толстой, продолжая рационалистическую традицию идущую даже скорее не от Канта, а еще от Декарта с его гносеологическим принципом первичности индивидуального сознания (*cogito, ergo sum*), предлагает человеку, а в перспективе и человечеству, достаточно рискованный эксперимент. Он предлагает отвергнуть все церковные ценности как разновидность ценностей коллективистских вообще (наряду с политическими, правовыми, научными, семейными и т.п.), и жить, действовать, надеясь исключительно на собственный разум. Только таким путем человек исполнит высший закон: закон Христа о любви к ближнему и победит закон низший, закон земного мира, мира насилия и порабощения. Вопрос о социальных последствиях такого эксперимента, а также о возможных сложностях и проблемах, с которыми столкнется человек, стремящийся последовательно реализовать данный принцип, не является для Толстого предметом серьезного интереса. Он искренне убежден, что это оптимальный вариант жизни и деятельности как для индивида, так и для всего рода людского.

* * *

Итак, перед нами три проекта, три парадигмы, которые, с одной стороны, опираются на прошлый отечественный и зарубежный религиозно-философский опыт, а с другой стороны, предлагают различные форматы духовного и конфессионального самоопределения личности, которой предстоит действовать в новых социально-исторических координатах. Проект *Достоевского* предполагает, что человек, поскольку он воцерковлен и ведет надлежащий богоугодный образ жизни, сможет максимально реализоваться в рамках православной иерархии ценностей, если он актуализирует тот духовный и культурный потенциал, который накоплен за почти двухтысячелетнюю историю этой конфессии. Проект *Владимира Соловьева* носит более масштабный, экуменический характер: «всеединое человечество», которое для него совпадает с христианским миром, предполагает самый широкий диалог между православием, католицизмом и протестантизмом. Это есть обязательное преодоление национализма и партикуляризма, которыми страдают православные конфессии со времен Византии. Наконец, самый радикальный проект – *Льва Толстого* (которому и рамки христианства кажутся слишком тесными) требует обращения к всемирно-историческому культурному опыту, поиска духовности и жизненного смысла в любом религиозном и философском учении при неприменимом условии отказа от национальной и конфессиональной идентификации.

Очевидно, что поставленные и отчасти (пусть и по-разному) решенные русскими мыслителями проблемы не потеряли своей актуальности для нашей страны и для зарубежного мира. В лоне самой РПЦ и среди нашей воцерковленной (более или менее) интеллигенции мы при желании можем встретить приверженцев каждого из трех указанных проектов. Как складываются взаимоотношения между ними и как они видят будущее России и человечества – это уже предмет другого исследования.

Материал поступил в редколлегию 02.01.2016 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бердяев Н.А. 1994. Миросозерцание Достоевского // Н.А. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. М. : Искусство. Т. 2. С. 7-150.
- Григорьев Д., прот. 2002. Достоевский и церковь. У истоков религиозных убеждений писателя. М. : Православ. Свято-Тихонов. Богослов. ин-т. 176 с.
- Гродецкая А.Г. 2000. Ответы Предания: Жития святых в духовном поиске Льва Толстого. СПб. : Наука. 264 с.
- Достоевский Ф.М. 2010. Дневник писателя. М. : Ин-т рус. цивилизации. 880 с.
- Иустин (Попович), прп. 2007. Философия и религия Ф.М. Достоевского. Минск : Изд-во Д.В. Харченко. 309 с.
- Кант И. 1996. Религия в пределах только разума // И. Кант. Трактаты. СПб. : Наука, Ленингр. отд-ние. С. 259-424.
- Лев Толстой: «христианство» без Христа, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://azbyka.ru/fiction/lev-tolstoj-xristianstvo-bez-xrista> (дата обращения: 02.01.2016).
- Лосев А.Ф. 1994. Владимир Соловьев. М. : Мысль. 230 с.
- Лосев А.Ф. 2000. Владимир Соловьев и его время. М. : Молод. гвардия. 613 с.
- О Великом Инквизиторе: Достоевский и последующие, 1991 / сост., предисл., ил. Ю.И. Селиверстова. М. : Молод. гвардия. 270 с.
- Определение Святейшего Синода от 20-22 февраля 1901 г. № 557, с посланием верным чадам Православной Греко-Российской Церкви о графе Льве Толстом, 1995 // Духовная трагедия Льва Толстого. М. : Подворье Свято-Троицк. Сергиев. Лавры ; Отчий дом. С. 71-72.
- Ореханов Г., свящ. 2010. Русская Православная Церковь и Л.Н. Толстой: конфликт глазами современников. М. : Православ. Свято-Тихонов. гуманит. ун-т. 696 с.
- Соловьев В.С. 1988. Три речи в память Достоевского // В.С. Соловьев. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль. Т. 2. С. 289-323.
- Соловьев В.С. 1991а. Русская идея // В.С. Соловьев. Смысл любви : Избр. произведения. М. : Современник. С. 41-68.
- Соловьев В.С. 1991b. Три Разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, с включением краткой повести об антихристе и с приложениями. М. : ПИК. 192 с.
- Соловьев В.С. 1999а. Владимир Святой и Христианское Государство и ответ на корреспонденцию из Кракова / пер. с фр. Г.А. Рачинского // В.С. Соловьев. Россия и Вселенская Церковь. Минск : Харвест. С. 207-232.
- Соловьев В.С. 1999b. Критика отвлеченных начал // В.С. Соловьев. Философское начало цельного знания. Минск : Харвест. С. 398-906.
- Соловьев В.С. 1999с. Письмо К.П. Победоносцеву // В.С. Соловьев. Россия и Вселенская Церковь. Минск : Харвест. С. 1047-1048.
- Соловьев В.С. 1999d. Россия и Вселенская Церковь // В.С. Соловьев. Россия и Вселенская Церковь. Минск : Харвест. С. 233-524.
- Соловьев В.С. 1999е. Философское начало цельного знания // В.С. Соловьев. Философское начало цельного знания. Минск : Харвест. С. 178-397.
- Соловьев С.М. 1997. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. М. : Республика. 431 с.
- Сопельняк Б. 2008. Капканы для Льва Толстого [Электронный ресурс]. URL: <http://mirnov.ru/arhiv/mn768/mn/27-1.php> (дата обращения: 12.11.2015).
- Толстой Л.Н. 1952а. Записная книжка № 7, 1868–1879 гг. // Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Гослитиздат. Т. 48. С. 167-197.

Толстой Л.Н. 1952b. Записная книжка № 10, 1879–1880 гг. // Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Гослитиздат. Т. 48. С. 315-330.

Толстой Л.Н. 1959. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 11. Воскресение : роман. М. : Гослитиздат. 480 с.

Толстой Л.Н. 1992a. Христианское учение // Л.Н. Толстой. Избранные философские произведения. М. : Просвещение. С. 49-111.

Толстой Л.Н. 1992b. Что такое религия и в чем сущность ее // Л.Н. Толстой. Избранные философские произведения. М. : Просвещение. С. 15-48.

Толстой Л.Н. 1993. Путь жизни. М. : Республика. 431 с.

Толстой Л.Н. 1996. В чем моя вера? // Л.Н. Толстой. Собрание соч. : в 8 т. М. : Lexica. Т. 8. С. 430-594.

Толстой Л.Н. 1998a. Исповедь: Вступление к ненапечатанному сочинению // Л.Н. Толстой. Избранное. Ростов н/Д. : Феникс. С. 3-70.

Толстой Л.Н. 1998b. Об истине, жизни и поведении. М. : ЭКСМО-Пресс. 1040 с.

Толстой Л.Н. 2001. Четвероевангелие: Соединение и перевод четырех Евангелий. М. : ЭКСМО-Пресс. 768 с.

Филиппов Ю. 2006. Революционное движение и духовные школы России в конце XIX – начале XX веков [Электронный ресурс]. Ч. 4. Нелегальная деятельность в стенах духовных школ. Участие семинаристов в либерально-демократическом движении 1861–1884 гг. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/060417105332.htm> (дата обращения: 13.11.2015).

Христианская этика: Систематические очерки мировоззрения Л.Н. Толстого, 1994. Екатеринбург : Альфа. 224 с.

Цимбаев Н.И. 1991. Классический русский писатель // В.С. Соловьев. Смысл любви : Избр. произведения. М. : Современник. С. 3-26.

References

Berdyayev N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [The World Outlook of Dostoevsky], N.A. Berdyayev. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva*, Moscow, Iskusstvo, 1994, vol. 2, pp. 7-150. (in Russ.).

Dostoevsky F.M. *Dnevnik pisatelya* [Writer's Diary], Moscow, In-t rus. tsivilizatsii, 2010, 880 p. (in Russ.).

Filippov Yu. *Revolutsionnoe dvizhenie i dukhovnye shkoly Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov. Ch. 4. Nelegal'naya deyatelnost' v stenakh dukhovnykh shkol. Uchastie seminaristov v liberal'no-demokraticheskom dvizhenii 1861–1884 gg.* [The revolutionary movement and spiritual schools of Russia in the late 19th and early 20th centuries. Part IV. Illegal activities within the precincts of spiritual schools. Participation of seminarians in liberal-democratic movement of 1861-1884], available at: <http://www.pravoslavie.ru/put/060417105332.htm> (accessed 13 November 2015). (in Russ.).

Grigoriev D., prot. *Dostoevskiy i tserkov'. U istokov religioznykh ubezhdeniy pisatelya* [Dostoevsky and the Church. At the beginnings of the religious beliefs of the writer], Moscow, Pravoslav. Svyato-Tikhonov. Bogoslov. in-t, 2002, 176 p. (in Russ.).

Grodetskaya A.G. *Otvyty Predaniya: Zhitiya svyatykh v dukhovnom poiske L'va Tolstogo* [The Lives of the Saints in the Spiritual Search of Leo Tolstoy], St. Petersburg, Nauka, 2000, 264 p. (in Russ.).

Iustin (Popovich), prp. *Filosofiya i religiya F.M. Dostoevskogo* [F.M. Dostoevsky's philosophy and religion], Minsk, Izd-vo D.V. Kharchenko, 2007, 309 p. (in Russ.).

Kant I. *Religiya v predelakh tol'ko razuma* [Religion within the limits of the mind only], I. Kant. *Traktaty*, St. Petersburg, Nauka, Lenigr. otd-nie, 1996, pp. 259-424. (in Russ.).

Khristianskaya etika: Sistematicheskie ocherki mirovozzreniya L.N. Tolstogo [Christian ethics: Essays on the Outlook of Systematic L.N. Tolstoy], Ekaterinburg, Al'fa, 1994, 224 p. (in Russ.).

Lev Tolstoy: «khristianstvo» bez Khrista [Leo Tolstoy: "Christianity" without Christ], available at: <http://azbyka.ru/fiction/lev-tolstoj-xristianstvo-bez-xrista> (accessed 2 January 2016). (in Russ.).

Losev A.F. *Vladimir Solov'ev* [Vladimir Solovyov], Moscow, Mysl', 1994, 230 p. (in Russ.).

Losev A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and his time], Moscow, Molod. gvardiya, 2000, 613 p. (in Russ.).

O Velikom Inkvizitore: Dostoevskiy i posleduyushchie [About Great Inquisitor: Dostoevsky and the Subsequents], Moscow, Molod. gvardiya, 1991, 270 p. (in Russ.).

Opreделение Svyateyshego Sinoda ot 20-22 fevralya 1901 g. № 557, s poslaniem vernym chadam Pravoslavnoy Greko-Rossiyskoy Tserkvi o grafe Lve Tolstom [Determination of the Holy Synod from 20-22 February 1901, no. 557, with the message of the faithful children of the Orthodox Greek Russian Church on the graph of Leo Tolstoy], *Dukhovnaya tragediya Lva Tolstogo*, Moscow, Podvor'e Svyato-Troitsk. Sergiev. Lavry, Otchiy dom, 1995, pp. 71-72. (in Russ.).

Orekhov G., svyashch. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i L.N. Tolstoy: konflikt glazami sovremennikov* [The Russian Orthodox Church and Leo N. Tolstoy: the conflict through the eyes of his contemporaries], Moscow, Pravoslav. Svyato-Tikhonov. gumanit. un-t. 2010. 696 s. (in Russ.).

Solovyov S.M. *Vladimir Solov'ev. Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya* [Vladimir Solovyov. Life and creative evolution], Moscow, Respublika, 1997, 431 p. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Filosofskoe nachalo tsel'nogo znaniya* [Philosophical principle of objective knowledge], *V.S. Solov'ev. Filosofskoe nachalo tsel'nogo znaniya*, Minsk, Kharvest, 1999, pp. 178-397. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Kritika otvlechenykh nachal* [Criticism of abstract principles], *V.S. Solov'ev. Filosofskoe nachalo tsel'nogo znaniya*, Minsk, Kharvest, 1999, pp. 398-906. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Pis'mo K.P. Pobedonostsevu* [Letter to K.P. Pobedonoscev], *V.S. Solov'ev. Rossiya i Vselenskaya Tserkov'*, Minsk, Kharvest, 1999, pp. 1047-1048. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Rossiya i Vselenskaya Tserkov'* [Russia and the Catholic Church], *V.S. Solov'ev. Rossiya i Vselenskaya Tserkov'*, Minsk, Kharvest, 1999, pp. 233-524. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Russkaya ideya* [The Russian idea], *V.S. Solov'ev. Smysl lyubvi : Izbr. proizvedeniya*, Moscow, Sovremennik, 1991, pp. 41-68. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Tri Razgovora o voyne, progresse i kontse vseмирной istorii, s vkluyucheniem kratkoy povesti ob antikhriste i s prilozheniyami* [Three talking about war, progress and end of world history, with the inclusion of a brief story about the Antichrist and with applications], Moscow, PIK, 1991, 192 p. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo* [Three speech in memory of Dostoevsky], *V.S. Solov'ev. Sochineniya, in 2 vols.*, Moscow, Mysl', 1988, vol. 2, pp. 289-323. (in Russ.).

Solovyov V.S. *Vladimir Svyatoy i Khristianskoe Gosudarstvo i otvet na korrespondentsiyu iz Krakova* [St. Vladimir and Christian State and response to correspondence from Krakow], *V.S. Solov'ev. Rossiya i Vselenskaya Tserkov'*, Minsk, Kharvest, 1999, pp. 207-232. (in Russ.).

Sopelnyak B. *Kapkany dlya Lva Tolstogo* [Traps for Leo Tolstoy], available at: <http://mirnov.ru/arhiv/mn768/mn/27-1.php> (accessed 12 November 2015). (in Russ.).

Tolstoy L.N. *Chetveroevangelie: Soedinenie i perevod chetyrekh Evangeliy* [The four Gospels: a connection and translation of the four Gospels], Moscow, EKSMO-Press, 2001, 768 p. (in Russ.).

Tolstoy L.N. *Chto takoe religiya i v chem sushchnost' ee* [What is religion and what is the essence of its], *L.N. Tolstoy. Izbrannye filosofskie proizvedeniya*, Moscow, Prosveshchenie, 1992, pp. 15-48. (in Russ.).

Tolstoy L.N. *Ispoved': Vstuplenie k nenapechatannomu sochineniyu* [Confession: Introduction to the unpublished creation], *L.N. Tolstoy. Izbrannoe*, Rostov-on-Don, Feniks, 1998, pp. 3-70. (in Russ.).

Tolstoy L.N. *Khristianskoe uchenie* [Christian doctrine], *L.N. Tolstoy. Izbrannye filosofskie proizvedeniya*, Moscow, Prosveshchenie, 1992, pp. 49-111. (in Russ.).

Tolstoy L.N. *Ob istine, zhizni i povedenii* [On truth, life and behavior], Moscow, EKSMO-Press, 1998, 1040 p. (in Russ.).

Tolstoy L.N. *Put' zhizni* [Path of life], Moscow, Respublika, 1993, 431 p. (in Russ.).

Tolstoy L.N. *Sobranie sochineniy. V 12 t. T. 11. Voskresenie* [Works, vol. 11, Resurrection], Moscow, Goslitizdat, 1959, 480 p. (in Russ.).

Tolstoy L.N. *V chem moya vera?* [What is my faith?], *L.N. Tolstoy. Sobranie soch., in 8 vols.*, Moscow, Lexica, 1996, vol. 8, pp. 430-594. (in Russ.).

Tolstoy L.N. *Zapishnaya knizhka № 10, 1879–1880 gg.* [Notebook No. 10, 1879–1880], *L.N. Tolstoy. Poln. sobr. soch.*, Moscow, Goslitizdat, 1952, vol. 48, pp. 315-330. (in Russ.).

Tolstoy L.N. *Zapishnaya knizhka № 7, 1868–1879 gg.* [Notebook No. 7, 1868–1879], *L.N. Tolstoy. Poln. sobr. soch.*, Moscow, Goslitizdat, 1952, vol. 48, pp. 167-197. (in Russ.).

Tsimbaev N.I. *Klassicheskiy russkiy pisatel'* [The classic Russian writer], *V.S. Solov'ev. Smysl lyubvi : Izbr. proizvedeniya*, Moscow, Sovremennik, 1991, pp. 3-26. (in Russ.).

Vyacheslav Y. Vasechko, Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg.
E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

PERSONALITY AND CHURCH: PROBLEM OF SPIRITUAL FORMATION IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY (F. DOSTOEVSKY, V. SOLOV'YOV, L. TOLSTOY)

Abstract: Every religious thinker eventually faces ideological challenge: What is the interrelation between his confessional identity and freedom of thought? Does his (or any other individual) religious identity promotes or prevents personal self-determination? I. Kant in his treatise “Religion within the Limits of the Reason Only” indicated key points where the church as an institute has a chance to deviate from its true mission and to turn into closed corporation whose members hinder spiritual development of their flock. Referring to Kant, three central figures of the Russian religious and philosophical thought of the 19th century vary in determining the status of the church in society and, accordingly, the personal attitude toward the church, as well as in prospects of its socio-political and moral-cultural reforming. Being mostly loyal to the church, Dostoevsky's project does not significantly affect the socio-political status quo and the church hierarchy, and restricts the space of personal development to the Orthodox format. In Dostoevsky's view, the Orthodox church has the potential to serve as a spiritual reference point not only for the Russian people but also for humanity. Project of V. Solovyov, which anticipates ecumenism, is more critical toward the Orthodox church. It presumes a wide dialogue and

organizational unification of the Christian denominations in a single church as a power of the process of building society of “free theocracy”, and humanity’s transition toward the state of “God-humanity”. The most radical project of Leo Tolstoy justifies the need to move away from any national and confessional identity, accessing the world-historical experience of the cultures of East and West, and purely rationalistic interpretation of moral absolutes. These three projects have their followers among contemporary Russian and foreign intellectuals. Their adherents continue traditions of national philosophy over socio-political, moral and philosophical problems.

Keywords: church, Orthodoxy, Kant, Dostoevsky, Vladimir Solov’ov, Leo Tolstoy, personality, confessionalism, false serving, rationalization, free theocracy.

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР: ОТ ФЕНОМЕНОЛОГИИ СОЗНАНИЯ К ФЕНОМЕНОЛОГИИ БЫТИЯ

УДК 141. 32

Наталья Ильинична Ищенко

кандидат философских наук,
доцент Школы философии Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
г. Москва. E-mail: natalie.ishchenko@gmail.com

Данная статья посвящена проблеме трансформации тематического предмета гуссерлевой феноменологии в философии Мартина Хайдеггера. Автор выясняет, почему невзирая на существенную близость философских позиций Э. Гуссерля и М. Хайдеггера последнему пришлось оставить позиции учителя и определить предмет феноменологии по-новому. При ответе на этот вопрос рассмотрены *две* точки зрения. *Первая* касается концепции феноменологии как трансцендентальной философии. Подчеркнуто, что трансцендентальное эго обнаруживается как некая проблематичная инстанция, раскрывающая себя в итоге в качестве конечной. *Вторая* влечет за собой перемену всей феноменологии. В данной точке зрения находит свое выражение тот факт, что метод вынесения за скобки может быть проведен не во всех сферах действительности. Так, те измерения действительности, которые раскрываются в практических актах (каким является и само вынесение за скобки), принципиально недостижимы для операции подобного рода. Поэтому в данных областях требование бытия становится существенным. Следствием этого требования является разрушение позиций гуссерлевой феноменологии. *Во-первых*, на место трансцендентального Я вступает само бытие; *во-вторых*, интенциональность представляется как *бытийное* отношение; *в-третьих*, смысл феноменальности (следовательно – истины) становится новым; *в-четвертых*, понятие трансцендентальной философии получает решающую модификацию герменевтики. Таким образом, в статье обоснован тезис о том, что главным на пути преодоления исходных установок философии Гуссерля явилось осознание Хайдеггером приоритетной роли *самого* бытия по отношению к любому *способу* бытия, включая бытие *чистого* сознания-феноменальности.

Ключевые слова: феноменология, онтология, герменевтика, Гуссерль, Хайдеггер, бытие, сознание, трансцендентализм.

Историко-философская тема «Гуссерль и Хайдеггер» является, по справедливому замечанию Е.В. Борисова, «обширной и весьма головоломной» [Борисов 1998: 365]. В данной статье мы рассмотрим лишь один ее аспект,

а именно попытаемся ответить на вопрос, почему невзирая на существенную близость философских позиций Э. Гуссерля и М. Хайдеггера последней все же пришлось оставить позиции учителя и определить тематический предмет феноменологии по-новому. При ответе на этот вопрос мы обратимся прежде всего к одной из наиболее ярких работ Генриха Шмидингера – известного австрийского исследователя творчества Хайдеггера. В его книге «Постидалистическая философия и христианское мышление» (1985) представлена оригинальная трактовка хайдеггеровской фундаментальной онтологии. Рассмотрим также труды ведущих отечественных и зарубежных ученых – таких как П.П. Гайденко, В.И. Молчанов, Е.В. Борисов, Ф.-В. фон Херрманн, Р. Сафрански и др. Остановимся особо на *двух* точках зрения. *Первая* касается концепции феноменологии как трансцендентальной философии. В этом отношении обратим внимание лишь на то, что важнейшая инстанция трансцендентальных проявлений сознания (трансцендентальное эго) обнаруживается как некий проблематичный постулат, поскольку со своей стороны конституируется посредством того, что ею самою не является. Следовательно, она раскрывает себя в итоге как конечная. *Вторую* точку зрения мы рассмотрим подробнее, поскольку в истории философии она характеризуется тем, что критикуя гуссерлевскую феноменологию влечет за собой в конечном счете перемену всей феноменологии. Данная точка зрения основана на том факте, что метод вынесения за скобки (то есть отказа существу в статусе трансфеноменального бытия) может быть принят не для всех сфер действительности. Например, измерения действительности, которые раскрываются в практических актах, каким является само вынесение за скобки, принципиально недостижимо в своей первоначальности для операции подобного рода. Поэтому требование бытия не может, по меньшей мере в этих областях, быть для их понимания совершенно несущественным.

Рассмотрим точку зрения о конечности трансцендентального субъекта. Как отмечает Шмидингер, поздний Шеллинг продемонстрировал конечность разума, то есть его бессилие и его «отсылочный» характер, с помощью факта «экзистенции», а именно «голового Sein» [Schmidinger 1985: 145]. В частности, Шеллинг показал, что этим фактом бытия, или «Daß» как «голой» фактичности, разум не владеет не только в отношении его предметов (которыми он сам не является), но и в соответствии с идеалистическим пониманием разума – прежде всего в отношении его самого. Бытие той действительности, которое он не в состоянии конституировать из самого себя, является и в первую, и последнюю очередь бытием его самого. То есть разум сам *есть*. И есть он именно таким образом, что не может полагать самого себя как необходимую действительность, которая обладает всеми возможностями, является абсолютной свободой. Значит, он конечен, и по этой же причине бытие выступает для него печатью пред-данности.

Можно было бы остановиться на этом выводе Шеллинга подробнее и попытаться найти у Хайдеггера подобные мысли. Но очень скоро стало бы понятно, что между ними обнаруживаются весьма похожие моменты. Так, Хайдеггер всегда подчеркивает, что мышление само *есть*: «Но что же это, что должно быть здесь определено: подход к чему-то, опыт, рассмо-

трение, обращение, постижение чего-то и понимание как что-то? Разве не являются такие способы подхода и опыта уже сами сущим?» [Heidegger 1979: 197]. «Ведь мышление мыслимого *есть*, и что это за бытие? Является ли бытие этого сущего единством реально-идеального?» [Heidegger 1976a: 91]. «Восприятие само есть нечто, что существует, некое сущее ... Восприятие как *процесс восприятия* не может быть равнополагаем с экзистенцией» [Heidegger 1975: 64]. Как же соотносятся друг с другом мышление и бытие, «совершенно невзирая на то, что мышление само является сущим и, как таковое, ориентируется на сущее?» [Heidegger 1978: 26].

Все эти цитаты определенным образом указывают на то, что подобно Шеллингу Хайдеггер характеризует отношение мышления к его предмету (или интенциональность) именно как некое *бытийное* отношение (*Seinsverhältnis*). Возвращаясь к теме конечности трансцендентального субъекта, можно подытожить: все, что было сказано у Шеллинга, обнаруживается и у Хайдеггера [Schmidinger 1985: 148]. (Его исследования в этом направлении имеют характер подтверждения, а не характер развития). В связи с этим возникает вопрос: что же привело Хайдеггера через Шеллинга и Гуссерля к проблематике собственной философии? [Гуссерль 2005: 114, 132]. То есть должна быть прояснена та мысль, благодаря которой Хайдеггеру пришлось перешагнуть рамки философской системы своего учителя и которую Хайдеггер сделал самой важной характеристикой своей философии: мысль о приоритетности бытия как тематического предмета философствования по отношению к сознанию. Только раскрыв этот вопрос, мы сможем также попытаться вникнуть в исключительно *хайдеггеровскую* теорию «вопросания о субъективности субъекта» как о «*трансцендентности*», обосновывающей «внутреннюю возможность онтологии» [Heidegger 1973: § 22-27].

Упомянутая выше мысль заложена как в том вопросе, который юный Хайдеггер задал себе, работая над аристотелевскими исследованиями Brentano¹, так и в гуссерлевской теории категориального созерцания, согласно которой условия возможности познания со-созерцаются и со-понимаются в актуальном познании. Ее можно описать следующим образом: бытие, на которое разум наталкивается исходя из самого себя, а также бытие предметов, о котором Гуссерль полагал, что он может его заключить за скобки, «*есть*» не только «*factum brutum*» или некая печать конечности, безразличная

¹ Исходная философская позиция Хайдеггера определялась вопросом: Что есть сущее? Как понять сущее в его бытии? Если существует множество способов характеристики бытия, как можно тогда мыслить единство разных значений бытия? К этому вопросу Хайдеггера привела диссертация Фр. Brentano «О многообразии значений сущего согласно Аристотелю» (1862). Данная работа была посвящена попытке Аристотеля понять многообразие языковых способов выражений бытия сущего и рассматривала, как он согласно этим способам разделяет бытие сущего на случайное, истинное (*ens tanquam verum*), потенциальное, актуальное и на такое сущее, бытие которого выражается многообразием описывающих его категорий. При изучении этой работы Хайдеггер пришел к основному вопросу своей философии – вопросу о бытии или о бытии как таковом, *самом бытии* (*die Frage nach dem Sein selbst*) [Heidegger 1979: 23, 35f].

мышлению, не только то чистое экзистирование (как нечто случающееся, случайно происходящее), о котором говорили послесредневековые школьные философы, или то, что у Канта получило определение голой «позиции», не имеющей ничего общего с содержимостью сущего, и в конечном счете не просто какой-то субстантивирующий глагол, который выводится на свет с помощью анализа суждения, или уж вовсе не самое общее, первое и предельное родовое понятие, которое может быть получено на основании абстракций, *но и* некое «нечто», которое *понимается* [Heidegger 1975: 108-158, 35-107, 45-57; Heidegger 1977: 310f; Heidegger 1973: 83f; Heidegger 1976b: 450-452; Heidegger 1979: 129-193f; Heidegger 2006: 4f].

Если справедливо (как прояснил Брентано через аристотелевскую интерпретацию), что различные способы бытия могут лишь тогда показываться в их многообразии, когда существует отличный от этих родов бытия горизонт самого бытия, в силу которого они также могут быть друг от друга отделены, то из этого с необходимостью следует, что не только предельный горизонт бытия самого по себе, но и соответствующий характер, или качество существования (*Seiendheit*), составляющий особенность конкретного способа бытия, также понимается. Как иначе могло бы существовать смысловое отличие разных способов бытия или осмысленная речь о различных значениях бытия? В качестве своеобразного ответа, замечает Шмидингер, можно было бы добавить также высказывание Гуссерля о категориальном созерцании: некий соответствующий способ бытия, реальное бытие, идеальное бытие, предметное бытие, бытие *Я*, помысленное бытие, бытие экзистирующим и т.д. Возможно это вообще познать только поскольку само бытие является для него предпосылкой. Если, согласно Гуссерлю, сие выглядит так, то тогда и в рамках его теории бытие *понимается*.

Что из всего выше описанного следует? Если допустить, что утверждается относительно трансцендентального *Я* (что, конечно, справедливо также и для каждого предмета, который им конституируется), а именно, что оно *есть*, и если далее признать, что трансцендентальное *Я* является полностью пустым для любого рода утверждения о нем, выделения (исходя из *чего-либо*) его сущности, а также для абстрагирования (основываясь на *чем-то*) его некоего качества, если оно – трансцендентальное *Я* – предварительно не *существует*, то это, в свою очередь, означает не только то, что *само бытие* (*das Sein selbst*) обеспечивает условие возможности для существования любого сущего, но и то, что это бытие вообще может быть созерцаемо и понимаемо. Следовательно, делает вывод Хайдеггер, мы можем утверждать следующее: сущее только *тогда* является нам как таковое (это значит в его истине), когда оно показывает себя в своем *бытии* (*sich in seinem Sein zeigt*) [Heidegger 2006: 18; Heidegger 1979: 148-152].

Поэтому первое предложение из § 2 «Бытия и Времени», в котором Хайдеггер дает направляющее формальное представление о том, что есть бытие в *отличие* от сущего и в своем к нему *отношении* (поскольку «бытие сущего само не «есть» сущее»), гласит: «*Спрошенное* подлежащего разработке вопроса есть бытие, то, что определяет сущее как сущее, ввиду чего сущее, как бы оно не осмыслялось, всегда уже понято» [Heidegger 2006: 6;

Херрманн 1997: 18]. Это значит, что бытие по отношению к сущему суть не только то, что дает сущему *быть* в качестве такового, но одновременно и то, *ввиду чего* мы сущее заранее – «всегда уже» – поняли [Heidegger 2006: 6; Херрманн 1997: 18]. Иначе говоря, обращаясь к проблеме бытия, Хайдеггер исходит из представления о некоей сущностной связи между самим бытием и бытием человека. Это представление он формулирует в понятии «вот-бытие» (Dasein, «тут-бытие», «присутствие...») и избирая данное понятие «отправным пунктом» своего философствования, определяет его как «сущее, которое в своем бытии понимающе относится к своему бытию»¹ [Heidegger 2006: 7-8, 53].

Но в то же время Хайдеггер определяет это понятие и как то, что «есть своя открытость» (раскрытость, разомкнутость – *Erschlossenheit*) бытию сущего как «бытие-в-мире». Поэтому в данной связи П.П. Гайденко уточняет: «Понимание у Хайдеггера тождественно открытости тут-бытия... Тут-бытие не замкнуто, а открыто, и эта его открытость как раз и есть бытие-в-мире². Быть-в-мире, быть открытым и обладать изначальным пониманием, т.е. быть герменевтичным – это, по Хайдеггеру, в сущности одно и то же» [Heidegger 2006: 133, 53f; Гайденко 1997: 368-369]. Как видим, в употреблении термина «вот-бытие» в «Бытии и Времени» содержится двузначность. По справедливому замечанию Херрманна, непринятие во внимание данной двузначности таит в себе опасность неверного понимания сего основополагающего понятия Хайдеггера: «“Присутствие”, – разъясняет Херрманн, – термин для сущего “человек”. Но то, что в нем выражается, это как раз не сущее “человек” как сущее, а *бытийная конституция* этого сущего (присутствие как чистое выражение бытия)... Однако... своеобразии присутствия как бытийной конституции сущего “человек” только тогда усматривается сразу, когда в “вот”, в раскрытости, видят не *только* характер бытия человека, но и *сущностную* связь между *характером бытия человека и бытием сущего в целом как таковым*» [Херрманн 1997: 41].

Таким образом, для правильного понимания хайдеггеровского понятия «вот-бытие» необходимо иметь в виду, что «*бытийная конституция человека, экзистирование как вот и внутри вот, усматривается в ее сущностной онтологической связи с бытием сущего в целом как таковым*» [Херрманн 1997: 42].

Указанное обстоятельство имеет, по мысли Херрманна, решающее значение для верного понимания хайдеггеровского мышления, согласно которому «*вместе с первым аналитическим шагом во внимание берется не только бытие присутствия и способы бытия сущего, присутствию несоразмерного, но также уже и бытие-вообще, искомое Простое бытия, без того, чтобы оно тематизировалось уже как таковое*» [Херрманн 1997: 81]. Между тем «данный интерпретативный тезис находится в конфронтации с большей частью

¹ «...Понимание бытия... принадлежит к сущностному строению самого Dasein» [Heidegger 2006: 8].

² Мир, по Хайдеггеру, не есть нечто внешнее вот-бытию: «Онтологически “мир”, – пишет Хайдеггер, – это не определение некоторого “сущего”, которое есть не вот-бытие, а характеристика самого вот-бытия» [Heidegger 2006: 64].

критической литературы» о Хайдеггере, исходящей из соображений о том, что «Бытие и Время» содержит лишь экзистенциально-онтологический анализ вот-бытия, и «только неопубликованный третий раздел мог бы ответить на основной фундаментально-онтологический вопрос о смысле бытия, о Простом бытия-вообще с выявлением того, в чем состоит искомое бытие-вообще» [Херрманн 1997: 81-82].

По мнению же Херрманна (и мы разделяем его точку зрения), такая аргументация верна лишь отчасти. «Бытие-вообще, – пишет он, – ...должно было и могло бы быть тематизировано только в неопубликованном третьем разделе. Однако это не исключает того, что оно постоянно, со-тематически, присутствует уже в двух предыдущих разделах экзистенциального анализа. Лишь поскольку оно здесь со-тематически уже имеет место, оно может в третьем разделе тематизироваться специально» [Херрманн 1997: 82]¹. Так, различая многообразие бытийных способов (бытие подручным и наличным, способы бытия жизни и живой природы, идеальных сущностей и экзистенции, или вот-бытия), Хайдеггер выделяет лишь один – вот-бытие как бытие-в-мире, ибо основная черта данного способа бытия «состоит в связанности понимания собственного бытия с пониманием разнообразных бытийных типов» [Херрманн 1997: 18, 77-78]. И хотя такое понимание еще не является отчетливым и рефлексивным², специально тематизированным и категориально истолкованным, «для Хайдеггера, – подчеркивает Херрманн, – бытийная проблема онтологии как раз-таки не исчерпывается категориальным истолкованием способа бытия сущего. Ввиду многообразия способов бытия и их категорий он ставит *вопрос о потаенном Простом (das Einfache) бытия, которое предшествует Многообразному бытийных способов и их категориальным значениям и которое делает возможным разнообразие бытийных типов тем, что производит его из себя*» [Херрманн 1997: 79].

Хайдеггер полагает, что вопрос о Простом бытия, или о его смысле, представляет собой проблему обоснования всей онтологии, а именно проблему *фундаментальной онтологии*³, решить которую, в свою очередь, можно только посредством экзистенциального выявления бытийных структур вот-бытия: ибо в понимании как способе бытия ему (вот-бытию) открыты

¹ Высказанный Херрманном тезис поддерживает и Сафрански: «На самом деле Хайдеггер предпринял свой анализ *вот-бытия*, надеясь приблизиться к пониманию бытия как такового; просто *вот-бытие* было в его представлении тем единственным сущим, которое озабочено собственным бытием (возможностью собственного бытия). Но тогда Хайдеггер, вопреки своему первоначальному намерению, позволил себе слишком углубиться в исследование *вот-бытия*. В конечном итоге все его внимание сосредоточилось на *вот-бытии*, а бытие оказалось упущенным из поля зрения» [Сафрански 2005: 483].

² «Нам даже не известен горизонт, из которого мы должны схватить и зафиксировать смысл. Это усредненное и смутное понимание бытия есть факт» [Heidegger 2006: 5].

³ Принципом данной онтологии является противостоящее объективистскому пониманию бытия различение бытия и сущего – *онтологическая разница*. Ибо, как пишет Хайдеггер, «одно дело – сообщать, повествуя о *сущем*, другое – схватить сущее в его *бытии*» [Heidegger 2006: 39].

как собственное бытие, так и бытие сущего, не обладающее природой вот-бытия. С точки зрения Хайдеггера, такой способ бытия *Dasein* указывает именно на сущностное отношение между бытием-вообще и человеческим бытийным пониманием и свидетельствует (в онтологическом феномене открытости, равнозначным с *вот* присутствия) о *предвосхищении Простого бытия-вообще* [Херрманн 1997: 82-84]. И несмотря на то, что в суждении о бытии определенный приоритет обретает вопрос о вот-бытии (*Dasein*), тем не менее этот приоритет (ведущий к стольким недоразумениям и прежде всего к антропологической интерпретации «Бытия и Времени») остается приоритетом *онтическим* (или приоритетом *сущего*), смешанным с *онтологическим* (априорным) приоритетом вопроса о *бытии*. Хотя смысл бытия и становится доступным только через прояснение бытия *Dasein*, но в то же время вопрошающее о бытии сущее само должно быть определено в своем бытии, в силу чего и возможность проведения аналитики *Dasein* зависит от предварительной разработки вопроса о смысле бытия как такового («бытия-вообще») [Рикер 1995: 349; Молчанов 1988: 93].

Итак, становится очевидным: Хайдеггер не может принять представление Гуссерля о феноменологической редукции к чистому сознанию-феноменальности, то есть заключение за скобки бытия предмета в пользу его чистого существа: «Для Гуссерля феноменологическая редукция ... есть метод возвращения феноменологического взгляда из естественной установки ... человека к трансцендентальной жизни сознания и его ноэтико-ноэматических переживаний, в которых объекты конституируются как корреляты сознания, – пишет Хайдеггер. – Для нас феноменологическая редукция означает возвращение феноменологического взгляда из определенного в каждый момент схватывания сущего к пониманию бытия (проектированию на способ его несокрытости) этого сущего» [Heidegger 1975: 29].

По мысли Хайдеггера, основание для этого состоит не только и не просто в том, что существуют регионы бытия, которые нельзя вынести за скобки (например человеческая экзистенция), а прежде всего в том, что сущее (любого рода) только тогда может явиться в его изначальности, когда оно показывается в его бытии. Поэтому когда Гуссерль абстрагируется от бытия сущего, чтобы иметь возможность идеативно предъявить его перед собой в изначальном самопоказывании, то подобным образом он совершает противоположное тому, что он, собственно, должен был бы делать, а именно – обратиться к бытию [Heidegger 1979: 98-118, 140-159, 178ff]. Более того, даже несмотря на постулируемое им заключение за скобки Гуссерль все-таки не уходит от бытия, поскольку то, что он посредством этого достигает, и есть бытие. Только (в отличие от реального или экзистирующего бытия предмета) оно есть пожалуй его идеальное или представляемое бытие, а потому – все еще бытие. Невзирая ни на какие методические шаги Гуссерлю все же не удастся подойти к задаче объяснения соответственно уже имеющемуся пониманию бытия.

Следствие вытекающее из вышесказанного является, с точки зрения Шмидингера, никак не менее значительным, чем утверждение о том, что только что продемонстрированным ходом мысли разрушаются

существенные позиции гуссерлевской феноменологии, особенно ее позиции как трансцендентальной философии. Ибо теперь выяснилось, что, *во-первых*, на место трансцендентального Я вступает в конечном итоге *само бытие*; *во-вторых*, интенциональность представляет собой *бытийное* отношение; *в-третьих*, смысл феноменальности (и следовательно истины) становится новым; *в-четвертых*, понятие трансцендентальной философии получает в конце концов решающую модификацию [Schmidinger 1985: 151]. Это логически проясняется в следующих четырех шагах его исследования [Schmidinger 1985: 151-158].

1. Тот факт, что трансцендентальное Я может быть не последней инстанцией смысловой конституции, подчеркивается уже повторно. Это обстоятельство справедливо для трансцендентального Я по той причине, что на его место вступает бытие: трансцендентальное Я не может быть последней инстанцией смысловой конституции, так как оно само *есть*. Следовательно, в его вот-бытии, как и в его понимании самого себя, оно пребывает в отношении к самому себе как к *собственному* бытию, предполагая тем самым понимание бытия как *такового* [Heidegger 1979: 140-148]. Бытие занимает свое изначальное место, поскольку то, благодаря чему трансцендентальное Я исполняет себя как сущее, «есть» само бытие. С этого момента оно одно является основанием для того, чтобы что-то вообще могло *быть* и могло *быть понято*. Казалось бы, теперь «на троне трансцендентальной конституционной инстанции, как утверждает Шмидингер, – происходит замена, а гуссерлевский “идеализм и идеалистическая постановка вопроса... в смысле неокантианства”, так часто напоминающая о субъективном идеализме Фихте, оказываются в конечном итоге преодолены» [Heidegger 1979: 145; Heidegger 1978: 167; Schmidinger 1985: 152]. Но вполне ли верно данное утверждение? С подобной оценкой можно согласиться, только сделав ряд принципиальных замечаний.

С одной стороны (и это общеизвестно), специфика хайдеггеровской онтологии заключается в том, что хотя в ней и осуществляется метафизическая интерпретация трансцендентальной философии, но от этого она не утрачивает свой трансцендентальный характер [Heidegger 2006: 38]¹. И обусловлен последний прежде всего тем, что, как справедливо пишет Е.В. Борисов, «собственно онтологическому исследованию – исследованию самого бытия – Хайдеггер предпосылает аналитику вопроса о нем, поскольку сама постановка всякого вопроса основана на некоем предварительном понима-

¹ «В “Бытии и Времени”, – обосновывает данный тезис П. П. Гайденко, – Хайдеггер описывает структуру человеческого бытия, которое есть не что иное, как поновому понятая трансцендентальная субъективность Гуссерля. Цель своей работы Хайдеггер видит в том, чтобы раскрыть смысл бытия того “сущего, которое суть мы сами”. На языке неокантианского и феноменологического направлений это означает стремление описать априорную структуру трансцендентального Я, которая есть трансцендентальное (на языке Хайдеггера – онтологическое) условие возможности всех его эмпирических (по Хайдеггеру, онтических) проявлений. Под “смыслом бытия”, таким образом, понимается трансцендентальная структура тут-бытия (Dasein), и потому Хайдеггер говорит, что бытие открыто нам лишь через нас самих» [Гайденко 1997: 354].

нии соответствующего предмета. Но исследование *мысли о предмете* (частным случаем которой является вопрос) в качестве пропедевтики *самого предмета* есть по определению трансцендентальное исследование. Кроме того, предварительное («предонтологическое») понимание бытия составляет, по Хайдеггеру, содержание существования самого вопрошающего сущего (Dasein, вот-бытия). Поэтому структуры его существования оказываются конститутивными Априори по отношению ко всякому онтологическому познанию. Из этого следует, что фундаментальная онтология, на которой основаны все региональные онтологии, представляет собой рефлексивное исследование априорных структур собственного существования. Но и у Гуссерля основным способом трансцендентального исследования является рефлексия, направленная на базовые (в эпистемологическом смысле) конститутивные Априори» [Борисов 1997: 21-22].

Таким образом, мы можем утверждать, что в своей философии бытия Хайдеггер руководствуется некоторыми существенными положениями трансцендентальной феноменологии Гуссерля [Heidegger 2006: 35]. Эти положения суть следующие.

1) Хайдеггер принципиально придерживается гуссерлева представления о феноменологическом *созерцании*, а именно *восприятии (Wahrnehmung)*: именно в области изначального, следовательно себя всегда уже показывающего, надеется Хайдеггер прояснить «идею» бытия [Heidegger 2006: 144, 181, 218, 363; Schmidinger 1985: 140].

2) Вне сомнений, он следует за Гуссерлем также и в том, что понимает человеческое познание *интенционально*. И несмотря на то, что Хайдеггер практически не употребляет термин «интенциональность», предпочитая вместо него термин «трансценденция», которая для него так же, как и для Гуссерля (рассматривающего ее как функционирующую интенциональность), – это *чистый горизонт, чистая предметность*. Из этого следует, что в онтологии Хайдеггера, так же как и в феноменологии Гуссерля, исходным пунктом является положение о том, что бытийный смысл сущего впервые конституируется сознанием (для Хайдеггера, соответственно, вот-бытием) [Гайденко 1966: 93; Heidegger 1975: 423; Heidegger 1973: 75, 107; Heidegger 2006: 350-366; Schmidinger 1985: 141].

3) Фундаментальное значение для хайдеггеровского поиска смысла бытия приобретает гуссерлева теория материального априори и категориального созерцания (или усмотрения сущности – *Wesensschau*). Данная теория дает Хайдеггеру обоснованный повод предположить, что бытие как таковое, как условие возможности познания действительности вообще, всегда уже *со-созерцается* и *со-понимается*. Именно на этом основании Хайдеггер делает вывод, что бытие первоначально достигается не с помощью рефлексии по поводу специфического акта сознания, а в том, что оно в любом акте сознания всегда уже *со-созерцается* [Heidegger 2006: 147; Schmidinger 1985: 142-143].

4) На протяжении долгого времени Хайдеггер следует своему учителю также в том, что считает себя представителем трансцендентальной философии. При этом он следует скорее специфической гуссерлевской концепции

трансцендентальной философии, нежели кантовской или неокантианской. Хайдеггер не только разрабатывает структуры сознания и формальные закономерности мышления, но и обнаруживает изначальный опыт и его опытное содержание [Heidegger 2006: 38; Schmidinger 1985: 143-144]. В этой связи представляется несомненно логичным тот факт, что он называет свою трансцендентальную философию *герменевтикой*: то, что всегда уже известно, должно быть *по-новому* обнаружено и истолковано на основе исходного опыта сознания [Heidegger 2006: 37].

С другой стороны, особенностью хайдеггеровского трансцендентализма является онтологизация трансцендентального субъекта, а значит – специфическая интерпретация тематического предмета феноменологии как более не редуцируемого к чистому сознанию-феноменальности или трансцендентальной субъективности, «ибо тут-бытие не есть уже “трансцендентальное эго” Гуссерля» [Гайденко 1997: 364]. Новые возможности феноменологии Хайдеггер обнаруживает, оспаривая метафизическую позицию «объективирующего мышления». А именно, не отрицая важности теоретического субъекта как субъекта познания, он изменяет само представление о теоретическом мышлении: истинное мышление начинает конституироваться пониманием бытия, выражающемся в вопрошании о бытии, как способом бытия. «Само вопрошание – как поведение вопрошающего сущего – имеет свой особый характер бытия» [Heidegger 2006: 7].

Такое мышление более не может рассматриваться как один из аспектов, характеризующих теоретическое Я, оно полагается как *само* бытие, для которого понимание бытия и есть бытие [Heidegger 2006: 12]¹. Поэтому именно способы бытия *понимающего*, по Хайдеггеру, определяют суть бытия сущего, а не наоборот. Так, если в философии Гуссерля теоретическое Я не только конституирует трансцендентальную предметность, но и само коррелируется ею (а субъективность становится, по сути, тождественной интерсубъективности), то хайдеггеровское понимающее Я, отвечая на вопрос о смысле предметного бытия, обнаруживает этот смысл в *собственном* бытии. Вот-бытие (Dasein) как способ бытия понимающей субъективности определяется отношением к «самому бытию», или «экзистенции», которая предстает его (Dasein) «сущностью» [Зотов 2001: 428, 437; Heidegger 2006: 7, 12, 42].

Таким образом, в философии Хайдеггера человеческая субъективность проблематизируется совершенно *особым* образом. Она никогда по своей сути не схватываема как предмет познания и в этом смысле не конституируется, а *сама* есть бытийное условие всякого конституирования, на основании чего Хайдеггер называет экзистенцию бытием человека в его *возможности* [Heidegger 2006: 42]. Итак, понимающее Я – то есть Я как «Я *есть*», а не Я как «Я *мыслю*» – становится предметом исследования Хайдеггера.

2. Если сознание, в свою очередь, само есть и его самоконституция нуждается в определении посредством бытия, то тогда интенциональность

¹ «Человек понимает бытие прежде не в рефлексующем мышлении и в понятийном схватывании..., а до-онтологически вместе с исполнением своей экзистенции» [Херрманн 1997: 48].

более не может быть структурой, *имманентной* сознанию [Heidegger 1975: 78-94, 219-224, 225ff]. Этим выводом Хайдеггер ни в коей мере не желает выдвигать аргументы в пользу объективизма доновременного периода или реализма (например философии Николая Гартмана). Но также мало он хочет сказать вместе с Гуссерлем о том, что интенциональностью обладает исключительно сознание и что она раскрывается только сознанием. Отныне ни одна из этих сторон (ни предмет, ни сознание) не могут быть идентифицированы с самим бытием, поскольку обе определяются последним, вследствие чего интенциональность должна рассматриваться с точки зрения самого бытия и исходя из бытия [Heidegger 1979: 145-182; Heidegger 1975: 77]. Оно одно «есть» то, что определяет и характеризует бытийное отношение «интенциональность». Поэтому становится возможным не только то, что некое сущее вообще существует, но также и то, что оно может являться познанию, которое само есть сущее. Таким образом, в феноменологии Хайдеггера каждая встреча сущего в его предметном бытии и познанного бытия подчиняется «предварительному распоряжению» самого бытия, которое принципиально отличается от каждого конкретного способа бытия, включая бытие чистого сознания-феноменальности.

Здесь необходимо различать такие хайдеггеровские термины как «бытие как таковое» и «само бытие». Уже упоминалось, что в «Бытии и Времени» Хайдеггер предпринял свой анализ вот-бытия с целью приблизиться к пониманию бытия как такового. Однако данное понятие оказалось упущенным из его поля зрения, а термин «само бытие» (отмечает Сафрански) стал употребляться для именованя экзистенции: «“Бытие” понимается здесь в определенном, узком смысле: как собственное бытие человека, которому еще только предстоит осуществиться... В этом смысле следует понимать и фразу “сущность” присутствия лежит в его экзистенции» [Сафрански 2005: 484]. Становится понятным также весьма убедительный комментарий Херрманна к одному из наиболее трудных моментов в понимании аналитики *Dasein* Хайдеггера: «Рассматривать человека не в качестве самосознания, не в качестве субъекта в познавательном противопоставлении познавательному объекту, а феноменологически созерцать его как *вот-бытие...* и экзистенцию и выявлять бытийные структуры (экзистенциалы) присутствия не значит вновь полагать его все же в качестве субъекта и осознающего себя предметного сознания, разве что теперь вместо формальных структур сознания... тему анализа составляет конкретное сознание как фактическое присутствие... *Субъект и самосознание онтологически укоренены в присутствии*, – ...вместе с “присутствием” обнаруживается что-то иное, нежели *ego-cogito*, намного более богатое и изначальное измерение бытия, чем субъект и сознание» [Херрманн 1997: 39-40].

Иначе говоря, предметом феноменологического описания для Хайдеггера должен стать человек в целостности его бытия, а не только его мышление, *ego cogito*: «Хайдеггер исходит из феноменологии Гуссерля, но в отличие от последнего рассматривает интенциональность... не как характеристику сознания, но как способ бытия личности в целом», как «духовный опыт личности, чувствующей свою неповторимость, однократность

и смертность», – пишет П.П. Гайденко [Гайденко 1970: 426-428]. По ее мнению, феноменология Гуссерля поставив на место бытия человека его мышление, рефлексию открывает путь интеллектуализму – сводит сущность человека к познанию и упускает из виду его бытие. Хайдеггер же, критикуя интеллектуалистскую, рационалистическую трактовку сознания, хочет понять *само сознание как определенный способ бытия*: «Сознание как способ бытия, точнее, *бытие сознания*¹ он обозначает словом *Dasein* – ...“вот-бытие”». Как справедливо отмечает П. Рикер, у Хайдеггера “*ego* не является более центром, поскольку вопрос о бытии и значение бытия являются за-бытым центром, который философии надлежит восстановить”» [Гайденко 2006: 401; Рикер 1995: 348].

Однако каким же образом можно феноменологически созерцать и описывать структуру вот-бытия, которое более не есть трансцендентальная субъективность? Резонно возражает П.П. Гайденко, что о субъективности можно говорить до тех пор, пока мы остаемся на уровне сознания, и если Хайдеггер хочет перейти на уровень *бытия сознания*, то «как ... в таком случае он должен выявлять свой предмет» [Гайденко 1997: 364]? «Иными словами, как выйти за пределы трансцендентализма, отправляясь при этом все от той же исходной точки, ибо тут-бытие – это все-таки человеческое Я» – спрашивает она [Гайденко 1997: 364].

По мнению Сафрански, Хайдеггер обнаруживает границы учения Гуссерля в том, что «он никогда не ставил вопрос, в каком смысле является “сущим” сам человек, или точнее интенциональное сознание» [Сафрански 2005: 126]². Пытаясь ответить на этот вопрос, Хайдеггер приходит к выводу, что фундаментальной структурой существования человека как вот-бытия является акт трансцендирования, или «эк-стасиса», то есть выхода за собственные пределы [Heidegger 2006: 38, 329ff]. В отличие от Гуссерля, именно данный феномен человеческого существования (а не интенциональный акт) он рассматривает в качестве изначального, или фундаментально-онтологического и называет в качестве его основных форм бытие-в-мире, заботу и со-бытие с Другим [Борисов 1997: 21-25]³. Так, пытаясь отказаться от идеи имманентности сознания, которую отстаивает Гуссерль, Хайдеггер объявляет базовой структурой *Dasein* не познание, а *действие*, или «*обращение с чем-то*» (*Umgang*) [Heidegger 2006: 66ff]. То есть, как пишет Сафрански, он выступает против феноменологического исследования сознания по ме-

¹ «Выйти на уровень бытия сознания, – уточняет П. П. Гайденко, – это значит, по Хайдеггеру, раскрыть и описать дологические, допредикативные структуры, которые уже, собственно, не вполне правильно называть сознанием, – ... сознание в собственном смысле начинается с того момента, как появляется расщепление субъекта и объекта» [Гайденко 1997: 362].

² «По сути дела, – пишет Е. В. Борисов, – Хайдеггер ограничивается выявлением... существенного упущения Гуссерля – “упущения вопроса о смысле самого бытия и о бытии человека в феноменологии”, – которое и послужило основным мотивом собственных хайдеггеровских нововведений» [Борисов 1998: 365].

³ «У Хайдеггера столкновение с сущим возможно только на основе трансценденции, “экстасиса”» [Молчанов 1991: 158].

тому Гуссерля, когда хотят понять познающее сознание из него самого. Познавание, по Хайдеггеру, необходимо исследовать в контексте практической жизнедеятельности, поскольку оно проистекает из практического обращения с миром¹ [Сафрански 2005: 220].

Таким образом, хайдеггеровский подход к сознанию не теоретичен, а прагматичен: познание есть функция действия, и потому интенциональность (важнейший феноменологический принцип) характеризует для Хайдеггера не только структуру сознания, но и вообще отношение Dasein (вот-бытия) к миру – бытие-в-мире² [Сафрански 2005: 217–220]. В данной связи Е.В. Борисов подчеркивает, что бытие-в-мире, будучи основной формой трансцендирования вот-бытия и имея структуру, изоморфную структуре интенции у Гуссерля (экзистенциалам «Кто», «бытие-в...» и «мир» соответствуют гуссерлевские понятия Я, ноэмы и ноэзы), означает для вот-бытия именно осуществление открытости сущего [Борисов 1997: 22–25].

Впрочем, бытие-в-мире всегда имеет и «рефлексивную компоненту» – открытость существующего в мире вот-бытия самому себе [Борисов 1997: 22]. Согласно Хайдеггеру, вот-бытие есть такое сущее, для которого «в его бытии речь идет о самом этом бытии» [Heidegger 2006: 12]. Данное, по выражению Е. В. Борисова, «актуальное» отношение к собственному существованию Хайдеггер называет заботой [Борисов 1997: 25; Heidegger 2006: 192 ff]. И несмотря на то, что Хайдеггер, по замечанию Сафрански, придает этому понятию «всеохватывающий смысл», решающее значение для него имеет соотносительность заботы со временем. «Озабоченным» может быть только существо, видящее перед собой открытый и непосредственный горизонт времени, с которым оно должно освоиться. Мы – заботящиеся и тревожащиеся существа именно потому, что остро переживаем открытый перед

¹ Здесь Е. В. Борисов поясняет: «Я самосознания не является первичной онтологической характеристикой вот-бытия и его опыта: «Кто» повседневности – это «некто» [Борисов 1998: 257]. Иначе говоря, в своем повседневном существовании вот-бытие еще не имеет определенного Я, еще не отличает себя от Других и от окружающего мира и, следовательно, не имеет собственного самосознания... Не «Я», но именно «некто» «в каком-то смысле следует считать “реальнейшим” из возможных для вот-бытия “субъектов”» [Борисов 1998: 261]. «Видимо, это парадоксальное положение нужно понимать в том смысле, что «Я», самосознание и рефлексия – феномены, обеспечивающие реальность субъекта – возможны лишь на основе не-предметного, не-субъективного и не-рефлексивного опыта повседневности», а «этот опыт представляет собой не что иное, как само существование вот-бытия в его непосредственной сопряженности с другими вещами» [Борисов 1998: 352, 351].

² Из этого следует, что бытие всего сущего непосредственно открыто человеку не в чистом незаинтересованном созерцании, а в отнесенности к его намерениям (возможностям) – в озабочении [Heidegger 2006: 57; Гайденко 1997: 370]. Поэтому, как пишет П. П. Гайденко, вещи окружающего мира предстают перед человеком первоначально в качестве орудий, средств для осуществления его намерений, а теоретическое отношение к вещам, созерцание их как наличных предстает как вторичное: «Сюда попадает, разумеется, и гуссерлево “созерцание сущностей” (Wesensschau)... Гуссерлево “созерцание феноменов”, по Хайдеггеру, так же коренится в экзистенциальном понимании, как трансцендентальная субъективность – в тут-бытии» [Гайденко 1997: 370–371].

нами временной горизонт. Забота есть не что иное, как переживаемая временность», – пишет исследователь [Сафрански 2005: 222].

Мы озабочены, потому что нас «подгоняет время»: важнейшей характеристикой временности, по Хайдеггеру, является ее конечность, ибо конечно, или смертно, само человеческое вот-бытие. Поэтому как переживаемое и пржитое до конца время вот-бытие есть «бытие к концу» или «бытие к смерти» [Heidegger 2006: 234ff]. Между тем в контексте мыслей о временности, как отмечает Сафрански, сформулированный в самом начале вопрос о смысле бытия внезапно предстает в новом свете: «Смысл бытия есть время, и это означает: бытие – не что-то застывшее, “упорствующее”, а нечто устремленное “вперед себя”, не наличествование, а событие» [Сафрански 2005: 232]. Иными словами, вот-бытие ставит вопрос о бытии именно потому, что конечно, и поэтому оно вынуждено постоянно выходить за собственные пределы, или трансцендировать¹. Но что значит существовать в транзитивном смысле? Это значит, как определяет Сафрански, «иметь какое-то отношение к самому себе; быть вынужденным как-то относиться к самому себе и значит к своему бытию» [Сафрански 2005: 222]. Экзистенция, – аргументирует он, – «это такое сущее, которое в отличие от камней, растений и животных... не просто “есть”, “присутствует”, но обнаруживает себя “вот здесь”. И только потому, что оно обладает этой способностью самообнаружения, перед нами открывается весь горизонт заботы и времени. Следовательно, экзистенция – не просто наличествование, но самореализация, движение» [Сафрански 2005: 178-179]. И смысл данной самореализации, – считает Сафрански, – «это описанное выше существование в транзитивном смысле, или, иными словами, фактичная жизнь как заботящаяся, тревожащаяся, проектирующая себя жизнь во времени. Человеческое вот-бытие можно понять только исходя из смысла его самореализации, – а не, так сказать, поставив его перед собой наподобие наличествующего предмета» [Сафрански 2005: 178-179].

Итак, именно самореализация вот-бытия, или актуальное существование вот-бытия, забота (а не интенциональный акт) становится в феноменологии Хайдеггера основным онтологическим феноменом и первоначальным предметом исследования. Смысл данной самореализации, или существование в транзитивном смысле, Хайдеггер трактует как фундаментальную онтологическую структуру вот-бытия, в которой «снимается» характеризующая интенциональный акт гуссерлева оппозиция имманентного и трансцендентного, а именно – сознания и репрезентированной в нем предметности, поскольку основной формой их соотношения (в виде бытия и сущего) становится актуальное существование вот-бытия, забота, как бытие-в-мире [Heidegger 2006: 191-196; Гуссерль 2009: § 59, § 149; Борисов 1997: 24-25]. Таким образом интенциональность более не может быть структурой, имманентной созна-

¹ «Трансцендировать, – пишет Хайдеггер, – означает переступать, перебираться, проходить сквозь, иногда даже превосходить» [Heidegger 1975: 423]. «Присутствие определяется в своем бытии как трансценденция, поскольку исполнение экзистенции (исполнение заботы) суть свершение исполнения трансцендирования, т.е. переступания», – поясняет Херрманн [Херрманн 1997: 55].

нию, поскольку для Хайдеггера она характеризует бытие-в-мире, которое, в свою очередь, он понимает «как одно из изначальных и нередуцируемых Априори существования» [Борисов 1997: 24-25].

3. Если отныне само бытие является тем, что конституирует изначальное бытие сущего, то тогда феноменальность феномена более не может состоять ни в том, что он указывает на нечто, показывающее себя само в своей первичной данности для чистого сознания, ни в том, что он представляет эту данность (самопоказывающего) как трансцендентальный акт сознания, поскольку сознание, которое само есть сущее, со своей стороны нуждается в конституировании бытием [Heidegger 1975: 87ff]. Следовательно, «феномен» должен означать, что сущее показывает себя в своем бытии. Но когда, где и как показывает себя сущее в своем бытии? Очевидно, когда господствует понимание идеи самого бытия, поскольку лишь тогда может быть определено и соответствующее бытие сущего, его «качество [или характер] существования» («Seiendheit»), как его называет Хайдеггер. Но откуда возникает понимание бытия самого по себе? Ниоткуда иначе, как исходя из самого сущего [Heidegger 1976b: 133f]. Именно сущее *существует (ест)* и указывает через это свое бытие на бытие как таковое.

Итак, сущее понимается изначальное, если есть знание о бытии как таковом, и наоборот: знание о бытии как таковом достигается лишь тогда, когда сущее показывает себя тем, что оно есть. Этот круг может, на первый взгляд, показаться лишь простым «*circulus vitiosus*» (порочным кругом), противоречием в самом себе. Но это лишь на первый взгляд. Так как, убежден Хайдеггер, то, что данный круг делает *подлинно* зримым, есть специфическая форма самопоказывания некоего *себя* показывающего (*das Sichzeigen eines sich Zeigenden*), которое обладает условиями возможности этого самопоказывания и конституируется ничем иным, как самим собой. А именно: данная «форма», по Хайдеггеру, есть не что иное, как изначальная открытость¹ вот-бытия – «корень и исток» всякой очевидности, а некое «себя показывающее» – это само вот-бытие как экзистенция. «Специфичность» же вышеназванной формы заключается в том, что открытость вот-бытия как экзистенции остается для него (его познания) сокрытой [Heidegger 2006: 35]. Таким образом, вот-бытие – тот самый род сущего, который может показать себя непосредственно, то есть в своем бытии. В таком случае, почему форма его самоданности сокрыта? Согласно Хайдеггеру, именно потому, что обнаруживаемое скрытое (то есть подлинный феномен) и есть *бытие* сущего. Оно может быть скрыто так глубоко, что оказывается забытым, и вопрос о нем и его смысле даже не возникает² [Heidegger 2006: 35].

Следует отметить, что Хайдеггер проводит принципиальное различие между подлинным феноменом как себя-в-себе-самом-кажущим и явлением

¹ У позднего Хайдеггера экзистенциал «открытость» из характеристики вот-бытия становится важнейшей характеристикой самого бытия [Гайденок 1997: 375].

² «Как видим, – пишет П.П. Гайденок, – понятие феномена не такое уж простое и беспроблемное, как могло бы показаться, если принять во внимание только формальное его определение, – то, что непосредственно являет себя... Феноменология потому и необходима, что феномены сокрыты, говорит Хайдеггер» [Гайденок 1997: 359].

как дающем-о-себе-знать, которое не есть «казание» себя [Heidegger 2006: 31]. Феномен, по Хайдеггеру, – это особый род встречи (с *бытием* сущего), в то время как явление – не род встречи, а существующая в самом *сущем* отсылающая связь [Heidegger 2006: 31]. В контексте данного различия Хайдеггер соотносит и феномены сознания с феноменами вот-бытия: «Если феномен, который Гуссерль определяет в качестве интенционального акта, Хайдеггер схватывает как интенциональное деятельное отношение..., как *бытие-при-сущем*, то интенциональность деятельного отношения он укореняет в бытийной конституции относящегося присутствия... Как появления интенционального предмета в актах сознания (например способы явления сторон или способы явления в определенной перспективе) суть философски тематизируемое себя показывание *сущего*, но не *бытие* кажущего себя сущего, требующее осмысления из онтологической разницы к сущему... Появление и себя показывание сущего происходит на основе *сокрытой* (для феноменологической тематизации процесса явления сущего...) *раскрытости бытия* являющегося сущего. Выявление этой *горизонтной* раскрытости бытия в единстве с выявлением самостно-экстатической раскрытости экзистенции (заботы) составляет первичную тему феноменологии *присутствия* – в отличие от феноменологии *сознания*», – разъясняет Херрманн [Херрманн 1997: 26-27].

По Хайдеггеру, *бытие* сущего является «исходя из него самого» («само по себе» или «в самом себе» – *an ihm selbst*)¹, а феномен означает «сущее как таковое, как оно показывает само себя» [Heidegger 1979: 112]. «Как значение выражения “*феномен*” нужно поэтому *фиксировать*: “...себя-в-себе-само-кажущее” [показывающее], открытое [очевидное] (*das Sich-an-Ihm selbst-zeigende, das Offenbare...*)» [Heidegger 2006: 28]. При этом Хайдеггер особо указывает, что в силу данного значения феномен «предполагает... показ способа встречи сущего» именно «с самим собой» (для вот-бытия в его бытии речь идет о *самом* этом бытии) [Heidegger 1979: 112]. В связи с этим он подчеркивает, что феноменология как «метод научной философии вообще» есть «*интерпретация сущего с точки зрения его бытия*», вследствие чего она, в отличие от всех предшествующих наук, которые *также* занимаются бытием, является наукой *именно* о бытии [Heidegger 1975: 3, 27f, 466f; Heidegger 1979: 184, 423; Heidegger 2006: 9-11; Heidegger 1975: 466-469]. И наоборот онтология возможна ... только как феноменология [Heidegger 2006: 35]. То есть феноменологическая редукция, с помощью которой Гуссерль пытался проникнуть в сферу чистого сознания, становится у Хайдеггера «возвращением взгляда от сущего к бытию» [Heidegger 1975: 29].

Перемена, осуществляющаяся в определении «феномена» и «феноменологии», обязательным образом касается также и понимания истины [Schmidinger 1985: 154]. Гуссерль рассматривает эту проблему «внутри-интенционально», то есть имманентно сознанию. Истина означает для него очевидность. Очевидность, однако, он понимает из отношения «*intentio*» и

¹ «*An ihm selbst*» – новый философский термин, впервые введенный Хайдеггером. Его можно перевести как «сам по себе», «как таковой». Иногда в этой связи Хайдеггер также употребляет заимствованное им из греческой философии понятие *αποφαινεσθαι* [Heidegger 2006: 28-31].

«*intentum*» (интенции и ее предмета). Адекватная очевидность и следовательно подлинная истинность предъясняются для него там, где «интецио» и «интентум» совпадают, то есть «интентум» созерцается адекватно. Неадекватная очевидность и следовательно неполная истина имеются, в свою очередь, там, где это совпадение осуществляется лишь частично [Heidegger 1979: 69-71]. По мнению же Хайдеггера, Гуссерль находится с этой теорией в «добром соседстве» со всей западноевропейской философией начиная с Платона и Аристотеля [Heidegger 1976a: 31-125]. В этой теории, конечно, говорилось не об интенциональности сознания, а о суждении и повествовательном предложении, однако все сводилось к тому же, поскольку суждение и предложение, точно так же как и сознание как целое, сами *есть* и потому никогда не могут быть последней инстанцией для требования изначальной истины. И суждению и предположению также нужна скорее не истина, а удостоверение в истинности посредством бытия как такового, поскольку с его помощью они впервые могут быть осуществлены и открыты. То, что западноевропейская философия не хотела увидеть подобное положение вещей в подлинном свете, и явилось причиной того, что она место-*где*-явления истины перепутала с самой *истиной*, в силу чего данная философия ошибочно полагала, будто сознание есть то последнее, что свидетельствует об истине (ее показывает) [Heidegger 2006: 28-31; Heidegger 1979: 113].

Но как же выявляется истина? Очевидно, «с помощью» «восприятия» (в смысле *Wahr-nehmung* – приятия истины), которое устанавливает, что воспринимаемое нами сущее или принимаемое как истинное, «есть то же самое, что и сущее, которое высказывается» [Heidegger 2006: 218]. Сравниваются ли при этом как в традиционной теории истины представления между собой? Констатируется ли при этом соответствие между познанием и предметом? Сталкивается здесь одно «содержание сознания» с другим? Очевидно, что нет, ибо Хайдеггер доказывает «не согласованность познания и предмета», а «единственно открытость самого сущего, его самого в *как* его открытости» [Heidegger 2006: 218]. По Хайдеггеру, сущее как таковое (или в его открытости) показывает себя так, *как* оно есть само по себе, то есть, что оно в *самости* есть так же, как оно выявлено и открыто в качестве *сущего* в высказывании [Heidegger 2006: 218]. «Удостоверение (следовательно) означает: *самопоказывание сущего в самости*» (*sich zeigen des Seienden in Selbigkeit*) [Heidegger 2006: 218].

Между тем условием процедуры удостоверения, а именно установления истинности или ложности высказывания (то есть условием установления в высказывании отношения между *бытием* познанным и *бытием* реальным) выступает некое предварительное *понимание* бытия, лишь на основании которого возможно и имеет смысл различие либо идентификация *бытия* познанным и *бытия* реальным. То есть самость сущего может быть фиксирована только тогда, когда она конституируется исходя из *бытия* себя показывающего сущего.

Таким образом, сущее само по себе таково, что показывая самого себя в своем бытии, оно впервые квалифицирует и познание как открывающее или скрывающее это бытие, а истина означает тогда «то же самое, что и

«вещь» – «само себя показывающее» [Heidegger 1976a: 127-135, 162-195; Heidegger 1982: 73-109; Heidegger 2006: 213]. Истинное может быть также понято в смысле самого существующего объекта, который, рассматриваемый как первоначальный, дает указание, обосновывает и уполномочивает идентификацию. Истинный означает в итоге то же, что и *делающий* познание *истинным*. А истина означает здесь то же, что и *бытие*, *бытие действительным* [Heidegger 1979: 71]. Она определяется как очевидность, несокрытость и неискаженность бытия; и потому мышление только тогда истинно, когда оно «выказывает» бытие, а это значит, когда оно его «открывает» [Heidegger 1976a: 134f, 180-182; Heidegger 2006: 28, 33].

Как видим, истина, по Хайдеггеру, означает «*непотаенность*» (или «открытость») мышлению *бытия* сущего. Однако Хайдеггер усиливает данный тезис. Истина, по его мнению, «имеется» лишь постольку и пока есть «*вот-бытие*». Всякая истина как открытость бытия «отнесена», согласно Хайдеггеру, «к бытию *Dasein*», поскольку оно «конституировано открытостью» – «*вот-бытие* есть своя открытость» [Heidegger 2006: 226, 133]. Что же означает этот тезис? Необходимо напомнить, что экзистенциал «открытость» – один из центральных у Хайдеггера. Он выражает, если говорить обобщенно, некую абстрактную структуру данности (человека бытию и бытия человеку).

Однако в данном случае (в котором открытость рассматривается как характеристика человека) это понятие, по Хайдеггеру, может быть истолковано как *способность* или *предопределенность* человека к пониманию самого бытия (в смысле *изначальной* данности, или очевидности, человеку самого бытия в виде идеи бытия)¹. В *фундаментальной* онтологии Хайдеггера данная человеческая способность, как уже было сказано, выражается посредством экзистенциала «понимание». Существующее бытие-в-мире как таковое открыто, и эту открытость мы назвали «пониманием» [Heidegger 1975: 143]. Раскрывая смысл фундаментального хайдеггеровского экзистенциала, Херрманн пишет: «Бытие как бытие сущим и бытие в значении смысла бытия-вообще обнаруживаются лишь мыслительным образом внутри человеческого понимания бытия» [Херрманн 1997: 47-48]. «Слышать может лишь тот, кто уже понимает», так считает сам Хайдеггер [Heidegger 2006: 164].

Открытость, таким образом, есть прежде всего «понимание», причем такое, которое недопустимо смешивать с тем значением слова, которое мы встречаем в обычном словоупотреблении: Понимание в смысле одного

¹ «Открытость» как способ бытия человека Хайдеггер раскрывает в трех аспектах: как «расположенность», «понимание» и «речь». Он пишет: «Два равноисходных конститутивных способа быть своим “вот” мы видим в расположении и в понимании ... Расположение и понимание равноисходно обусловлены речью» [Heidegger 2006: 133]. В аспекте «расположенности» Хайдеггер характеризует «открытость» как *эмоциональное* проявление человеческого бытия; в аспекте «понимания» – как *способность* человека к пониманию самого бытия и, как следствие, к выбору тех или иных возможностей своего бытия; к «речи» же Хайдеггер обращается как к «модусу» бытия, в котором осуществляется «*артикуляция* понимания». При анализе понятия «открытости» в данном исследовании наше внимание сосредоточено главным образом на модусе «понимания», который Хайдеггер определяет как «основной» модус бытия человека [Heidegger 2006: 142-159].

из возможных способов познания, например, в отличие от истолкования, следует интерпретировать как экзистенциально вторичное образование, производное от первичного, изначального понимания, которое наряду с другими моментами вообще конституирует вот-бытие [Heidegger 2006: 143]. Итак, открытость, по мысли Хайдеггера, есть прежде всего *изначальное* (или допредикативное) понимание, благодаря которому вот-бытие всегда уже «знает» мир, есть бытие-в-мире. Поэтому она может быть предъявлена лишь как некий *изначальный* (или данный *равнозначально* с человеческим бытием) факт. Однако важно указать именно на процедуру простого *предъявления*, поскольку любое выведение, дедуцирование из чего-либо или сведение к чему-либо всегда должно исходить из представления некоей изначальной открытости. К этому «предъявлению» и пытается «подобраться» феноменологический метод М. Хайдеггера, определяя способ бытия истины как «то же что и бытие».

Если все эти, согласно Хайдеггеру, базисные взаимосвязи события истины учитывать, то становится понятным, уверен Шмидингер, что в адрес философа нельзя адресовать упрек в том, что он переносит место истины из понятийного в *просто* допонятийное или из суждения в просто смысловое восприятие [Schmidinger 1985: 156]. Мы не можем также в этой взаимосвязи упрекать его в иррационализме или даже в сенсуализме [Löwith 1965: 9-11, 13, 49ff, 75f]. Нельзя даже утверждать, что Хайдеггер не «раскрывает» феномена истины или не ведет его к его полному образу [Müller 1964: 179ff]. Ибо все эти упреки оставляют без внимания именно то, что, во-первых, речь для Хайдеггера идет о самом бытии, которому «по определению» подчиняются также мышление, суждение, высказывание и т.д., поскольку оно впервые предоставляет им условие их возможности, и что, во-вторых, отличие между различными способами познания по отношению к истине бытия настолько же вторично, насколько *любая* форма человеческого познания в ее истине всегда уже зависит от ее открытости истине *бытия*¹. Конечно, Хайдеггер в «Бытии и Времени» прежде всего ревалъвирует значимость

¹Хайдеггеровское представление об истине в очень доступной, на наш взгляд, форме излагает Сафрански: «Платон признавал абсолютную истинность идей... Но для Хайдеггера не может быть такой истины; для него существует только “событие истины”, которое происходит, когда человек вступает в определенное отношение с самими собой и с миром. Человек не открывает никакой существующей независимо от него истины; он набрасывает – по-разному в разные эпохи – тот или иной горизонт истолкования, в котором реально существующее только и получает определенный смысл... Истина... не пребывает ни на стороне субъекта, ни на стороне объекта...; она есть событие, совершающееся в двойном движении: движении мира, который обнаруживает себя, выступает вперед, “показывается”, и движении человека, который овладевает миром и открывает его для себя... Человек не обладает никакими непоколебимыми истинами, но он – непоколебимо – пребывает в таком отношении к истине, которое порождает игру сокращения и раскрытия, появления и исчезновения, присутствия и отсутствия... Выражение такого понимания истины Хайдеггер обнаружил в греческом термине алетейя... “непотаенность”. Истина должна быть вырвана из потаенности... Нет бесконечной истории приближения к истине, существует только “событие истины”, а это означает: есть история набросков (проектов) бытия» [Сафрански 2005: 301-302].

интенциональностей душевного состояния, которые в философии часто рассматривались как *просто* донаучные, *чисто* смысловые или как *только* малоценные. Вспоминается его анализ «внимательности», «настроения», «ужаса» и т.д. Но все это не затрагивает главной мысли Хайдеггера, из которой он исходит, ссылаясь на логику Аристотеля. Заключается она в том, что именно значение бытия самого по себе «есть» то, что не только является изначально истинным, но что также является и тем, что *раскрывает любой* способ человеческой интенциональности.

4. Последним следствием, которое вытекает из хайдеггеровской критики Гуссерля и которое должно быть, по мнению Шмидингера, отмечено, предстает изменение смысла трансцендентальной философии [Schmidinger 1985: 157]. Отныне она обозначена понятием «герменевтика». Данное понятие указывает на то, что подлинно трансцендентальное в пределах человеческого сознания является не просто формальной структурой или содержательно-абстрактной закономерностью, а есть опыт, который с помощью трансцендентального созерцания обнаруживается и истолковывается.

Понятие герменевтики у Хайдеггера углубляется в поздний период, но имеется в виду и частично затрагивается уже в «Бытии и Времени». Значение данного понятия уходит своими корнями в греческую мифологию, имени одного из богов которой (Гермеса) герменевтика и обязана своим названием. Гермес толковал людям волю богов и переводил им божественный язык. Такое же значение имеют в настоящей взаимосвязи и хайдеггеровские попытки истолкования любого раскрытого смысла, *порождаемого человеком не в силу собственной конституции*. Этот смысл, который, как сказано, конституируется не человеком, а наоборот, конституирует человека, «есть» смысл бытия. Бытийное понимание поэтому есть понимание бытия как в значении генетива объекта, так и в значении генетива субъекта.

Это значит, что бытие выступает не только «предметом» человеческого понимания, но также и тем, что данное понимание направляет, делает возможным и в конечном счете тем, в чем понимание «нуждается» (способом, который нам, согласно Хайдеггеру, еще предстоит определить). Смысл бытия принадлежит, таким образом, бытию как таковому и им предоставляется, вследствие чего он не находится ни в чьем «распоряжении». Также его никак нельзя понимать наподобие некоей в любое время пригодной к анализу структуры субъективности, из которой может быть дедуцирован полный объем бытийного понимания. Смысл бытия как такового и следовательно всего, что как-то есть (а значит, и человеческого сознания) постоянно изменяется: он сбывается в мышлении, и в этом событии он *раскрывает мышление*¹.

¹ «Открывающей силой, в представлении Хайдеггера, обладал по сути один вопрос, который он, Хайдеггер, и ставил на протяжении всей своей философской жизни, – вопрос о бытии. Смысл этого вопроса – не в чем ином, как в этой открытости, в этом сдвиге, в выдвижении в некий просвет, где простому, самоочевидному внезапно вновь возвращается чудо его “*вот*”; где человек вдруг ощущает себя как место, где что-то разверзается, где природа открывает глаза и замечает, что она вот-есть, где, следовательно, посреди сущего имеется открытое пространство, “*просека*” и где возможна благодарность за то, что все это существует», – пишет Сафрански [Сафрански 2005: 564].

Итак, характеризуя принципиальные отличия исходных философских установок Хайдеггера от установок Гуссерля, мы можем утверждать, что решающим обстоятельством на пути преодоления позиций гуссерлевой философии и определения тематического предмета традиционной феноменологии по-новому явилось для Хайдеггера осознание приоритетной роли *самого бытия* по отношению к любому *способу бытия*, включая бытие чистого сознания-феноменальности и как следствие – отказ от феноменологического сознания как *единственной* почвы подлинного философского анализа. Хайдеггер, как пишет В. И. Молчанов, отказывается от попыток построения различных концепций бытия – каковой, в частности, является феноменология, и обращается к поискам *самого бытия*, пытаясь «обрисовать в философском учении с помощью особых языковых средств контуры бытия, неразложимого на элементы и несводимого к мышлению» [Молчанов 1988: 142].

Материал поступил в редколлегию 19.10.2015 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Борисов Е.В. 1997. Эволюция трансцендентально-феноменологических оснований онтологии в работах Э. Гуссерля и экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера : автореф. ... канд. филос. наук. М. 28 с.
- Борисов Е.В. 1998. Феноменологический метод М. Хайдеггера // М. Хайдеггер. Прологомены к истории понятия времени. Томск : Водолей. С. 345-375.
- Гайденко П.П. 1966. Проблема интенциональности у Гуссерля и экзистенциалистская концепция трансценденции // Современный экзистенциализм : крит. очерки / редкол. Л.Н. Митрохин, А.Г. Мысливченко, Т.И. Ойзерман (рук.). М. : Мысль. С. 77-107.
- Гайденко П.П. 1970. Хайдеггер // Филос. энцикл. / гл. ред. Ф.В. Константинов. М. : Совет. энцикл. Т. 5. С. 426-428.
- Гайденко П.П. 1997. Прорыв к трансцендентному. М. : Республика. 495 с.
- Гайденко П.П. 2006. Мартин Хайдеггер: изначальная временность как бытийное основание экзистенции // П.П. Гайденко. Время. Длительность. Вечность. М. : Прогресс-Традиция. С. 381-413.
- Гуссерль Э. 2005. Логические исследования. Т. 2. Ч. 1 // Э. Гуссерль. Избр. работы. М. : Территория будущего. С. 75-184.
- Гуссерль Э. 2009. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. М. : Акад. проект. 496 с.
- Зотов А.Ф. 2001. Современная западная философия : учебник. М. : Высш. шк. 784 с.
- Молчанов В.И. 1988. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М. : Высш. шк. 144 с.
- Молчанов В.И. 1991. Философия Хайдеггера и проблема сознания // Философия Мартина Хайдеггера и современность / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М. : Наука. С. 154-161.
- Рикёр П. 1995. Конфликт интерпретаций. М. : Медиум. 416 с.
- Сафрански Р. 2005. Хайдеггер. Германский мастер и его время. М. : Молодая гвардия. 615 с.

- Херрманн Ф.-В. фон. 1997. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля. Томск : Водолей. 96 с.
- Heidegger M. 1929. Kant und das Problem der Metaphysik. Bonn : F. Cohen. XII, 236 s.
- Heidegger M. 1973. Kant und das Problem der Metaphysik. 4 Aufl., erw. Frankfurt am Main : V. Klostermann. XVIII, 268 s.
- Heidegger M. 1975. Die Grundprobleme der Phänomenologie. Frankfurt am Main : V. Klostermann. X, 473 s.
- Heidegger M. 1976a. Logik. Die Frage nach der Wahrheit. Frankfurt am Main : V. Klostermann. 418 s.
- Heidegger M. 1976b. Wegmarken. Unveränd. Text. Frankfurt am Main : V. Klostermann. X, 487 s.
- Heidegger M. 1977. Phänomenologischen Interpretation von Kants "Kritik der reinen Vernunft". Frankfurt am Main : V. Klostermann. 436 s.
- Heidegger M. 1978. Metaphysische Anfangsgründe der Logik im Ausgang von Leibniz. Frankfurt am Main : V. Klostermann. VI, 291 s.
- Heidegger M. 1979. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. Frankfurt am Main: V. Klostermann. XII, 447 s.
- Heidegger M. 1982. Über das Wesen der menschlichen Freiheit // M. Heidegger. Vom Wesen der menschlichen Freiheit. Frankfurt am Main : Klostermann. S. 73-109.
- Heidegger M. 2006. Sein und Zeit. Tübingen : Max Niemeyer. 445 s.
- Löwith K. 1965. Heidegger. Denker in dürftiger Zeit. 3 Aufl., durchges. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht. 112 s.
- Müller M. 1964. Existenzphilosophie im geistigen Leben der Gegenwart. 3 Aufl., wesentlich erw. und verb. Heidelberg : F.H. Kerle. 289 s.
- Schmidinger H. 1985. Nachidealistische Philosophie und christliches Denken. Freiburg ; München : Verlag Karl Alber. 460 s.

References

- Borisov E.V. *Fenomenologičeskij metod M. Hajdeggera* [Phenomenological Method of M. Heidegger], *M. Hajdegger. Prolegomeny k istorii ponjatija vremeni*, Tomsk, Vodoley, 1998, pp. 345-375. (in Russ.).
- Borisov E.V. *Jevoljucija transcendental'no-fenomenologičeskikh osnovanij ontologii v rabotah Je. Gusserlja i jekzistencial'noj analitike M. Hajdeggera : avtoref. ... kand. filoz. nauk* [The Evolution of the Transcendental-Phenomenological Basis of Ontology in the Works of Husserl and in the Existential Analytics of M. Heidegger: abstr. of diss.], Moscow, 1997, 28 p. (in Russ.).
- Gaidenko P.P. *Hajdegger* [Heidegger], *F.V. Konstantinov (eds.) Filoz. jencikl.*, Moscow, Sovet. jencikl., 1970, vol. 5, pp. 426-428. (in Russ.).
- Gaidenko P.P. *Martin Hajdegger: iznacial'naja vremennost' kak bytijnoe osnovanie jekzistencii* [Martin Heidegger: the Primordial Temporality as the Ontological Basis of Existence], *P.P. Gajdenko. Vremja. Dritel'nost'. Vechnost'*, Moscow, Progress-Tradicija, 2006, pp. 381-413. (in Russ.).
- Gaidenko P.P. *Problema intencional'nosti u Gusserlja i jekzistencialistskaja koncepcija transcendencii* [The Problem of Intentionality as viewed by Husserl and the Existentialist Conception of Transcendence], *L.N. Mitrohin, A.G. Myslivchenko, T.I. Ojzerman (eds.) Sovremennij jekzistencializm : krit. očerki*, Moscow, Mysl', 1966, pp. 77-107. (in Russ.).
- Gaidenko P.P. *Proryv k transcendentnomu* [Breakthrough to the Transcendent], Moscow, Respublika, 1997, 495 p. (in Russ.).
- Heidegger M. *Die Grundprobleme der Phänomenologie* [The Basic Problems of Phenomenology], Frankfurt am Main, V. Klostermann, 1975, x, 473 p. (in German).

Heidegger M. *Kant und das Problem der Metaphysik* [Kant and the Problem of Metaphysics], Bonn, F. Cohen, 1929, xii, 236 p. (in German).

Heidegger M. *Kant und das Problem der Metaphysik* [Kant and the Problem of Metaphysics], 4nd., enl., Frankfurt am Main, V. Klostermann, 1973, xviii, 268 p. (in German).

Heidegger M. *Logik. Die Frage nach der Wahrheit* [Logic. The Question of Truth], Frankfurt am Main, V. Klostermann, 1976, 418 p. (in German).

Heidegger M. *Metaphysische Anfangsgründe der Logik im Ausgang von Leibniz* [Metaphysical Foundations of Logic in the Output of Leibniz], Frankfurt am Main, V. Klostermann, 1978, vi, 291 p. (in German).

Heidegger M. *Phänomenologischen Interpretation von Kants "Kritik der reinen Vernunft"* [Phenomenological Interpretation of Kant's "Critique of Pure Reason"], Frankfurt am Main, V. Klostermann, 1977, 436 p. (in German).

Heidegger M. *Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs* [Prolegomena to the History of the Concept of Time], Frankfurt am Main, V. Klostermann, 1979, xii, 447 p. (in German).

Heidegger M. *Über das Wesen der menschlichen Freiheit* [About the Nature of Human Freedom], M. Heidegger. *Vom Wesen der menschlichen Freiheit*, Frankfurt am Main, Klostermann, 1982, pp. 73-109. (in German).

Heidegger M. *Wegmarken. Unveränd. Text* [Milestones], Frankfurt am Main, V. Klostermann, 1976, x, 487 p. (in German).

Heidegger M. *Sein und Zeit* [Being and Time], Tübingen, Max Niemeyer, 2006, 445 p. (in German).

Herrmann F.V. fon. *Ponjatje fenomenologii u Hajdeggera i Gusserlja* [The Concept of Phenomenology as viewed by Heidegger and Husserl], Tomsk, Vodolej, 1997, 96 p. (in Russ.).

Husserl E. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologičeskoj filosofii. Kn. 1* [Ideas to Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. The First Book], Moscow, Akad. proekt, 2009, 496 p. (in Russ.).

Husserl E. *Logičeskie issledovanija. T. 2. Ch. 1* [Logical Investigations, vol. 2, pt. 1], Je. Gusserl'. *Izbr. raboty*, Moscow, Territorija budushhego, 2005, pp. 75-184. (in Russ.).

Löwith K. *Heidegger. Denker in dürftiger Zeit* [Heidegger. Thinkers in Tenuous Time], 3rd ed., rev., Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1965, 112 p. (in German).

Molchanov V.I. *Filosofija Hajdeggera i problema soznanija* [The Philosophy of Heidegger and the Problem of Consciousness], N.V. Motroshilova (ed.) *Filosofija Martina Hajdeggera i sovremennost'*, Moscow, Nauka, 1991, pp. 154–161. (in Russ.).

Molchanov V.I. *Vremja i soznanie. Kritika fenomenologičeskoj filosofii* [Time and Consciousness. Criticism of Phenomenological Philosophy], Moscow, Vyssh. shk., 1988, 144 p. (in Russ.).

Müller M. *Existenzphilosophie im geistigen Leben der Gegenwart* [Existentialism in the Intellectual Life of the Present], 3rd. rev., much ampl. and improv., Heidelberg, F.H. Kerle, 1964, 289 p. (in German).

Ricoeur P. *Konflikt interpretacij* [The Conflict of Interpretations], Moscow, Medium, 1995, 416 p. (in Russ.).

Safranski R. *Hajdegger. Germanskij master i ego vremja* [Heidegger. The German Master and his Time], Moscow, Molodaja gvardija, 2005, 615 p. (in Russ.).

Schmidinger H. *Nachidealistiche Philosophie und christliches Denken* [Post-Idealist Philosophy and Christian Thought], Freiburg, München, Verlag Karl Alber, 1985, 460 p. (in German).

Zotov A.F. *Sovremennaja zapadnaja filosofija : uchebnik* [Modern Western Philosophy, textbook], Moscow, Vyssh. shk., 2001, 784 p. (in Russ.).

Natalia I. Ishchenko, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Faculty of Humanities, School of Philosophy, National Research University Higher School of Economics, Moscow. E-mail: natalie.ishchenko@gmail.com

MARTIN HEIDEGGER: FROM PHENOMENOLOGY OF CONSCIOUSNESS TO PHENOMENOLOGY OF BEING

Abstract: The research deals with transformation of the subject matter of Husserl's phenomenology in Martin Heidegger's philosophy. The research explores why even with remarkably similar philosophic opinions shared by Husserl and Heidegger the latter had to give up his position of a teacher and to express differently the subject matter of the phenomenology. While answering this question, *two* approaches are undertaken. The *first* one deals with the phenomenology as transcendent philosophy: the research underlines that transcendental ego is a complicated matter, which eventually revealed itself as ultimate. The *second* approach calls for an entire change of the phenomenology. This approach embodies the fact that a taking-out-of-the-context method cannot be applicable for all areas of reality. Thus, the dimensions of reality that practical aspects deal with, including taking out of the context, are basically inaccessible for being taken out of the context. This is why the demand for Being comes to be essential. As a result of this demand, Husserl's phenomenology loses its position for, from now on, *first*, Being *itself* takes the place of transcendental I; *second*, intentionality appears to be an *existential* attitude; *third*, phenomenology as well as the truth gets a new meaning; *forth*, a concept of transcendental philosophy modifies substantially. Thus, the research explains the point that in passing over the basic settings of Husserl's philosophy it was crucial that Heidegger realized a priority role Being *itself* plays as regards to any *means* of Being, including pure consciousness.

Keywords: phenomenology, ontology, hermeneutics, Husserl, Heidegger, being, consciousness, transcendentalism.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Научный ежегодник Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

2016. Том 16. Вып. 2, с. 63–79

<http://yearbook.uran.ru>

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЭЛЕКТРОННЫЕ УСЛУГИ: ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ И ТАКТИКИ ГРАЖДАН

УДК 363.637

Анна Давидовна Трахтенберг

кандидат политических наук,
старший научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: cskiit@yandex.ru

В статье рассмотрен вопрос о том, каким образом происходит адаптация гражданами электронных дистанционных форм взаимодействия с органами власти. Показано, что концепт «электронное правительство», на основе которого осуществляется формирование инфраструктуры этого взаимодействия, связан с моделью государства как корпорации, предлагающей потребителям общественные блага, разработанной в рамках «нового государственного менеджмента». Операционализация данного концепта осуществляется через набор «электронных услуг» как конкретных разновидностей общественных благ. Операционализация осуществляется в логике исключения: электронные услуги должны вытеснить традиционные. Показано, что в этой логике построены существующие модели адаптации электронных услуг. Автор, исходя из тезиса об асимметричности отношений между органами власти и гражданами, выдвигает гипотезу о том, что граждане, применяя «тактики слабых» (М. де Серто), осуществляют не вытеснение, а включение («бриколаж») электронных

услуг в традиционную «арку действий», ядром которой является личное [неформальное] взаимодействие с органами власти. Приведены данные социологического исследования, проведенного в Свердловской области и подтверждающего данную гипотезу. Сделан вывод, что успешнее всего «бриколаж» традиционных и электронных услуг осуществляют представители городского «среднего класса»: молодые, образованные, занятые в престижных сферах деятельности. Они являются главными получателями выгоды от перехода к «электронному правительству».

Ключевые слова: электронное правительство; адаптация технологий, операционализация, «тактики слабых», получатели выгоды.

Переход граждан от традиционных форм непосредственного личного взаимодействия с сотрудниками органов власти к электронным, не предполагающим личного контакта и осуществляемым посредством технических устройств, представляет собой общемировую тенденцию. Концептуально данный переход описан с помощью таких терминов как «электронное правительство», «умное правительство», «цифровое правительство», «когнитивное правительство», подразумевающих, что новые формы взаимодействия приводят к радикальному изменению отношения граждан и представителей власти.

Центральным для концепции «электронного правительства» является понятие «электронные государственные услуги», под которыми понимаются самые разнообразные, но обязательно требующие официальной фиксации формы взаимодействия представителей власти и граждан. Через это понятие происходит операционализация концепции. Электронное правительство превращается в комплекс государственных информационных систем, с той или иной мерой интерактивности взаимодействующих с гражданами. Соответственно подсчет количества услуг, которые потенциально могут получить граждане через официальные сайты и порталы, лежит в основе различных международных рейтингов электронного правительства, включая важнейший из них – рейтинг Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (UN DESA).

Понятие «электронные услуги» базируется на представлении о государственном управлении как о рынке, на котором идет борьба за право предоставлять клиентам определенного рода ценности. Оно воспринимается как естественное и само собой разумеющееся. Проблема видится в том, как оптимизировать бизнес-процессы, связанные с предоставлением государственных услуг.

Между тем ничего естественного в идее государства, которое выходит на рынок с предложением общественных благ («государственных услуг»), нет. Данная административная идеология, то есть нормативное представление о том, как должно функционировать правильно организованное государство, имеет вполне определенные корни. Она сформировалась как результат отрицания классической иерархической модели государства (которую традиционно называют «веберовской») под влиянием нового консерватизма и получила название теории «нового государственного менеджмента» («New Public Management», NPM). В рамках NPM была сфор-

мирована концепция «государственных услуг», которые органы власти по аналогии с частными компаниями обязаны оказывать населению, в свою очередь превратившемуся из простых граждан в потребителей. Речь шла о переносе на государственные структуры технологий, выработанных в рамках корпоративного управления.

Для NPM с самого начала была характерна ярко выраженная технократическая ориентация, поэтому его важнейшей составляющей стало внедрение информационных технологий в государственное управление. Не случайно сам термин «электронное правительство» был введен в 1993 г. вице-президентом США А. Гором в рамках подготовки «National Performance Review», содержавшего резко критическую оценку состояния федеральных управленческих структур и рекомендации по их кардинальной перестройке в духе «нового государственного управления». Тогда же А. Гор призвал «изменить саму культуру государственного управления», назвав залогом успеха «эффективные коммуникации» [См.: Мое 1994]. Информационные технологии и были призваны обеспечить эффективные коммуникации.

Модель «электронного правительства» быстро приобрела глобальный характер и оторвалась от своих корней. Произошла «натурализация идеологии»: представление о том, что целью внедрения информационных технологий в государственное управление является оптимизация бизнес-процессов и внедрение «электронных услуг», превратилось в само собой разумеющееся. Существующие модели электронного правительства описывают основные этапы его развития именно через состояние электронных услуг: от чисто информационных услуг (то есть информации о деятельности органов власти, размещенной на официальных сайтах и порталах) к возможности скачать образцы документов, подать заявление в электронном виде и получить в электронном виде подтверждающий документ (так называемая «услуга полного цикла»). На следующем этапе («цифровое правительство» или «умное правительство») предполагается переход к проактивному оказанию услуг через единую «точку входа». Так, рождение ребенка влечет за собой не только услугу по его регистрации, но и постановку на учет во всех требуемых государственных органах, запись на очередь в детский сад и т.п. При этом необходимость взаимодействовать с государством сокращается до минимума: перемещение и перерегистрация гражданина из одной иерархической подсистемы в другую осуществляется автоматически, помимо его желания и намерений.

Однако это идеальная модель с достаточно большими оговорками применима на практике. Внедряемые в органах власти информационные системы оказываются громоздкими и сложными в пользовании, страдают от порожденного ведомственной разобщенностью отсутствия интероперабельности. Неотъемлемым элементом рассуждений об электронном правительстве является мантра о необходимости применения политической воли для преодоления этой разобщенности. Работа таких информационных систем сопровождается техническими сбоями и срывами. Данные системы полностью подпадают под действие классической «дилеммы Коллингриджа», возникающей в условиях, когда государство начинает реализовать

крупные технологические проекты. До того как система будет внедрена, отрицательные последствия ее внедрения не просчитываются, а после того, как на ее внедрение потрачены значительные средства, внести какие-либо изменения практически невозможно. Дилемма возникает, когда решения о внедрении технологии принимаются централизованно, причем участвующие в обсуждении эксперты заинтересованы в укреплении своих институциональных позиций путем поддержки проекта, а потенциальные конечные пользователи полностью отсечены от принятия решений [Collingridge 1990].

В результате рассуждения о неизбежности и благотворности перехода на электронное взаимодействие постоянно сочетаются с жалобами на недостаточную востребованность электронных услуг и недостаточную эффективность усилий по вовлечению граждан в пользование этими услугами. Не случайно одним из важнейших исследовательских направлений в сфере электронного правительства стало изучение факторов, влияющих на адаптацию пользователями электронных услуг, и барьеров, препятствующих этой адаптации.

Существуют самые разнообразные модели, с помощью которых описан процесс адаптации электронных услуг, от простейшей модели адаптации технологии (ТАМ) Ф. Дэвиса, которая учитывает влияние только двух факторов: соотношения ожидаемой пользы от технологии с ожидаемыми сложностями при ее освоении [Davis 1989], до популярной модели Л. Картер и Ф. Беланже, в которой учтены также доступность информационных технологий, наличие навыков пользования ими и уровень доверия [Carter, Belanger 2005]. Впоследствии Л. Картер и В. Вираккоди уточнили понятие «доверия», разделив его на доверие к технической надежности информационных систем и доверие к органам власти, которые предлагают воспользоваться своими услугами в электронном виде [Carter, Weerakkody 2008].

Данная модель далеко не самая сложная. В классической модели диффузии инноваций (DOI) Э. Роджерса освоение любой новой технологии, включая электронное взаимодействие с органами власти, рассматривается как результат сравнительной оценки пользователем пяти основных факторов: сравнительных преимуществ, которые предполагает использование этой технологии; совместимости ее с предыдущими технологиями того же типа; сложности освоения новых навыков; возможности самостоятельно опробовать новую технологию; степени ее наглядности [Rogers 2003].

Психологическая теория планируемого поведения (ТАВ), разработанная Айзенем [Ajzen 1991] и также применяемая при описании процессов адаптации электронных государственных услуг, учитывает восемь факторов, сгруппированных в четыре группы: поведенческие ориентации (представления о последствиях того или иного поведения) и самооценка поведения; нормативные ориентации и интериоризированные (субъективные) нормы; представления о границах контроля и оценка возможностей контроля; поведенческое намерение и собственно поведение.

В. Венкатеш с соавторами (М. Моррис, Дж. Дэвис и Ф. Дэвис) попытался создать унифицированную теорию адаптации и использования технологии

(УТАУТ), в которой объединены наработки сразу восьми теорий, включая ТАМ, DOI и ТАВ. Согласно этой теории, главную роль при адаптации технологий играют ожидаемая сложность освоения, сравнительные преимущества использования и социальные ожидания, связанные с культурной и социальной значимостью адаптации технологии [User Acceptance... 2003].

Фактически все описанные модели основаны на модели ТАМ Ф. Дэвиса (ожидаемая польза – ожидаемая сложность освоения), дополненной разнообразными социальными и психологическими факторами. Однако при этом не учитывается то фундаментальное обстоятельство, что электронное взаимодействие граждан с властью носит принципиально асимметричный характер. Концепт «электронные услуги» успешно маскирует то обстоятельство, что граждане **вынуждены** получать данные услуги вне зависимости от своего желания. Это не удивительно, учитывая, что первые модели адаптации электронных услуг создавались на основе электронной торговли, так что отношения гражданина и чиновника были уподоблены отношениям покупателя и продавца.

Во всех перечисленных выше моделях асимметрия отношений тех, кто предоставляет, и тех, кто получает «электронные услуги» не учитывается, или учитывается косвенным образом (как у Л. Картер с соавторами) через понятие «доверие». Если мы посмотрим на процесс адаптации электронного взаимодействия как на процесс, который осуществляется внутри отношений господства и подчинения, нам придется радикально сменить оптику. В частности, вопрос о доступности информационных технологий превратится в вопрос о том, каким образом формируются отношения информационного неравенства в обществе, если преимущества от внедрения новых форм взаимодействия распространяются в нем неравномерно. Впервые на связь подходов к анализу электронного правительства и информационного неравенства указали Х. Хиль-Гарсия, Н. Хельбиг и Э. Ферро. Они же подчеркнули необходимость при анализе исходить из гетерогенности пользователей по обе стороны «цифрового раскола», чтобы понять, кто реально получает выгоду от появления новых форм взаимодействия и в чем, по оценке самих получателей, состоит эта выгода [Gil-Garsia, Helbig, Ferro 2009: 89-97].

При переходе к электронному взаимодействию пользователь должен не просто освоить новый набор навыков, но и вписать их в уже имеющиеся у него стратегические представления о том, как правильно и эффективно взаимодействовать с органами власти. Еще раз подчеркнем, что электронное взаимодействие, как и любое взаимодействие граждан с органами власти, принципиально асимметрично, поскольку правила взаимодействия задают власть.

В этих условиях граждане прибегают к «тактикам слабых», под которыми мы, вслед за М. де Серто, понимаем способы использования заданных правил в собственных нуждах/интересах путем рекомбинации предложенных элементов и импровизации новых форм. Потребители, в том числе и государственных услуг, отнюдь не пассивно следуют заданным правилам. Они способны к творческим активным действиям, процедурам и уловкам, благодаря которым могут извлечь выгоду из этих правил [Серто 2013: 44].

М. де Серто неоднократно подчеркивал крайнюю сложность фиксации «тактик слабых» ввиду непредсказуемого характера «бриколажа», который лежит в их основе. Однако тактики строятся вокруг и задаются стратегиями. Чтобы начать импровизацию, необходимо четко представлять, с какими элементами придется импровизировать и каковы наиболее эффективные способы их сочетания. Тактический «бриколаж» одновременно и непредсказуем, и предзадан уже накопленным сообществом «слабых» (и его членами) опытом успешного и неуспешного взаимодействия с «сильными».

Это означает, что передаваемая информация сверху будет восприниматься как адаптация «электронной услуги», а снизу – как использование новых возможностей для «бриколажа» (например возможности заранее узнать на официальном сайте, какие документы нужны для обращения в органы власти, как зовут чиновника, к которому следует обратиться, или записаться через официальный сайт на прием). При этом граждане мыслят в принципиально другой логике: они решают некую жизненную проблему, используя все доступные инструменты, а не просто получают электронные и/или традиционные услуги. Там, где разработчики услуг мыслят в логике вытеснения (или электронные услуги, или традиционные), граждане мыслят в логике включения, конструирования некой арки действий, объединяющей несовместимые, с точки зрения разработчиков, виды услуг.

Культурные особенности, которые стремятся учесть разработчики моделей социальной адаптации электронных услуг, это особенности асимметрий властных отношений между гражданами и чиновниками. В отечественных условиях типичная модель взаимодействия гражданина с властным лицом основана на сочетании высоких значений «дистанции власти» по Г. Хофстеде (то есть готовности принимать неравномерность распределения власти в институтах и организациях как нечто само собой разумеющееся [См.: Латова 2003: 142-165]) с сильным отчуждением от этой власти (чем отечественная традиция отличается, например, от конфуцианской, для которой характерны высокие значения «дистанции власти» при низком уровне отчуждения от нее).

Отсюда исключительная важность возможности *личного взаимодействия* с сотрудниками органов власти в обход и поверх бюрократической иерархии. Граждане используют разнообразные тактики, порождающие неформальную реакцию на обращение и в силу этого ориентированные на максимально тщательное «считывание» эмоций собеседника, попытки манипулировать этими эмоциями. Переход к электронным услугам, предполагающим анонимность взаимодействия, требует перестройки данной привычной модели. Фактически речь идет об отказе от выработанных форм тактического контроля за поведением представителей власти.

Речь в данном случае идет о включении в традиционную «арку действия» новых элементов. Граждане и до появления электронных услуг использовали разнообразные способы, чтобы узнать, когда работает учреждение, какие документы необходимы для обращения, подавали заявления

и записывались на прием. Эти действия сопровождалось личными контактами разной степени интенсивности, зачастую достаточно формальными. Неформальные тактики могли быть максимально использованы в ключевой момент – на приеме у чиновника, ответственного за решение вопроса. Можно предположить, что в зависимости от интенсивности личных контактов отказ от них происходил с большим или меньшим трудом.

На основе известной модели коммуникативного процесса «кодирования – декодирования» (Ст. Холл [См.: Дьякова 2002: 117-120]) можно предположительно выделить следующие основные формы реакции на предлагаемый сверху новый, безличный по определению, способ взаимодействия с органами власти.

1. Отказ от личного взаимодействия может приветствоваться гражданами: в этом случае будет наблюдаться полное согласие с господствующей концепцией безличных электронных услуг как способа покончить с произвольным усмотрением чиновников. Можно сказать, что в данном случае граждане демонстрируют веру в возможность технологическими средствами сформировать «идеальную очередь» на получение услуг и идеальные условия их выдачи. Они действуют на основе этой веры, не только декларируя предпочтение электронных услуг традиционным, но и в самых разнообразных ситуациях прибегая именно к электронным услугам.

2. Переход к электронным услугам может, наоборот, спровоцировать резко негативную реакцию. В этом случае граждане не доверяют безличным структурам, опасаются полностью утратить контроль над ситуацией, и как следствие – избегают пользоваться электронными услугами. Идею электронного правительства они отвергают, не верят тому, что утверждает государство о преимуществах электронных услуг перед традиционными и предпочитают не рисковать даже при простейшем взаимодействии (встретиться лично, чтобы навести справки, вместо того чтобы обратиться на сайт или позвонить по телефону).

3. Наиболее распространенной, как можно предположить, является третья позиция, которую, используя терминологию С. Холла, можно назвать «переговорной». Граждане в этом случае выражают готовность пользоваться электронными услугами, однако реальные решения принимают на ситуативном уровне, где могут действовать как по новым, так и по старым правилам. Если при этом электронные услуги плохо адаптированы к запросам и возможностям граждан, а система работает со сбоями, тенденция использовать старые, доказавшие свою эффективность тактики скорее всего усилится. Если электронные услуги хорошо адаптированы и у граждан складывается впечатление, что они могут доверять системе, ситуативные решения все чаще будут приняты в пользу электронного взаимодействия и оно будет включаться в типовую «арку действия». При этом граждане, использующие новые тактики, могут даже и не осознавать, что перешли на иной тип стратегических отношений с органами власти. Электронное взаимодействие будет воспринято ими как вторичное, подсобное, ничего принципиально не меняющее в традиционном взаимодействии.

Таким образом, репертуар тактических позиций, которые могут занять граждане по отношению к электронным услугам, не сводится к полному принятию нового способа взаимодействия и столь же полному его отвержению. Существует множество промежуточных вариантов конструирования типовой «арки действия», которые далеко не всегда можно уловить с помощью существующего социологического инструментария.

Однако до определенной степени между стратегическим отношением и тактическими практиками имеется корреляция, которая позволяет применять для изучения готовности граждан к электронному правительству методы количественной социологии. Естественно, данные методы позволяют нарисовать картину только в первом приближении. Именно поэтому они нуждаются в дополнении методами качественной социологии.

Мы проводим комплексные социологические исследования отношения граждан к электронному правительству с 2010 г., что позволяет описать ситуацию в динамике.

В 2015 г. комплексное социологическое исследование прошло на территории Свердловской и Челябинской областей. Оно включало в себя несколько аспектов.

1. Социологические опросы (с объемом выборки 350 человек в каждом из субъектов Федерации);

2. Серию фокусированных интервью с жителями Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Челябинска и Верхнего Уфалея.

Готовность граждан к электронному правительству изучали на двух уровнях: а) стратегическом: принципиальное отношение к тому, чтобы вместо личного контакта с чиновником перейти на опосредованное компьютером безличное взаимодействие; б) тактическом: реальные практики, которые респонденты уже используют при взаимодействии с органами власти.

В данной статье будут рассмотрены результаты, полученные при исследовании готовности к электронному правительству жителей Свердловской области.

С целью операционализации описанной выше модели «кодирования-декодирования» были выделены три группы респондентов в зависимости от декларируемого ими отношения к электронному правительству.

1. Активные сторонники электронного правительства, заявляющие, что при всех условиях предпочли бы обращаться в государственные учреждения только в электронном виде.

2. Ситуативные сторонники, которые предпочли бы в каждой ситуации принимать конкретное решение – обращаться в органы власти по Интернету или лично (а точнее, осуществлять посредством Интернета только те взаимодействия, которые считают не слишком значимыми).

3. Активные противники, утверждающие, что в любом случае они будут обращаться в органы власти только лично.

Вопрос о том, как респонденты предпочли бы обращаться в органы власти – только лично, только по Интернету, или сочетая обе эти формы, уже задавали в ходе первой волны исследования «Электронное правительство в Уральском федеральном округе», которое проходило в 2010 г.

Готовность жителей Свердловской области к электронному правительству в динамике

Если бы был выбор, как официально обратиться в государственное учреждение, Вы бы предпочли	Июнь 2010 г.	Май 2015 г.
Только через Интернет	14,8	13,3
Иногда лично, иногда через Интернет – в зависимости от ситуации	18,8	20,7
Итого:	33,6	34,0
Прийти и обратиться лично	58,4	64,0
Затруднились ответить	8,0	2,0

В 2010 г. доля жителей Свердловской области, заявивших, что предпочли бы взаимодействовать с властью только в электронном виде, составила 14,8% от общего числа опрошенных. В 2015 г. эта доля составила 13,3%, то есть *уменьшилась* на 1,5% (табл. 1).

При этом доля тех, кто заявлял, что готов в зависимости от ситуации пользоваться или не пользоваться Интернетом, выросла на 2% (с 18,8% до 20,7%).

Таким образом, доля опрошенных жителей Свердловской области, в той или иной мере готовых взаимодействовать с представителями власти по Интернету, стабильно равна примерно трети от их общего числа (33,6% в 2010 г. и 34,0% в 2015 г.). Это означает, что несмотря на активную работу Портала государственных и муниципальных услуг Российской Федерации и региональных, муниципальных порталов аналогичного типа даже с учетом роста числа услуг, которые можно получить в электронном виде, в 2015 г. прорыва в стратегическом отношении жителей Свердловской области к электронному взаимодействию с органами власти не произошло. Оно оказалось гораздо более устойчивым, чем можно было ожидать.

Даже если респонденты уверенно чувствовали себя в Интернете и постоянно использовали его в повседневной жизни, вероятность, что они с одобрением отнесутся к переходу на электронное взаимодействие с органами власти, не составляла 100%. Если же Интернет использовали эпизодически, настороженность в отношении электронных услуг резко возрастала. Доля активных противников электронного правительства составляла около трети в группе ежедневных пользователей Интернета и около трех четвертей в группе тех, кто пользуется им не чаще, чем один раз в неделю.

При этом стратегическое отношение к электронному взаимодействию с органами власти напрямую не обуславливало тактических решений по обращению за электронными услугами. В течение последнего полугодия получали в той или иной форме электронные услуги около двух третей активных и ситуативных сторонников электронного правительства и 14% его активных противников. Ситуативные сторонники указывали, что пользовались электронными услугами даже несколько чаще активных: соответственно 74% и 67% (табл. 2).

Таблица 2

Получение государственных и муниципальных электронных услуг в зависимости от готовности к электронному правительству, %

Получали услуги	Активные сторонники	Ситуативные сторонники	Противники
Осуществляли конкретные действия по получению государственных услуг, в том числе информационных	67,5	71,0	13,5
Не осуществляли подобных действий	32,5	27,4	84,4
Затруднились ответить	0,0	1,6	2,1

Среди тех, кто вообще не пользовался электронными услугами, были граждане, у которых за последние полгода не возникало такой необходимости/потребности. Однако даже с учетом этого обстоятельства, декларативная готовность пользоваться электронными услугами далеко не всегда реализовалась на практике.

Наибольшей популярностью у опрошенных жителей Свердловской области пользовались услуги информационного плана (получение информации о штрафах и задолженностях, а также о том, что требуется для личного посещения государственных учреждений). Сравнительно часто респонденты искали только образцы документов для последующего заполнения (табл. 3).

Таблица 3

Наиболее популярные у жителей Свердловской области электронные государственные услуги

Осуществляли конкретные действия для получения электронных услуг, в том числе информационных	%
Получали информацию по штрафам, задолженностям и т.п.	18,7/1
Искали информацию по вопросу обращения в госучреждения	16,7/2
Искали образцы документов для скачивания и заполнения	16,3/3
Записывались на прием в госучреждение	7,3
Получали квитанции для уплаты налогов, штрафов и других сборов	6,3
Направляли в электронном виде документы в госучреждение	5,7
Ничего не делали	66,0
Затруднились ответить	1,7
Примечание. Общая сумма превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.	

Электронной услугой «в чистом виде» в этом списке можно считать только возможность отправки заявлений в органы власти. Такого рода услугой за полгода воспользовались всего 5,2% опрошенных. Остальные услуги

носили подготовительный и сопроводительный характер. Узнав, какие документы следует взять с собой, предварительно заполнив заявление и записавшись на прием, респонденты затем отправлялись в учреждение для традиционного личного взаимодействия. Безусловно, электронные услуги помогали им подготовиться к такому общению с властью. Это они неоднократно признавали в своих интервью. Характерно, что в процессе интервью респонденты в качестве положительного примера электронной услуги особо отмечали «электронные очереди» в государственных учреждениях. Сопроводительный характер этой услуги очевиден. Однако она вообще не учитывается традиционной отчетностью (ориентированной в первую очередь на взаимодействие через Портал государственных и муниципальных услуг).

Активные сторонники электронного правительства использовали более сложные тактики электронного взаимодействия, чем ситуативные (табл. 4).

Таблица 4

Характер получения услуг в электронном виде в зависимости от степени готовности к электронному правительству, %

Осуществляли конкретные действия для получения электронных услуг, в том числе информационных	Активные сторонники	Ситуативные сторонники	Противники
Получали информацию по штрафам, задолженностям и т.п.	55,0/1	40,3/1	4,7/3
Искали образцы документов для скачивания и заполнения	50,0/2	29,0/3	5,7/1
Искали информацию о подготовке к обращению в госучреждения	37,5/3	38,7/2	5,7/1
Записывались на прием в госучреждение	22,5	16,1	1,6
Направляли в электронном виде документы в госучреждение	20,0	9,7	1,6
Получали квитанции для уплаты налогов, штрафов и других сборов	17,5	9,7	3,1
Ничего не делали	32,5	27,4	84,4
Затруднились ответить	0,0	1,6	2,1
Примечание. Сумма по столбцу превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.			

Половина опрошенных в группе активных сторонников электронного правительства искали образцы документов для скачивания (и последующего заполнения), пятая часть их записывались на прием и направляли по электронной почте документы. В группе ситуативных сторонников подобные действия совершались заметно реже. Данные респонденты были ориен-

тированы в первую очередь на поиск и просмотр информации (поиск информации о том, что следует делать при личном обращении в государственные учреждения и просмотр информации о штрафах и задолженностях).

Основным информационным ресурсом, который респонденты использовали для взаимодействия с органами власти в электронном виде оказался Единый портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации (ЕПГУ) www.gosuslugi.ru: на него указали 51,5% опрошенных (табл. 5).

На втором месте по частоте оказались поисковые системы, на третьем – информационные ресурсы конкретных государственных учреждений. Самой низкой популярностью у опрошенных, обращавшихся за электронными услугами, пользовались ведомственные и муниципальные информационные ресурсы.

Таблица 5

Источники получения услуг в электронном виде

Источники получения услуг	% к числу обратившихся за электронными услугами
Единый портал государственных и муниципальных услуг РФ (ЕПГУ)	51,5/1
Поисковые системы	25,8/2
Порталы или сайты госучреждений	15,5/3
Портал или сайт своего региона	9,3
Порталы или сайты министерств и ведомств	6,2
Портал или сайт администрации муниципального образования	6,2
Затруднились ответить	4,1
Примечание. Сумма по столбцу превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.	

Хотя у активных сторонников электронного правительства бесспорным лидером был Единый портал государственных и муниципальных услуг, треть опрошенных в группе пользовалась поисковыми системами и информационными ресурсами государственных учреждений, причем могла делать это параллельно с обращением к ЕПГУ. В среднем активные сторонники, сообщая о том, какими источниками они пользовались при получении электронных услуг, называли два варианта, в то время как ситуативные сторонники были ориентированы в первую очередь на ЕПГУ и проявляли заметно меньший интерес к другим ресурсам (табл. 6).

В целом главное различие между активными и ситуативными сторонниками электронного правительства состояло не столько в частоте обращения к электронным услугам, сколько в умении использовать предлагаемые возможности: у активных сторонников электронного правительства шире набор способов взаимодействия. Это касалось и собственно электронных услуг, и информационных ресурсов, на которых они представлены. Активные сторонники не только декларировали предпочтение электронного вза-

**Источники получения услуг в электронном виде
в зависимости от отношения
к электронному правительству
(% к числу обратившихся за электронными услугами)**

Источники получения услуг	Активные сторонники	Ситуативные сторонники	Противники
Единый портал государственных и муниципальных услуг РФ (ЕПГУ)	63,0/1	50,0/1	42,3/1
Поисковые системы	37,0/2	22,7/2	19,2/2
Портал или сайт своего региона	14,8	9,1	3,8
Порталы или сайты министерств и ведомств	11,1	4,5	3,8
Портал или сайт администрации своего муниципального образования	0,0	2,3	19,2/2
Затруднились ответить	0,0	6,8	3,8
Примечание. Сумма по столбцу превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.			

имодействия традиционному, они извлекали реальные преимущества из новой формы взаимодействия.

Причины успешности активных сторонников на тактическом уровне становятся очевидны, если проанализировать их социально-демографические характеристики. В сводной таблице 7 эти характеристики даны в сравнении с характеристиками противников электронного правительства.

Как видно из сводной таблицы 7, активные сторонники получения государственных услуг в электронном виде – мужчины и женщины среднего возраста, с высоким уровнем образования, занимающие руководящие посты или занятые умственным трудом (к двум последним категориям относятся 40% опрошенных в группе активных сторонников, что намного выше среднего по массиву). Они не просто пользуются Интернетом, но и в подавляющем большинстве (89,9%) выходят в Сеть ежедневно. Интернет для них полностью доступен, они овладели всеми необходимыми навыками и используют его как инструмент решения множества повседневных проблем, среди которых в том числе также проблема взаимодействия с государственными и муниципальными органами и учреждениями.

Перед нами классический портрет «информационно богатых» – представителей среднего класса, умело использующих возможности массового распространения информационных технологий. К этому же социальному слою принадлежат разработчики электронных услуг. Весьма характерен и перечень наиболее востребованных электронных услуг. Среди них проверка штрафов ГИБДД (означающая, что у пользователя имеется в собственности автомобиль), налоговой задолженности (предполагающей, в частности,

Социально-демографические характеристики активных сторонников и противников электронного правительства

Социально-демографические характеристики	Активные противники	Активные сторонники
	Пол	
Мужской	38,0	49,2
Женский	62,0	50,8
	Возраст, лет	
18-29	15,6	27,5
30-49	29,2	55,2
50-59	21,4	17,3
60 и старше	33,9	0,0
	Образование	
Начальное и неполное среднее	4,2	0,0
Среднее общее	40,1	10,1
Среднее специальное	38,0	55,0
Высшее и незаконченное высшее	17,7	34,9
	Социальное положение	
Руководители разных уровней	0,0	17,5
Специалисты, занятые умственным трудом	6,8	22,5
Служащие, технические исполнители	14,1	32,5
Работники, занятые физическим трудом	19,8	15,0
Пенсионеры	43,2	2,5
Студенты, учащиеся	3,1	2,5
Другие (домохозяйки, безработные и пр.)	13,0	7,5
	Периоды пользования Интернетом	
Каждый день	23,4	89,9
Несколько раз в неделю	17,7	7,5
Несколько раз в месяц	3,6	1,3
Раз в месяц и реже	1,0	1,3
Не пользуются совсем	54,2	0,0

наличие недвижимости), наличие исполнительных производств в Федеральной службе судебных приставов, а также оформление загранпаспорта (возможность совершать поездки за границу также является маркером социального благополучия) [Воронина 2015].

Соответственно, противниками взаимодействия с государством в электронном виде выступают прежде всего женщины старшего возраста с

невысоким уровнем образования, находящиеся на пенсии и не имеющие навыков пользования Интернетом. Это те, кого принято называть «информационно бедными», находящимися по ту сторону «цифрового разрыва». Отметим также наличие трудностей с переходом на электронное взаимодействие у жителей Свердловской области, занятых физическим трудом и не имеющих специального образования.

Отметим, что в данном случае Свердловская область полностью находится в русле глобальных тенденций: пользователями электронного правительства во всех странах мира являются наиболее образованные и обеспеченные группы населения. Это касается как простых информационных услуг, так и получения электронных услуг полного цикла, а также участия в проектах «электронной демократии» и «открытого правительства».

«Цифровой раскол» воспроизводится в отношении к электронному правительству. Одни группы населения, уже находящиеся в относительно привилегированном положении, если речь идет о взаимодействии с представителями власти (для которых они, между прочим, являются «социально близкими» по основным социально-демографическим параметрам), облегчают себе традиционное взаимодействие, используя возможности, предоставляемые государственными информационными ресурсами, а в перспективе получают возможность ограничиться электронным взаимодействием.

Другие группы населения, у которых возможности использовать неформальные отношения с представителями власти существенно меньше, пытаются пользоваться новыми формами, но заметно менее успешно, так как у них существуют проблемы с доступностью информационных технологий и с навыками, необходимыми для пользования ими. Все это затрудняет возможности тактического «бриколажа» традиционного взаимодействия и электронных услуг.

В обоих случаях речь идет о включении (более или менее успешном) электронных услуг в «арку действий», предполагающих визиты в органы власти, а в случае необходимости (и возможности) неформальное взаимодействие с сотрудниками. Однако государство, замаскировав для самого себя подлинную природу асимметричных властных отношений, связанных с предоставлением государственных услуг в электронном виде, во многом утрачивает способность адекватно оценивать реальных выгодополучателей и реальные тактики использования новых возможностей.

Материал поступил в редколлегию 15.09.2015 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Воронина Ю. 2015. Быстро и без бумаги: Госорганы расширяют предоставление электронных услуг [Электронный ресурс] // Рос. газ. 12 мая. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/12/gosuslugi.html> (дата обращения: 10.09.2015).

Дьякова Е.Г. 2002. Массовая коммуникация и власть. Екатеринбург : УрО РАН. 278 с.

Латова Н.В. 2003. Этнометрические измерения: теория и практика // Социология: методология, методы, математическое моделирование. № 17. С. 142-165.

- Серто М. де. 2013. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европейск. ун-та в С.-Петербурге. 330 с.
- Ajzen I. 1991. The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 50, № 2. P. 179-211.
- Carter L., Belanger F. 2005. The Utilization of E-Government Services: Citizen Trust, Innovation and Acceptance Factor // *Information System Journal*. Vol. 15, iss. 1. P. 5-25.
- Carter L., Weerakkody V. 2008. E-government Adoption: A Cultural Comparison // *Information Systems Frontiers*. Vol. 10, iss. 4. P. 473-482.
- Collingridge D. 1990. Technology organizations and incrementalism: the space shuttle // *Technology Analysis & Strategic Management*. Vol. 2, № 2. P. 181-200.
- Davis F.D. 1989. Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology // *MIS Quarterly*. Vol. 13, № 3. P. 319-339.
- Gil-Garsia J., Helbig N., Ferro E. 2009. Understanding the Complexity of Electronic Government: Implications from the Digital Divide Literature // *Government Information Quarterly*. Vol. 26, № 1. P. 89-97.
- Moe R.C. 1994. The «Reinventing Government» Exercise: Misinterpreting the Problem, Misjudging the Consequences // *Public Administration Review*. Vol. 54, № 2. P. 111-122.
- Rogers E. 2003. *Diffusion of Innovations*. 5nd ed. New York : The Free Press. 512 p.
- User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View / V. Venkatesh, M. Morris, G. Davis, F. Davis // *MIS Quarterly*. 2003. Vol. 27, № 3. P. 425-478.

References

- Ajzen I. The theory of planned behavior, *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1991, vol. 50, no. 2, pp. 179-211.
- Carter L., Belanger F. The Utilization of E-Government Services: Citizen Trust, Innovation and Acceptance Factor, *Information System Journal*, 2005, vol. 15, iss. 1, pp. 5-25.
- Carter L., Weerakkody V. E-government Adoption: A Cultural Comparison, *Information Systems Frontiers*, 2008, vol. 10, iss. 4, pp. 473-482.
- Certeau M. de. *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The Practice of Everyday Life], St. Petersburg, Izd-vo Evropeysk. un-ta v S.-Peterburge, 2013, 330 p. (in Russ.).
- Collingridge D. Technology organizations and incrementalism: the space shuttle, *Technology Analysis & Strategic Management*, 1990, vol. 2, no. 2, pp. 181-200.
- Davis F.D. Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology, *MIS Quarterly*, 1989, vol. 13, no. 3, pp. 319-339.
- Dyakova E.G. *Massovaya kommunikatsiya i vlast'* [Mass communication and Power], Ekaterinburg, UrO RAN, 2002, 278 p. (in Russ.).
- Gil-Garsia J., Helbig N., Ferro E. Understanding the Complexity of Electronic Government: Implications from the Digital Divide Literature, *Government Information Quarterly*, 2009, vol. 26, no. 1, pp. 89-97.
- Latova N.V. Etnometricheskie izmereniya: teoriya i praktika [Ethnometric Measurement: Theory and Practice], *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 2003, no. 17, pp. 142-165. (in Russ.).
- Moe R.C. The «Reinventing Government» Exercise: Misinterpreting the Problem, Misjudging the Consequences, *Public Administration Review*, 1994, vol. 54, no. 2, pp. 111-122.
- Rogers E. *Diffusion of Innovations*, 5nd ed., New York, The Free Press, 2003, 512 p.
- Venkatesh V., Morris M., Davis G., Davis F. User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View, *MIS Quarterly*, 2003, vol. 27, no. 3, pp. 425-478.

Voronina Yu. *Bystro i bez bumagi: Gosorgany rasshiryayut predostavlenie elektronnykh uslug* [Quickly and Without Paper: Public Authorities Extend the Provision], *Ros. gaz.*, 2015, May 12, available at: <http://www.rg.ru/2015/05/12/gosuslugi.html> (accessed 10 September 2015). (in Russ.).

Anna D. Trakhtenberg, Candidate of Political Science, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: cskiit@yandex.ru

E-GOVERNMENT AND E-SERVICES: OPERATIONALIZATION OF ADMINISTRATIVE IDEOLOGY AND CITIZENS' TACTICS

Abstract: The article deals with the question of citizens' adoption of electronic forms of interaction with the authorities. It is shown that the concept of "e-government" is generated by the New Public Management (state as corporation offering public goods). Due to operationalization, "e-government" is transformed into a set of "e-services" as specific species of public goods. E-services must displace traditional ones (logic of exclusion). The author using the thesis of the asymmetrical relationship between the authorities and citizens hypothesizes that citizens' "tactics of the weak" (M. de Certeau) are based not on the exclusion but in the inclusion ("bricolage") of e-services in the traditional arch of action, the core of which is an informal interaction with the authorities. The data of the sociological survey conducted in the Sverdlovsk region confirms this hypothesis. Most successful "bricolage" of traditional and e-services is typical for representatives of the urban "middle class": young, educated, with prestigious employment. They are the main beneficiaries of the transition to "e-government".

Keywords: e-government, technology adoption, operationalization, "tactics of the weak", beneficiaries.

МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

УДК 070

Анастасия Сергеевна Юферева

аспирантка Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: info.nedv@mail.ru

В статье рассмотрена проблема медиаконвергенции. Автор пытается раскрыть ключевые характеристики данного процесса, определить типологию, с целью проведения всестороннего анализа обозначенной темы обращается к освещению зарубежных и отечественных научных трудов. Исследована специфика, а также существенные различия в подходах к понимаю медиаконвергенции зарубежными и российскими исследователями. Различия в представлениях обусловлены тем, что на конвергенцию в медиаиндустрии изначально обратили внимание западные теоретики в середине XX в. в связи с развитием компьютерной техники. Впервые изучению данного вопроса посвятил свои работы канадский профессор английской литературы М. Маклюэн. Несмотря на приверженность позиции технологического детерминизма заслуга исследователя состоит в том, что он заложил основу для понимания медиаконвергенции путем введения понятия «имплозия», значение которого близко к конвергенции и сводится к нивелированию границ между различными сферами (не только в области СМИ). Следующие подходы отличаются большей глубиной. Медиаконвергенция рассмотрена не столько в технологическом, сколько в социальном контексте. Это позволяет иначе оценить социокультурные трансформации и коммуникационные процессы. В отечественных подходах внимание сконцентрировано на медиаконвергенции преимущественно в области СМИ. Ее соотносят главным образом с интеграцией ранее обособленных средств массовой информации (печатных, электронных), изменениями в организационных структурах медиакомпаний и пр. Примечательно, что зарубежные исследователи представляют медиаконвергенцию как процесс многомерный. Соответственно научно-исследовательский потенциал анализируемого нами феномена они раскрывают в большей степени.

Ключевые слова: медиаконвергенция, информационная глобализация, конвергенция СМИ, Интернет.

Проблемы типологии политической идеологии консерватизма являются перспективой формирования информационного общества невозможно оценить, если не принимать во внимание медиаконвергенцию. Будучи определенным этапом в развитии телекоммуникационной индустрии, медиаконвергенция выступает одним из факторов, ведущих к воплощению разных форм социальности. Формирование этого понятия шло постепенно

и в равной степени зависело от учета социальных и технологических факторов. Но единого понимания того, что такое медиаконвергенция, до сих пор не сложилось. Поэтому с целью определения ее ключевых характеристик рассмотрим основные подходы к осмыслению данного феномена.

Основой для определения понятия конвергенции применительно к телекоммуникационной области послужили разнообразные дефиниции, принятые в разных областях естествознания. Например, в биологии данный процесс означает проявление сходного строения у не связанных друг с другом организмов, которое явилось следствием проживания этих организмов в похожих экологических условиях [Convergent... 2005].

В 1960–1970 гг. в связи с интенсивным продвижением компьютерной индустрии на массовый рынок у конвергенции появляется новый смысл. Она начинает ассоциироваться с новыми достижениями в области передачи данных, переводом информации в электронный формат. Как полагает Р. Гордон, 60-е и 70-е гг. прошлого столетия – это и есть тот временной отрезок, в котором следует искать первые упоминания понятия «конвергенция» в исследованиях гуманитарной направленности [Gordon 2003].

Первым, кто предвидел в начале 1960 гг. эволюцию медиа в результате появления новых технологий, стал канадский социолог М. Маклюэн, широко известный благодаря таким работам как «Галактика Гуттенберга» [McLuhan 1962], «Понимание медиа» [Маклюэн 2003], «Война и мир в глобальной деревне» [Маклюэн 2012] и др. Описывая тенденции и перспективы развивающейся электронной эпохи, он использует понятие «implosion» (направленный внутрь взрыв, схлопывание). В определенной степени значение данного слова схоже с определением конвергенции, поскольку «имплозия» подразумевает нивелирование дистанционных границ между процессами; взаимное проникновение, охватывающее раннее обособленные друг от друга области; разрушение логики централизации; преобладание виртуального мира над действительным. Отсюда – усиление глобализации, повышение информатизации общества, что упраздняет множество локальных информационных структур, приводит к однообразному, равномерному пространству, мгновенному взрыву вовнутрь. Перечисленные процессы сопровождаются всеобщей интеграцией – порождением целостности частного и общественного сознания. «Все это привело Маклюэна к созданию гигантского утопического образа «глобальной электронной деревни», центр которой везде, а границы нигде и которую населяют электронные номады, свободно кочующие из одного мира в другой» [Дьякова 2002: 38].

Метафорически описывая перечисленные социокультурные преобразования, М. Маклюэн формулирует символическое кредо – «Средство есть сообщение» («The medium is the message»). Смещение внимания не столько на сообщение, сколько на медиа, означает, что приоритет в трансформации общественных отношений отдан технологиям. Под «медиа» понимаются не только средства массовой информации, но и широкий спектр окружающих человека вещей: фотография, телеграф, деньги, алфавит, часы, игры и т.д. Выступая в роли «технологий» или «посредников» они

не только трансформируют коммуникационные процессы, но и вступают в «сращивание» с человеческим телом и сознанием. «В нашу электрическую эпоху, – пишет М. Маклюэн, – мы видим себя все более и более переводимыми в форму информации и идущими в сторону технологического расширения сознания, ... мы можем переводить все большую и большую часть самих себя в иные формы выражения, превосходящие нас самих» [Маклюэн 2012: 69]. Бессознательно поддаваясь этой ситуации, человек постепенно принимает технологическую форму. Выражается это в образном расширении разных частей физического тела, которые начинают уподобляться медиа (например колесо как расширение ноги). В такой ситуации, человек занимает подчиненное по отношению к «посредникам» место, поскольку, привязавшись к ним, начинает служить технологической инфраструктуре, обладающей логикой, далекой от человеческой.

Несмотря на обобщенный подход к анализу всеобщего поля («глобальная деревня») и приверженности позиции технологического детерминизма М. Маклюэн впервые заложил понимание иного состояния мира, изменившегося под влиянием электронных средств, которые «формируют наши мысли, структурируют наш опыт и определяют наши взгляды на окружающий мир» [Землянова 1999: 115]. Кроме того, в абстрактной рефлексии окружающего мира мы впервые встречаем близкое к конвергенции понятие «имплозия», смысл которого сводится к изображению процесса ранее невысказанных масштабов, направленного на стирание четких границ и охват различных систем (технические, биологические, коммуникационные и пр.).

В 1980–1990 гг. рассматриваемый нами феномен стал предметом научного интереса многих зарубежных исследователей гуманитарного профиля. Например, политолог И. де Сола Пул в своей работе «Технология свободы» (1983) [Pool 1983] представил более специализированный подход к пониманию конвергенции. Выражается это в том, что данное понятие начинает применяться исключительно к коммуникационным технологиям, техническим средствам связи. Пул предположил, что в будущем вся информация будет храниться в цифровом виде, перемещаться по информационным сетям, а получить доступ к ней можно будет при помощи электронного оборудования. Таким образом, автор предпринял попытку целенаправленного изучения взаимодействия медиаконвергенции с традиционными медиа, результатом которого является перевод последних в электронный формат.

Пул определил, что конвергенция – есть «размывание границ между медиа как средствами обоюдной коммуникации, такими как телефон, почта, телеграф и такими средствами массовой коммуникации как пресса, радио и телевидение» [Pool 1983: 23]. При этом исследователь стремился дистанцироваться от характерного для М. Маклюэна технологического детерминизма: «Простые версии технологического детерминизма не принимают во внимание различия в способах, в соответствии с которыми то или иное явление возникает на разных этапах жизненного цикла технологии, ... технологическое воплощение становится просто особым случаем» [Pool 1983: 5].

Следующий этап анализа медиаконвергенции принадлежит социологу М. Кастельсу. Всесторонне анализируя видоизменение социального ланд-

шафта в период развития систем электронных коммуникаций, он обращает внимание на переходный момент – начало 1970-х гг. Указанный период ознаменовался революцией планетарного масштаба в результате появления Интернета, распространения телекоммуникационных систем.

В настоящее время итог их совместной интеграции находит свое отражение в существовании конвергентной коммуникационной системы. Ее специфика в том, что она говорит на цифровом языке, существует в глобальном масштабе и предоставляет каждому возможность производить, хранить и распространять сообщения различного формата, таким образом «создавая новые формы и каналы коммуникации, формируя жизнь и формируя жизнь в одно и то же время» [Кастельс 2000].

Кроме того, М. Кастельс приходит к выводу о невозможности данной системы быть единственным источником видоизменения человеческой деятельности. Вступая в непосредственное взаимодействие с электронной системой для «выполнения своих собственных дел, мы изменяем и саму эту систему» [Кастельс 2004]. Отсюда вывод о взаимовлиянии социальных и технологических измерений. Выделенная закономерность подтверждается тем, что Интернет в качестве материальной (или технологической) основы может быть использован «для вовлечения таких движений (виртуальных сообществ – А.Ю.) в процесс создания нового общества. Однако при этом они видоизменяют сам Интернет: из орудия организации бизнеса и средства коммуникации он превращается также в рычаг общественных преобразований» [Кастельс 2004]. Из этого следует заключение М. Кастельса о том, что инфраструктуру Интернета составляют как телекоммуникационные и компьютерные технологии, так и социальные движения, которые поддерживают его существование посредством реализации различных коммуникативных форм.

Описываемое слияние социальных и технологических структур составляет концептуальную основу информационно-коммуникационной парадигмы и информационного общества в целом. М. Кастельс в своем труде [Кастельс 2000] изложил особенности парадигмы такого типа в следующей последовательности.

Первая особенность относится к способности технологии оказывать влияние на информацию, а не наоборот.

Вторая характеристика – всеохватность эффектов технологий, которые формируют процессы человеческой деятельности.

Третья черта состоит в обладании новой информационной технологии сетевой логикой, которая в достаточной степени адаптирована к сложным взаимодействиям и непредсказуемым путям развития.

Четвертая особенность выделяет одно из наиболее важных качеств информационно-технологической парадигмы – гибкость: «организации и институты можно модифицировать и даже фундаментально изменять путем перегруппировки их компонентов. Конфигурацию новой технологической парадигмы отличает ее способность к реконфигурации – решающая черта в обществе, для которого характерны постоянные изменения и организационная текучесть, ... материальную базу организации теперь можно перепрограммировать и перевооружить» [Кастельс 2009]. На наш взгляд,

обозначенные аспекты в полной мере находят свое отражение в политическом измерении, в особенности – в конструировании модели «электронного правительства».

Массовая компьютеризация и стремительное распространение во всех сферах бытия Интернета поставило вопрос об изменении управленческих структур государства. «Именно этот достаточно неожиданный для органов власти процесс заставил их перейти от программ информатизации, рассчитанных на перевод в безбумажный формат внутреннего документооборота, к проектам предоставления гражданам услуг в электронном виде» [Трахтенберг 2012: 289]. Изменение традиционных иерархических структур и перевод части полномочий в киберпространство преследует цели глобального масштаба: повышение эффективности государственного управления путем интеграции основных его звеньев и процессов в единую систему и повышения качества государственных услуг [Трахтенберг 2012: 291]. Обозначенная стратегия позволит наладить интерактивное взаимодействие между государством и обществом, беспрепятственно и оперативно реализовать возможность оказания гражданам необходимых услуг, повысить прозрачность в деятельности органов государственной власти и др.

Пятая черта – технологическая революция, в которой ключевое место отводится слиянию технологий в высокоинтегрированных системах. Прежде всего речь идет о технологической медиаконвергенции, которая как результат интеграции Интернета и новых информационных технологий представляет собой процесс объединения различных мультимедийных функций (доступ в Интернет, возможность осуществления коммуникаций в социальных сетях и пр.) в границах одного электронного дивайса. Иными словами, медиаконвергенция интегрирует на одном устройстве (компьютер, мобильный телефон и пр.) различные мультимедийные функции, которые позволяют субъекту участвовать в формировании социального контекста и таким образом поддерживать инфраструктуру Сети.

Тот вид медиаконвергенции, который мы наблюдаем сегодня, появился относительно недавно. Расцвет данного процесса пришелся, на наш взгляд, на тот момент, когда технологическая система подготовила почву для социальных взаимодействий. Формирование принципиально нового коммуникационного формата в Интернет-пространстве связывают с термином «Web 2.0.», который был предложен в начале 2000-х гг. Тимом О’Рейли. Он означает «самостоятельное производство контента массой пользователей и активный обмен информацией между ними» [Тимофеева 2012: 42]. Ранее существовавшая форма (Web 1.0) упомянутыми преимуществами не обладала, поскольку производство и распространение контента было прерогативой малого круга лиц. В этом случае речь идет о начальном (первом) этапе развития медиаконвергенции. Переход к следующему этапу произошел сообразно с соответствующими технологическими условиями, позволяющими представителями широкой аудитории воспринять их и осуществлять коммуникационные взаимодействия в режиме реального времени.

Провести разницу между первым и вторым этапами развития медиаконвергенции возможно, обратившись к анализу стадий перехода го-

сударства к электронному правительству, которые разработаны Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН (UN DESA) [United Nations... 2012: 123-124].

Первая стадия перехода к электронному правительству сопровождается постепенной интеграцией управленческих структур государства и Интернет-платформы. Существовавшие на тот момент официальные сайты органов власти были предназначены главным образом для оказания информационных услуг о деятельности правительства. Речь идет о наличии доступа к данным о государственной политике, нормативным актам, архивам и пр. Перечисленные особенности характеризуют первый этап становления медиаконвергенции – начало 1990-х гг., когда произошло проникновение в виртуальную среду государственных структур.

Вторая стадия характеризуется улучшением качества информационных услуг, оказываемых официальными сайтами органов власти. Проявляется это в наличии возможности размещения представителями власти образцов официальных документов, выбора гражданином необходимого языка для ознакомления с информацией на электронном ресурсе и т.д. Однако производство и распространение контента по-прежнему остается прерогативой малого круга лиц. Поэтому описанная нами стадия относится к начальному этапу становления медиаконвергенции.

На третьей стадии на официальных сайтах властей начинают появляться интерактивные элементы, ставшие следствием модернизации телекоммуникационной индустрии. Гражданин получил доступ к инструментам электронного голосования, отправки налоговых деклараций или заявлений в электронном формате. Между тем наличествующие возможности пока недостаточны для перехода медиаконвергенции ко второму этапу.

На четвертой стадии государственные учреждения перешли к оказанию услуг полного цикла в режиме «24 часа в сутки 7 дней в неделю». Помимо этого речь идет об использовании государством платформы Web 2.0 и других интерактивных инструментов в целях получения необходимой информации, а также мнений граждан касательно того или иного политического вопроса. Следует процесс создания определенных условий, которые дают населению возможность принимать активное участие в деятельности государства. Как видно из описания, данная стадия в полной мере соответствует второму этапу развития медиаконвергенции, которая подразумевает двусторонний тип взаимодействия, взаимный обмен информационными данными и полноправное участие граждан в распространении контента соответствующего формата.

Наблюдаются и диаметрально противоположные взгляды исследователей на типы и виды медиаконвергенции. Поэтому необходимо остановиться более подробно на других направлениях анализа, в которых акцентируется внимание на рассматриваемом нами феномене как многокомплектном процессе, функционирующем на нескольких уровнях.

В частности, значительный вклад в разработку данной проблематики внес профессор Г. Дженкинс. Пытаясь объяснить путаницу в употреблении понятия «медиаконвергенция», исследователь пишет о том, что в этом

процессе следует разграничивать по меньшей мере пять значений. Первый вид конвергенции (технологический) означает «оцифровку» содержания всех СМИ. Далее следует второй вид – экономическая конвергенция, под которой понимается слияние разных сфер в индустрии развлечений (кино, телевидения, видеоигр, книг и др.). Третий вид конвергенции Г. Дженкинс называет социальной или органической. Она касается формирования у потребителей информации «многозадачных стратегий» (consumer's multitasking strategies), возникающих в связи с одновременностью совершения нескольких действий: просмотр телевизора, проверка электронной почты и т.д. Предпоследний (четвертый) вид – культурная конвергенция, которая возникает в момент взрыва (explosive) новых форм творчества, пересечения технологий разных СМИ, отраслей и потребителей. Глобальная конвергенция (пятый вид) – это культурная гибридизация, которая является результатом международной циркуляции медиаконтента (текстов, музыки, видео и пр.) [Jenkins 2001].

Другого представления о типологии медиаконвергенции придерживаются Г. Мейкл и Ш. Янг. С их точки зрения, данный процесс может быть понят в четырех аспектах его измерения:

- технологический – объединение телекоммуникационных сетей во-круг цифровых медиаплатформ;
- производственный – участие традиционных СМИ в цифровом меди-апространстве и увеличение количества компаний, основанных на использо-вании цифровых технологий, таких как Google, Apple, Microsoft и др.;
- социальный – рост числа социальных сетей, повышение объема со-держания, создаваемого пользователями;
- текстуальный – использование «трансмедийной» концепции, в соот-ветствии с которой следует изложение на нескольких медийных платфор-мах информационного сообщения, заключающего в себе все виды медиа (кино, видео, комикс, игры, фото и пр.) [Meikle, Young 2011].

Таким образом, зарубежные исследователи не ограничиваются одним технологическим измерением и стремятся описать медиаконвергенцию комплексно. Это значит, что данный феномен лежит в нескольких плоско-стях, обладает (помимо технологической) социальной логикой.

В отечественной литературе проблема медиаконвергенции также пред-ставлена. Качественный анализ научной литературы и профессиональной прессы, отражающих теоретические и практические уровни осмысления конвергенции в медиасфере, позволил выделить следующие подходы.

Первой исследовательской работой по данной проблематике стала статья Е.Л. Вартановой «К чему ведет конвергенция?» [Вартанова 1999]. В этой работе сформулирован вывод о том, что конвергенцию по отношению к медиаиндустрии можно трактовать по-разному. Во-первых, это слияние технологий. В основе технологической составляющей конвергенции медиа лежит процесс «дигитализации», который обозначает перевод содержания СМИ во всех ее формах (текстовой, графической, звуковой) в цифровой формат. Во-вторых, конвергенция – это слияние разных и разобщенных медиа, передача функций одних СМИ другим, возможность получать оди-наковые содержательные продукты разными каналами. В-третьих, кон-

вергенция – это слияние рынков в один общий, на котором неразрывными связями скрепляются мультимедийные услуги, сетевое обслуживание, создание программных продуктов.

Изложенный подход представляется нам вполне содержательным, затрагивающим различные аспекты медийной индустрии. Справедливо отметить, что выделенные Е.Л. Вартановой уровни медиаконвергенции в определенной степени пересекаются с теми, которые были обозначены Г. Дженкинсом несколько лет спустя, и отличаются не меньшей глубиной осмысления данного вопроса. Это позволяет говорить о стремлении отечественного исследователя раскрыть научно-исследовательский потенциал анализируемого процесса в полной мере, что также характерно для воззрений зарубежных ученых.

Параллельно Л.М. Землянова в толковом словаре терминов и концепции дает гораздо более узкое определение понятия конвергенции. Это допустимо объяснить особенностью подачи текста в подобных сборниках: «В коммуникативистике этот термин используется для обозначения взаимодействия и объединения различных каналов и средств связи в условиях развития мультимедийных процессов и информационных супермагистралей, совершающихся благодаря широкому внедрению новых технологий, обеспечивающих применение цифровой трансмиссии информации в коммутирующихся телекомпьютерных и телефонно-кабельных линиях» [Землянова 1999: 97].

М.В. Луканина интерпретирует процесс конвергенции СМИ как сближение разных технологий на единой платформе, унифицирующей предлагаемое содержание. Все изменения и быстротечные тенденции развития интернет-версий традиционных СМИ показывают, что идет процесс приспособления разных форматов друг к другу: взаимовлияние и взаимопроникновение. Развивая тему преобразований на уровне текста в условиях конвергенции СМИ, М.В. Луканина обращает наше внимание на столкновение двух тенденций СМИ – модели традиционных СМИ и новых медиа. Первую модель культивирует печать, которая использует аналитический, углубленный и контекстуальный материал. Другую модель характеризует доминирование новостей-порывов, особое внимание к заголовкам, попытки освоения мультимедийных способов подачи информации. В то время как традиционная модель уже получила описание во многих работах, новая, принятая «на вооружение» большим количеством редакций, заслуживает отдельного рассмотрения. Вне зависимости от того, является или нет эта модель временной, трансформационной, она все же окажет воздействие на процесс создания текстов СМИ [Луканина 2006].

По сравнению с предыдущими представлениями о процессе медиаконвергенции М.В. Луканина дает более специализированную характеристику с учетом особенностей жанра журналистики. Соответственно, это предопределило дальнейший ход размышлений, в которых ведущая роль отведена журналистскому тексту, меняющемуся под влиянием новой мультимедийной среды.

В 2010 г. под редакцией М.М. Лукиной вышло в свет учебное пособие «Интернет-СМИ. Теория и практика» [Лукина 2010], в котором дано определение медиаконвергенции: «сближение, слияние на цифровой основе

различных медийных платформ, типов СМИ». Оценивая в целом критически приведенную формулировку, также отметим, что данное пособие касается лишь технологической стороны медиаконвергенции, а следовательно имеет слишком общий характер и не отражает всех изменений, происходящих в медиаиндустрии.

В 2011 г. в статье «Конвергенция – возможность универсального журнализма в рамках профессиональной идентичности» [Калмыков 2011] А.А. Калмыков пришел к выводу о том, что система СМИ представляет собой связность уже четырех компонентов: печати, радио, телевидения, Интернета. Конвергенция в ней подразумевает соединение и объединение в одном издании разных способов донесения контента до потребителя, то есть появление гиперизданий, включающих различные комбинации: газета + интернет, телевидение + газета + интернет и т.п. Интернет в этих связках является основным локомотивом конвергентных процессов и одновременно плацдармом, на котором они разворачиваются. Исследователь также отмечает расширение медийного пространства за счет использования средств PR, рекламы, маркетинга. Происходит слияние коммуникативных практик, прежде всего журналистики и PR; согласование информационных политик самостоятельных игроков рынка, в частности отдельных СМИ (как предприятий) и производителей продукции иного рода (корпораций, промышленных предприятий, учреждений науки и образования). Это дает основания полагать, что речь идет о том, что журналист на практике включается в решение задач, более свойственных пиару, рекламе, маркетингу, чем журналистике, и о том, что эти задачи решаются в рамках взаимодействия СМИ с другими общественными институтами. Подобное сближение различных медиапрактик требует более четкого профессионального разграничения.

Не трудно заметить, что данный подход представляет собой развитие позиции М.В. Луканиной, которая предприняла серьезную попытку осуществить анализ медиаконвергенции в контексте видоизменения журналистики.

В новейшем труде, посвященном конвергенции СМИ, Е.А. Баранова отразила ключевые характеристики данного процесса, выделив два уровня понимания [Баранова 2015]. Первый связан с техническими достижениями в области передачи данных, возможностью хранить и передавать информацию любого формата (текстовую, аудио-, видео) в цифровом виде, однократным производством содержания и многократном его тиражированием на разных медиаплатформах. Второй уровень касается трансформации организационной структуры медиакомпании, которая приводит к конструированию совершенно иного рабочего пространства, выдвиганию дополнительных требований к подготовке контента, созданию новых рабочих мест.

Любопытно, что в теме, посвященной медиаконвергенции в области журналистики, заинтересованы не только теоретики, но и практики, которые также оценивают происходящие в медийной среде изменения.

Так, М. Синдинская в статье «Осторожно, конвергенция!» [Синдинская 2011] характеризует тему конвергентных СМИ как весьма популярную на-

ряду с прогнозами развития печатных СМИ в ближайшее время. Появление конвергентных СМИ связано, по мнению автора, с изменениями модели потребительского поведения целевой аудитории и переводом информации в цифровую форму. СМИ выступают одновременно как инструмент доступа рекламодателей к аудитории (аудиториям), источник информации и знаний, инструмент формирования общественного мнения (создание, управление, манипулирование), индустрия свободного времени (важная форма проведения досуга). Таким образом, будущее и успешное развитие СМИ тесно связано с активным внедрением новых технологий, охватом всех возможных каналов распространения информации, а также созданием новых эффективных моделей взаимодействия как с аудиторией, так и с рекламодателями.

Генеральный директор ИД «Алтапресс» Ю. Пургин в статье «Медиадом: как попасть в будущее» [Пургин 2012] говорит о том, что появление новых технологических возможностей и платформ повлекло за собой неизбежную трансформацию СМИ. Сегодня этот процесс оборачивается кризисом не адаптированных к новым реалиям традиционных редакций и усилением новых медиа. Цель, которую поставили перед собой представители ИД «Алтапресс», заключается в том, чтобы вернуться в центр коммуникаций местного сообщества, сохранить доверие и привязанность людей, привлечь внимание нового поколения. Суть нового формата отношений между «Алтапресс» и потенциальной аудиторией состоит в стремлении стать ключевым и наиболее полным каналом получения информации о жизни сообщества, учитывая особенности изменений медиапотребления и используя весь мультимедийный потенциал компании. Трансформации подлежат как редакция, так и рекламная деятельность компании. Новая стратегия предполагает создание постоянно развивающихся сервисов, которые представляют собой удобно организованные для пользователей базы данных. Изменения должны затрагивать и сам характер организации работы рекламистов. В ИД «Алтапресс» вошли продающие подразделения: отделы телемаркетинга, активных продаж и корпоративных клиентов. Их работу обеспечивают маркетологи, копирайтеры, менеджеры по размещению рекламы. Чтобы не разочаровать своих читателей, необходимо обращать особое внимание на качество журналистики и дизайн издания. Тогда СМИ для аудитории будет по-прежнему привлекательным, модным и полезным.

В заключение отметим, что приведенные нами работы отнюдь не единственные по данной теме, позволяют продемонстрировать особенности понимания процесса медиаконвергенции в зарубежной и отечественной научной мысли.

Как показал анализ зарубежной литературы, основа для понимания медиаконвергенции была заложена М. Маклюэном. Понятие «имплозия», означающее нивелирование границ между разными областями, применялось к объяснению изменений различных систем. В частности, автором сделан акцент на способности конвергенции к созданию гибридных коммуникационных систем, однородного информационного пространства за счет перевода данных в электронный формат, к интеграции ранее независимых друг от друга областей, как это произошло с «печатью и паровым

прессом, а также с радио и кино, на пересечении которых родился звуковой фильм» [Маклюэн 2003: 48].

Далее медиаконвергенция получает достаточно всестороннее рассмотрение в трудах таких исследователей как И. Де Сола Пул, М. Кастельс, Г. Дженкинс и др. Рассмотренные нами подходы к осмыслению данного феномена демонстрируют сдвиг интереса от технологического контекста к контексту социальному, что позволяет иначе взглянуть на социокультурные преобразования, процесс изменения понимания виртуальной среды.

В выделенных нами отечественных работах преобладает ключевая тенденция, которая характеризует специфику отечественной научной мысли. Так, исследователь Е.Л. Варганова впервые ввела в отечественный научный оборот понятие конвергенции и попыталась представить данный процесс как многоуровневый, затрагивающий различные аспекты медийного пространства. Отойти от данного подхода, который по большому счету свойствен зарубежному контексту, посчитали необходимым другие российские исследователи (М.В. Луканина, М.М. Лукина, А.А. Калмыков, Е.А. Баранова и др.). Они сузили диапазон анализа конвергенции, остановились на роли данного феномена в области журналистики. Внимание главным образом уделено переменам в организационных структурах (интеграция ранее обособленных разделов), видоизменению журналистского текста, пересмотру профессиональных компетенций журналистов и представителей смежных видов массовой коммуникации.

Однако перечисленные концепты, которые анализируют отечественные теоретики в области масс-медиа, крайне недостаточны для того, чтобы в полной мере считать медиаконвергенции раскрытыми в научно-исследовательском потенциале. Многомерность самого понятия «медиаконвергенция» подтверждается тем, какой многоуровневый смысл вкладывают зарубежные исследователи в этот феномен. Тем не менее, если отечественная практика, реализуя стратегии развития, в основном ориентируется на метод проб и ошибок, то теория довольствуется преимущественно умозрительным, порой далеким от практики анализом ситуаций, лишенным прогноза и обоснованных рекомендаций [Большева, Макшакова 2012].

Материал поступил в редколлегию 31.05.2015 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баранова Е.А. 2015. Конвергентная журналистика. Теория и практика : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт. 269 с.

Большева С.А., Макшакова А.С. 2012. Представления профессионального общества современных российских СМИ о процессах конвергенции медиа-сферы // Коммуникативно-управленческие стратегии в развитии социальных систем: тенденции, ресурсы, технологии : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15-16 ноября 2012 г.) : в 3 ч. Екатеринбург : ИГУП. Ч. 1: Интегрированные маркетинговые коммуникации как фактор динамики развития социальных систем. С. 72-82.

Варганова Е.Л. 1999. К чему ведет конвергенция СМИ? // Инфор. общество. № 5. С. 11-14.

- Дьякова Е.Г. 2002. Массовая коммуникация и власть. Екатеринбург : УрО РАН. 278 с.
- Землянова Л.М. 1999. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества : Толковый словарь терминов и концепций. М. : Изд-во Моск. ун-та. 300 с.
- Калмыков А.А. 2011. Конвергенция – возможность универсального журнализма в рамках профессиональной идентичности [Электронный ресурс] // Вестн. электронных и печатных СМИ. № 16 URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=2231> (дата обращения: 26.09.2014).
- Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество, культура [Электронный ресурс]. М. : Изд-во Высш. шк. экономики. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/Polit/kastel/ (дата обращения: 15.04.2015).
- Кастельс М. 2004. Галактика Интернет [Электронный ресурс]. Екатеринбург : У-Фактория. URL: <http://m.litread.ru/read/431307/436000—437000?page=1> (дата обращения: 16.03.2015).
- Луканина М.В. 2006. Текст средств массовой информации и конвергенция // Полит. лингвистика. № 20. С. 205–214.
- Лукина М.М. 2010. Интернет-СМИ: Теория и практика : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс. 348 с.
- Маклюэн М. 2012. Война и мир в глобальной деревне. М. : АСТ : Астрель. 226 с.
- Маклюэн М. 2003. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М. ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле. 464 с. (Прилож. к сер. «Публикации Центра Фундамент. Социологии»).
- Пургин Ю. 2012. Медиадом: как попасть в будущее // Журналист. № 3. С. 46–48.
- Синдинская М. 2011. Осторожно, конвергенция! // Журналист. № 1. С. 63–64.
- Тимофеева Л.Н. (ред.) 2012. Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. М. : РОССПЭН. 327 с.
- Трахтенберг А.Д. 2012. Электронное правительство: состоится ли «изобретение государства заново»? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук. Вып. 12. С. 285–297.
- Pool I. de Sola. 1983. Technologies of Freedom. Cambridge, Mass. : Belknap Press. 299 p.
- Gordon R. 2003. Convergence defined [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ojr.org/ojr/business/1068686368.php> (дата обращения: 07.04.2015).
- Convergence Evolution (Convergence). 2005 // The Facts on File Dictionary of Biology / ed. by R. Hine. 4th ed. New York : Checkmark Books. P. 89.
- Jenkins H. Convergence? I [Электронный ресурс]. 2001. URL: <http://www.technologyreview.com/article/401042/convergence—i—diverge/> (дата обращения: 01.02.2015).
- McLuhan M. 1962. The Gutenberg Galaxy; the making of typographic man. Toronto, Canada : Univ. of Toronto Press. 293 p.
- Meikle G., Young Sh. 2011. Media Convergence: Networked Digital Media in Everyday Life. Houndmills ; Basingstoke ; Hampshire ; New York : Palgrave Macmillan. VI, 242 p.
- United Nations. E-Government Survey. 2012 : E-Government for the People [Электронный ресурс], 2012 / UN Department of Economic and Social Affairs. New York. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf> (дата обращения: 19.09.2015).

References

Baranova E.A. *Konvergentnaya zhurnalistika. Teoriya i praktika : ucheb. posobie dlya bakalavriata i magistratury* [Convergence journalism. Theory and practice :

schoolbook for bachelor degree course and master course], Moscow, Yurayt, 2015, 269 p. (in Russ.).

Bolysheva S.A., Makshakova A.S. *Predstavleniya professional'nogo soobshchestva sovremennykh rossiyskikh SMI o protsessakh konvergentsii media-sfery* [Representations of the professional community of modern Russian media about the process of convergence of the media sphere], *Kommunikativno-upravlencheskie strategii v razvitii sotsial'nykh sistem: tendentsii, resursy, tekhnologii : sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 15-16 noyabrya 2012 g.)*, in 3 pt., Ekaterinburg, 2012, IGUP, pt. 1: Integrirovannyye marketingovyye kommunikatsii kak faktor dinamiki razvitiya sotsial'nykh sistem, pp. 72-82. (in Russ.).

Dyakova E.G. *Massovaya kommunikatsiya i vlast'* [Mass communication and power], Ekaterinburg, UrO RAN, 2002, 278 p. (in Russ.).

Vartanova E.L. *K chemu vedet konvergentsiya SMI?* [To what convergence of mass-media conducts?], *Infor. Obshchestvo*, 1999, no. 5, pp. 11-14. (in Russ.).

Zemlyanova L.M. *Zarubezhnaya kommunikativistika v preddverii informatsionnogo obshchestva : Tolkovyy slovar' terminov i kontseptsiy* [International communication science in advance of the Information Society: Glossary of terms and concepts], Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1999, 300 p. (in Russ.).

Kalmykov A.A. *Konvergentsiya – vozmozhnost' universal'nogo zhurnalizma v ramkakh professional'noy identichnosti* [Convergence is the possibility of universal journalism as part of professional identity], *Vestn. elektronnykh i pechatnykh SMI*, 2011, no. 16, available at: <http://www.ipk.ru/index.php?id=2231> (accessed 26 September 2014). (in Russ.).

Castells M. *Galaktika Internet* [The Internet Galaxy], Ekaterinburg, U-Faktoriya, 2004, available at: <http://m.litread.ru/read/431307/436000-437000?page=1> (accessed 15 April 2015). (in Russ.).

Castells M. *Informatsionnoe epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture], Moscow, Izd-vo Vyssh. shk. ekonomiki, 2000, available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/ (accessed 26 September 2015). (in Russ.).

Lukanina M.V. *Tekst sredstv massovoy informatsii i konvergentsiya* [Text of mass media and convergence], *Polit. lingvistika*, 2006, no. 20, pp. 205-214. (in Russ.).

Lukina M.M. *Internet-SMI: Teoriya i praktika : ucheb. posobie* [Online media: Theory and practice, textbook], Moscow, Aspekt Press, 2010, 348 p. (in Russ.).

Maklyuen M. *Voyna i mir v global'noy derevne* [War and Peace in the Global Village], Moscow, ACT, Astrel', 2012, 226 p. (in Russ.).

Maklyuen M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man], Moscow, Zhukovskiy, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2003, 464 p. (in Russ.).

Purgin Yu. *Mediadom: kak popast' v budushchee* [Mediadom: how to get to the future], *Zhurnalst*, 2012, no. 3, pp. 46-48. (in Russ.).

Sindinskaya M. *Ostorozhno, konvergentsiya!* [Look out! Convergence!], *Zhurnalst*, 2011, no. 1, pp. 63-64. (in Russ.).

Timofeeva L.N. (ed.) *Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika* [Political communication science: theory, methodology and practice], Moscow, ROSSPEN, 2012, 327 p. (in Russ.).

Trakhtenberg A.D. *Elektronnoe pravitel'stvo: sostoitsya li «izobretenie gosudarstva zanovo»?* [E-government: is «reinventing the government» possible?], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2012, iss. 12, pp. 285-297. (in Russ.).

Pool I. de Sola. *Technologies of Freedom*, Cambridge, Mass., Belknap Press, 1983, 299 p.

Gordon R. *Convergence defined*, 2003, available at: <http://www.ojr.org/ojr/business/1068686368.php> (accessed 07 April 2015).

Convergence Evolution (Convergence), R. Hine (ed.), *The Facts on File Dictionary of Biology*, 4th ed., New York, Checkmark Books, 2005, p. 89.

Jenkins H. *Convergence?* 2001, available at: URL: <http://www.technologyreview.com/article/401042/convergence—i—diverge/> (accessed 01 February 2015).

McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy; the making of typographic man*, Toronto, Canada, Univ. of Toronto Press, 1962, 293 p.

Meikle G., Young Sh. *Media Convergence: Networked Digital Media in Everyday Life*, Houndmills, Basingstoke, Hampshire, New York, Palgrave Macmillan, 2011, vi, 242 p.

United Nations. *E-Government Survey. 2012 : E-Government for the People / UN Department of Economic and Social Affairs*. New York, available at: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf> (accessed 19 September 2015).

Anastasia S. Yufereva, Post-graduate Student, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg.
E-mail: info.nedv@mail.ru

MEDIA CONVERGENCE: MAIN APPROACHES TO DEFINITION

Abstract: The article is devoted to the analysis of the process of media convergence and crucial characteristics and typology of this process. The author studies both foreign and domestic approaches in order to conduct an extensive analysis of this topic. The article is concerned with specific and significant differences in approaches in connection with the understanding of media convergence. There are few explanations of differences between these representations. First, foreign scholars explain media convergence as a consequence of the development of the computer industry in the 20th century. M. McLuhan, Canadian professor of English literature, was a pioneer on this topic; he wrote several monographs on it. Through the vision of a generalized approach to the electric structuring of the world and his theory of technological determinism, M. McLuhan provided a foundation for understanding the process of media convergence. To explore this phenomenon, he used the concept of “implosion”, which means erasing the line between different systems (not only in the area of mass media). Other approaches differ significantly in depth because media convergence is studied not only in a technological context, but also in a social one, allowing evaluation of cultural and social issues and the communication process from different points of view. Domestic scholars analyze the process of media convergence primarily in the area of mass media. Researchers note that this process is related to the integration of formerly isolated mass media (print, electronic), as well as to the development of the organizational structure of media companies, etc. Notable foreign scholars study media convergence as a multidimensional process. Consequently, research potential is greatly enhanced.

Keywords: media convergence, age of globalization, convergence of mass media, Internet.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И СМИ

УДК 32.019.51:654.19

Дарья Анатольевна Зеркаль

аспирант Уральского федерального университета
имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург. E-mail: Dasha--Zerkal@yandex.ru

Государственная информационная политика – важный аспект государственного управления в информационном обществе. Существуют разные институты, через которые реализуются меры государственной информационной политики. К ним можно отнести институты связей с общественностью, аналитические центры, институты культуры. Однако базовым механизмом реализации государственной информационной политики служат средства массовой информации. Именно они способны создавать информационную повестку, которая играет важнейшую роль при формировании общественного мнения. Поэтому контроль средств массовой коммуникации и содержания сообщений, транслируемых через них, одна из основных задач государственной информационной политики. СМИ разных уровней формируют медиасистему. Разные уровни медиасистемы требуют различных подходов к управлению. В статье приводятся основные модели взаимодействия СМИ и власти, которые составляют контекст реализации государственной информационной политики. Автор описывает некоторые уровни медиасистемы, а также анализирует характерные особенности средств массовой информации каждого из этих уровней. Большая роль отводится основным механизмам управления средствами массовой информации при реализации задач государственной информационной политики. В статье дана их классификация и проведено описание.

Ключевые слова: государственная информационная политика, средства массовой информации, информационная повестка, медиасистема.

По мере развития технологий и скорости передачи данных в постиндустриальном обществе многократно увеличилась роль и значение информации. Это определило необходимость выработки государствами системы управления в области информации или государственной информационной политики.

В западной политической науке переход к информационному обществу всесторонне рассмотрен в работах многих выдающихся исследователей. В их числе можно отметить Д. Белла, Э. Гиденса, М. Кастельса, М. Маклюэна, Д. Рисмана, О. Тоффлера, Ф. Уэбстера.

В отечественной науке данную тематику долгое время рассматривали с точки зрения теории общественного мнения, пропаганды идеологической борьбы. Большая часть таких работ была посвящена критике буржуазного общества, допускающего манипулирование массовым сознанием в угоду классовым интересам.

Поэтому после распада Советского Союза тема средств массовой информации, информационного общества, информационного воздействия, свободы слова стала одним из ведущих направлений исследований. Разные аспекты информационной политики, общетеоретические, методологические вопросы, связанные с природой и процессуальными особенностями информационной сферы и политических коммуникаций раскрывают в своих работах Грушин Б.А., Конецкая В.П., Назаров М.М., Попов В.Д., Русакова О.Ф., Соловьев А.И., Терин В.П., Федотова Л.Н.

Особо следует отметить исследования информационной политики с точки зрения теории массовой коммуникации, журналистики, функционирования средств массовой информации такими авторами как Вершинин М.С., Дьякова Е.Г., Засурский И.И., Землянова Л.М., Зильберт Б.А., Сиберт С., Соловьев А.И., Терин В.П. Однако несмотря на большое количество исследований в современной политической науке нет однозначного определения явления информационной политики.

Например, В.Д. Попов определяет информационную политику как «способность и возможность субъектов политики оказывать воздействие на сознание, психику людей, их поведение и деятельность в своих интересах с помощью информации» [Попов 2002: 20]. Такой подход выносит понятие информационной политики в плоскость идеологической борьбы, сближая его с пропагандой. В западной политической науке сложился иной подход к пониманию государственной информационной политики, указывающий на превалирующее значение интересов общества. Так, исследователь Дж. Мартин пишет о том, что «ключевыми элементами процесса осуществления информационной политики являются идентификация информационных потребностей общества, разработка средств удовлетворения этих потребностей, стимулирование эффективного использования информационных ресурсов» [Мартин 1989: 8]. Но такой подход характерен только для государств с сильным гражданским обществом, а значит, не всегда применим.

По нашему мнению, под государственной информационной политикой следует понимать систему мер, реализуемых органами государственной власти, направленных на поддержание единства и сохранение контроля над информационным пространством посредством информационного воздействия и использования информационных технологий.

Субъектом информационной политики является государства в лице различных структур и органов государственной власти. Объектом выступает информационная сфера общества. В Доктрине информационной

безопасности Российской Федерации отмечается, что информационная сфера представляет собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих создание, сбор, хранение, распространение и использование информации, а также системы регулирования общественных отношений, возникающих при этом.

Исходя из этого определения мы можем выделить два основных направления реализации информационной политики в данной сфере: контроль каналов массовой коммуникации и содержание транслируемых сообщений.

Основные каналы передачи информации – средства массовой коммуникации, то есть органы публичной передачи информации с помощью технических средств. Например, такими являются периодические печатные издания, сетевые издания, телеканалы, радиоканалы, телепрограммы, радиопрограммы, видеопрограммы, кинохроникальные программы, иные формы периодического распространения массовой информации под постоянными наименованиями (названием) [Федеральный закон № 2124-ФЗ, 2014: ст. 2], а также социальные медиа.

При этом стоит отметить, что средства массовой коммуникации одновременно служат объектом, на который направлено особое внимание органов государственной информационной политики как на один из важнейших механизмов ее реализации [Соловьев 2004: 173].

Говоря о содержании транслируемых в средствах массовой информации сообщений необходимо понимать, что «государственная информационная политика регулирует множество аспектов распространяемой информации, однако с учетом того, что важнейшей задачей государственной информационной политики является сохранение единства и контроля над информационным пространством» [Судоргин 2008: 23], речь идет об информации политического характера.

К сообщениям такого рода чаще всего относят информацию:

- о деятельности политических акторов (политические лидеры, отдельные индивиды, группы влияния, государственные структуры и органы власти разных уровней, общественные неправительственные организации, иностранные государства, транснациональные корпорации);

- направленную на поддержку и сопровождение политического курса правящей элиты (информационное сопровождение реформ, информационная повестка, задаваемая правящей элитой и др.);

- угрожающую социальной и политической стабильности, национальной безопасности.

Существуют разные институты, через которые реализуются меры государственной информационной политики. Например, к ним можно отнести институты связей с общественностью, аналитические центры, институты культуры. Однако базовым механизмом реализации государственной информационной политики являются средства массовой информации.

Американские исследователи М. Маккоумз и Д. Шоу доказали, что средства массовой информации, привлекая внимание аудитории к определенным темам, создают в сознании потребителей информации картину мира,

которая может отличаться от социальной реальности. Эта картина мира является конструируемой и играет важнейшую роль при формировании общественного мнения. При этом создаваемая повестка не становится автоматически приоритетом аудитории, а также не означает формирование однозначной консолидированной позиции по освещаемым темам [Дьякова 2004]. Средства массовой информации через повторяемость, детализацию, время и место, отводимое той или иной теме, определяют ее значимость для аудитории.

«Сущность информационной повестки заключается в том, что средства массовой информации внушают аудитории, что существуют некоторые проблемы, которые являются наиболее важными в данный момент. Обычно их выделено не более пяти. При этом важно понимать, что повестка дня не оказывает прямого воздействия на поведение индивидов» [Дьякова 2002: 151].

Исследуя влияние массовой коммуникации на формирование политических предпочтений аудитории, американский социолог П. Лазерсфельд выяснил, что «воздействие массовой коммуникации на аудиторию всегда опосредовано межличностной и внутригрупповой коммуникацией: «... идеи часто передаются от радио и газет к лидерам общественного мнения, а от них – к менее активным слоям населения» [Дьякова 2002: 147].

При этом одновременно могут существовать несколько повесток, например информационная, внутригрупповая, межличностная. В то же время политическая повестка также может разделяться на уровни (федеральная, региональная, местная) [Липпман 2004: 259].

«Традиционные средства массовой информации разделяют по способу передачи информации на электронные, печатные и распространяемые в сети „Интернет“» [Сатаров 2007: 12]. Однако по степени управляемости наиболее целесообразно разделять средства массовой информации на государственные и негосударственные. Негосударственные средства массовой информации могут контролировать российские юридические и физические лица или иностранные юридические и физические лица.

Все многообразие СМИ, существующих и осуществляющих свою деятельность на территории страны, представляет собой медиасистему. В рамках данной системы СМИ занимают различное положение и имеют разное воздействие на информационную повестку в зависимости от множества факторов.

Безусловно, основное влияние на содержание и политику изданий оказывает собственник, интересы и позицию которого представляет СМИ. Также огромное влияние на место СМИ в системе медиа оказывает охват вещания. Так, по мнению отечественного исследователя И.Н. Засурского, с учетом этих факторов средства массовой информации можно разделить на четыре основные категории.

Первая категория – средства массовой информации федерального уровня, транслируемые на всей территории страны. Такие СМИ чаще всего контролирует государство или группы, близкие к действующей власти. Данные средства массовой информации транслируют позицию федеральной власти, а также формируют информационную повестку. Они являются важным

каналом политической коммуникации, так как зачастую дают «установку» на те или иные действия для политиков, особенно для региональных политических элит. В таких средствах массовой информации размещение материалов, противоречащих официальной позиции правящей элиты, практически недопустимо.

Федеральные органы государственной власти заинтересованы в использовании государственных СМИ для донесения до широких слоев населения актуальной информации. По мнению отечественного исследователя А.В. Новикова, «государственные органы опираясь на контролируемые ими средства массовой коммуникации, в первую очередь государственные, предпринимают огромные усилия, чтобы не упустить из-под своего влияния общественное мнение» [Новиков 1999: 63]. Средства массовой информации данного уровня играют важнейшую роль в формировании информационной повестки. Сегодня государственные СМИ чаще всего получают финансирование из дифференцированных источников: абонентская плата, государственное финансирование, коммерческая реклама. Например, огромная доля рынка средств массовой информации в России получает прямое государственное финансирование, которое делится на два вида.

1. Полное субсидирование, рассчитанное на покрытие сигнала, производство контента, развитие, затраты на социальные проекты, например телеканал «Культура». К таким медиахолдингам также относятся «Russia Today» и ВГТРК, куда из федеральных каналов, помимо «Культуры», входят «Россия-1», «Россия-24», «Бибигон» и «РТР – Планета».

2. Частичное участие государства, которое предполагает субсидирование из федерального бюджета. Чаще всего средства выделяют на покрытие стоимости распространения сигнала в малых городах с населением менее 100 тысяч жителей. К такому типу финансирования принадлежат «Первый канал» и «НТВ». «Первый канал» также финансируется за счет коммерческих проектов и рекламы (до 22,5% бюджета). «НТВ» контролирует медиахолдинг «Газпром-медиа», также доходы поступают от рекламы и коммерческого вещания.

По экспертным оценкам, доля государственных печатных средств массовой информации России составляет около 20% федеральных и до 80% региональных изданий. В сфере эфирного вещания доля государственных технических средств составляет около 70% [Государственные и частные СМИ 2003].

Всего на поддержку СМИ из бюджета Российской Федерации в 2015 г. было выделено 94,6 млрд руб., что в связи с кризисом на 17,3% меньше, чем в 2014 г. [Бюджетное финансирование... 2015].

При такой системе финансирования государство имеет возможность влиять на содержание транслируемой информации, а сами медиахолдинги становятся мощным инструментом реализации государственной информационной политики.

Стоит отметить, что государственная информационная политика, подразумевает деятельность в информационном пространстве множества органов власти разных уровней, а также политических акторов. Следовательно,

когда речь идет об использовании средств массовой информации первого уровня для реализации государственной информационной политики, то подразумевается, что основным ее актором выступает прежде всего правящая элита.

При этом не все органы власти, в том числе федеральные, способны задавать информационную повестку на данном уровне. Более того, отдельные субъекты задают эту повестку в рамках своих полномочий для других СМИ. Губернаторы, например, могут контролировать информационную повестку региональных СМИ. Однако это не исключает отдельные «появления» и в федеральной повестке.

Ко второму уровню относятся СМИ межрегионального уровня не имеющие прямого государственного финансирования, а также тематические издания. Такие СМИ могут охватывать большое количество регионов, но не являться общенациональными. В период проведения масштабных кампаний они способны объединяться для поддержки федерального проекта или политика на региональных уровнях. Так как данные СМИ работают на коммерческой основе, они часто становятся инструментом политической борьбы на региональном уровне. Такие СМИ размещают ангажированные материалы самой разной направленности. В отличие от федеральных СМИ, для которых набор тем и политических деятелей ограничен, региональные могут быть противоречивы. Позиция издания СМИ второго уровня может меняться с течением времени в зависимости от коммерческой составляющей. Такие средства массовой информации способны влиять на формирование федеральной повестки и играют решающую роль при создании региональной политической повестки.

Успешное развитие и конкурентоспособность таких средств массовой информации отчасти является следствием глобализации, усиливающей интерес людей к локальным проблемам» [Кольцова 2001: 92]. Характерной особенностью России является то, что к локальным проблемам обращаются чаще всего именно тематические издания либо межрегиональные СМИ. Это связано с тем, что на уровне региона зачастую рынок СМИ подконтролен исполнительной власти. Примером средств массовой информации второго уровня могут быть многочисленные информационные агентства Урала, сформированные по окружному принципу, такие как «Правда УрФО», «Ура.Ру», «УралИнформБюро» и др.

Третий уровень включает в себя региональные средства массовой информации. Особенностью его в России является то, что в каждом субъекте Российской Федерации сформировалась своя система СМИ. В некоторых регионах действует большое количество коммерческих средств массовой информации, которые формируют конкурентный рынок, активно влияют на политическую жизнь региона (например в Свердловской области). В других субъектах количество СМИ ограничено, и все они так или иначе подконтрольны губернатору. Влияние таких средств массовой информации на повестку ограничено территорией вещания, при этом они могут играть значительную роль в формировании региональной и местной информационной повестки.

К четвертому уровню средств массовой информации И.Н. Засурский относит глобальную сеть Интернет, которую автор рассматривает как свободное коммуникативное пространство. С такой позицией можно согласиться лишь частично, так как Интернет (в особенности социальные сети) открывает широкие возможности для позиционирования и политической борьбы. Однако крупные сетевые ресурсы, например информационные агентства, интернет версии печатных СМИ, популярные блоги, также транслируют политическую позицию представляемых групп. При этом сеть интернет имеет физическое выражение (инфраструктуру или компании-владельцы ресурсов), которые также порой подконтрольны государству либо выражают интересы иных элитарных групп.

На наш взгляд, данная классификация достаточно содержательна, но может быть дополнена средствами массовой информации, принадлежащими иностранным физическим и юридическим лицам, вещающим на территории Российской Федерации на русском языке. Такие средства массовой информации, имея зарубежное финансирование, могут представлять интересы других государств и вступать в жесткую оппозицию действующей власти. Деятельность таких средств массовой информации является угрозой информационной безопасности государства и требует особой реакции органов государственной власти, а зачастую и специального правового регулирования.

Из представленной выше классификации следует, что средства массовой информации хотя и являются инструментом реализации государственной информационной политики, однако действуют на разных уровнях и требуют разных подходов к управлению.

Как уже было сказано ранее, субъектом государственной информационной политики являются органы власти. Способ взаимодействия субъектов информационной политики и СМИ в значительной степени зависит от политического режима и способа, модели распространения информации, сложившейся в государстве. По мнению отечественного исследователя И.В. Юдина, данные отношения можно разделить на несколько моделей в зависимости от типа политического режима, преобладающей формы собственности СМИ и их политической позиции. Представленные ниже модели отражают типы взаимоотношений субъектов информационной политики и средств массовой информации [Юдин 2009: 12]:

1) тоталитарная, предполагает жесткий диктат со стороны государства в отношении всех объектов информационной сферы без исключения;

2) плюралистическая, предполагает наличие оппозиционных, а также частных, негосударственных структур, действующих в данной сфере;

3) тоталитарно-плюралистическая, при которой идеологическое многообразие номинально присутствует, в то же время акторы, действия которых противоречат позиции государства, большого влияния не имеют;

4) олигархически-плюралистическая, при которой распространители информации отстаивают интересы бизнес-элит и частных корпораций, а не государства или общества, с сохранением видимости функционирования институтов демократии. При этом государство не имеет контроля над информационным пространством.

Приведенные выше модели описывают общий контекст, в котором осуществляется информационная политика государства. Например, по нашему мнению, для современного российского общества характерна плюралистическая модель, с преобладанием государственных СМИ, а также негосударственных средств массовой информации, контролируемых российскими юридическими и физическими лицами. Именно они и являются основными инструментами реализации государственной информационной политики.

В данных условиях особое значение приобретают средства массовой информации первого уровня. Использование их в качестве инструмента реализации государственной информационной политики приоритетно и обусловлено масштабом вещания, а также подчиненностью органам власти.

Иначе выстраивается работа со средствами массовой информации второго и третьего уровней при реализации государственной информационной политики.

В целом механизмы управления средствами массовой информации данных уровней можно разделить на административно-правовые и информационные.

К административно-правовым относятся:

– механизмы регистрации СМИ, в том числе получения лицензий на вещание;

– правовое регулирование информации, размещаемой в СМИ (например запрет на размещение материалов, содержащих призыв к межэтнической розни);

– экономические формы воздействия, в том числе прямое финансирование и контракты на оказание информационных услуг, гранты на отдельные проекты, государственные субсидии;

– контроль экономической деятельности со стороны силовых структур (то есть контроль экономической деятельности средств массовой информации как субъектов бизнеса, например при уплате налогов, экономической деятельности).

К информационным можно отнести:

– доступ к информации, присутствие на официальных мероприятиях, возможность оперативного получения информации, в том числе эксклюзивной;

– доступ к информации о текущей деятельности органа власти;

– приближенность к руководителям структур, возможность получения комментариев и интервью первых лиц;

– качество транслируемой для СМИ информации.

Данные механизмы работы со средствами массовой информации второго и третьего уровней, особенно при отсутствии прямого финансирования, позволяют использовать их для реализации государственной информационной политики.

Средства массовой информации формируют информационную повестку и играют важнейшую роль при формировании общественного мнения. Этот факт определяет особое значение СМИ как механизма реализации

государственной информационной политики. Существует ряд факторов, таких как, например, форма финансирования, территория вещания, политические позиции собственников СМИ, которые определяют положение средств массовой информации в медиасистеме и способность их задавать информационную повестку. В условиях плюралистической модели взаимодействия власти и СМИ особое значение при реализации государственной информационной политики имеют средства массовой информации федерального уровня, транслируемые на всей территории страны.

Такие СМИ чаще всего контролирует государство или группы близкие к действующей власти, поэтому они зачастую имеют государственное финансирование. Данные СМИ играют ключевую роль в формировании федеральной информационной повестки. В создании региональной информационной повестки также активно участвуют региональные и межрегиональные средства массовой информации, не имеющие прямого государственного финансирования. В условиях конкурентного медиа рынка таким СМИ требуются дополнительные административно-правовые и информационные механизмы управления.

Материал поступил в редколлегию 12.06.2015 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бюджетное финансирование государственных СМИ сокращается на 10% [Электронный ресурс], 2015 // Накануне.RU : Рос. информ. агентство. 19 янв. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2015/1/19/22383895/> (дата обращения: 15.02.2015).

Государственные и частные СМИ [Электронный ресурс], 2003 // Отечеств. записки. № 4 (13). URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/4/gosudarstvennyye-i-chastnye-smi> (дата обращения: 15.02.2015).

Дьякова Е.Г. 2002. Массовая коммуникация и власть. Екатеринбург : УрО РАН. 299 с.

Дьякова Е.Г. 2004. Установление повестки дня как электоральная технология в современном электоральном цикле [Электронный ресурс]. URL: <http://www.espi.ru/Content/Conferences/Papers2004/Dyakova.htm> (дата обращения: 15.02.2015).

Кольцова О.Ю. 2001. Кто и как влияет на производство новостей в современной России // Pro et Contra. Т. 6, № 2. С. 80-106.

Липпман У. 2004. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М. : Ин-т Фонда «Обществ. мнение». 384 с.

Мартин У.Дж. 1989. Информационное общество. М. 648 с.

Новиков А.В. 1999. Роль средств массовой информации в формировании и реализации военной политики России в современных условиях // Военная политика России: прошлое, настоящее, будущее : материалы военно-теор. семинара-экспертизы. М. : Воен. ун-т РХБЗ.

Соловьев А.И. (ред.) 2004. Политические коммуникации / под ред. А.И. Соловьева. М. : Аспект Пресс. 332 с.

Попов В.Д. 2002. Государственная информационная политика: состояние и проблемы формирования // Массовые информационные процессы в современной России : очерки / отв. ред. А.В. Шевченко. М. : Изд-во Рос. акад. гос. службы.

Сатаров Г.А. 2007. Общественное мнение и общественное сознание: реальность и миф // ОНС : Обществ. науки и современность. № 4. С. 5-23.

Судоргин О.А. 2008. Информационная политика в информационном обществе: тавтология или смысловой детерминант? // Власть. № 9. С. 20-25.

Юдин И.В. 2009. Государственная информационная политика Российской Федерации: механизмы реализации в современных условиях : дис. ... канд. полит. наук. М. 211 с.

Федеральный закон от 27 декабря 1991 года № 2124-ФЗ «О средствах массовой информации» (ред. от 24 ноября 2014 года) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2014. № 42. Ст. 5613.

References

Byudzhetnoe finansirovanie gosudarstvennykh SMI sokrashchaetsya na 10% [Budget Financing of Public Media is Reduced by 10%], *Nakanune.RU : Ros. inform. agentstvo*, 2015, 19 January, available at: URL: <http://www.nakanune.ru/news/2015/1/19/22383895/> (accessed 15 February 2015). (in Russ.).

Dyakova E.G. *Massovaya kommunikatsiya i vlast'* [Mass Communication and Power], Ekaterinburg, UrO RAN, 2002, 299 p. (in Russ).

Dyakova E.G. *Ustanovlenie povestki dnya kak elektoral'naya tekhnologiya v sovremennom elektoral'nom tsikle* [Agenda-setting as an Electoral Technology in Modern Election Cycle], available at: <http://www.espi.ru/Content/Conferences/Papers2004/Dyakova.htm> (accessed 15 February 2015). (in Russ).

Federal'nyy zakon ot 27 dekabrya 1991 goda № 2124 –FZ «O sredstvakh massovoy informatsii» (red. ot 24 noyabrya 2014 goda) [Federal Law on December 27, 1991, № 2124-FZ «On Mass Media»], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2014, no. 42, art. 5613. (in Russ).

Gosudarstvennye i chastnye SMI [Public and Private Media], *Otechestvennye zapiski*, 2003, no. 4 (13), available at: <http://www.strana-oz.ru/2003/4/gosudarstvennye-i-chastnye-smi> (accessed 15 February 2015). (in Russ.).

Kol'tsova O.Yu. *Kto i kak vliyaet na proizvodstvo novostey v sovremennoy Rossii* [Who and How Influences the Production of News in Modern Russia], *Pro et Contra*, 2001, vol. 6, no. 2, pp. 80-106. (in Russ).

Lippman W. *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion], Moscow, In-t Fonda «Obshchestv. mnenie», 2004. 384 p. (in Russ).

Martin W.J. *Informatsionnoe obshchestvo* [Information society], Moscow, 1989, 648 p. (in Russ).

Novikov A.V. *Rol' sredstv massovoy informatsii v formirovanii i realizatsii voennoy politiki Rossii v sovremennykh usloviyakh* [The Role of Media in Shaping and Implementing of Russian Military Policy in Modern Conditions], *Voennaya politika Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee : materialy voenno-teor. seminarov-ekspertizy*, Moscow, Voenn. un-t RKhBZ, 1999, pp. (in Russ).

Popov V.D. *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika: sostoyanie i problemy formirovaniya* [State Information Policy: The Current State and Problems of Formation], A.V. Shevchenko (ed.) *Massovye informatsionnye protsessy v sovremennoy Rossii : ocherki*, Moscow, Izd-vo Ros. akad. gos. sluzhby, 2002, pp. (in Russ).

Satarov G.A. *Obshchestvennoe mnenie i obshchestvennoe soznanie: real'nost' i mif* [Public Opinion and Public Consciousness: Reality and Myth], *ONS : Obshchestv. nauki i sovremennost'*, 2007, no. 4, pp. 5-23. (in Russ).

Solovyov A.I. (ed.) *Politicheskie kommunikatsii* [Political Communications], Moscow, Aspekt Press, 2004, 332 p. (in Russ).

Sudorgin O.A. *Informatsionnaya politika v informatsionnom obshchestve: tautologiya ili smyslovoy determinant?* [Information Policy in the Information Society: a Tautology or Semantic Determinant?], *Vlast'*, 2008, no. 9, pp. 20-25. (in Russ).

Yudin I.V. *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika Rossiyskoy Federatsii: mekhanizmy realizatsii v sovremennykh usloviyakh: diss. ... kand. polit. nauk* [State Information Policy of the Russian Federation: Mechanisms of Realization in Modern Conditions: dissertation], Moscow, 2009, 211 p. (in Russ).

Dar'ia A. Zerkal', Post-graduate Student, Ural Federal University, Ekaterinburg.
Email: Dasha--Zerkal@yandex.ru

MASS MEDIA AS A TOOL OF STATE INFORMATION POLICY: MODELS OF AUTHORITY AND MEDIA INTERACTION

Abstract: State information policy is an important aspect of governance in the information society. Measures of the state information policy are implemented through various institutions such as public relations, analytical centers, the institutes of culture. However, media is the main mechanism of the implementation of the state information policy. Media are capable of creating an information agenda, which plays critical role in shaping public opinion. Therefore, control of mass media and the content of messages transmitted through them is one of the main tasks of the state information policy. Media of different levels forms media system, which requires different management approaches. The article describes basic mechanisms of media management in the implementation of the state information policy. The author describes various levels of media systems and analyzes characteristics of media on each of these levels. The article provides classification and description of the basic mechanisms of media management in the implementation of the state information policy.

Keywords: state information policy, mass media, information agenda, media system.

Научный ежегодник Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
2016. Том 16. Вып. 2, с. 105–120
<http://yearbook.uran.ru>

ЗАЩИТНИК ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА

УДК 342.57(470+571)(=1.2)

Наталья Алексеевна Филиппова

доктор юридических наук, кандидат политических наук,
заведующая кафедрой государственного и муниципального права
Сургутского государственного университета,
г. Сургут. E-mail: filip64@mail.ru

В статье исследован процесс формирования в субъектах Российской Федерации института специализированного уполномоченного по правам человека – защитника прав коренных народов; определены его хронологические границы и политическая география. Новые тенденции в развитии конституционного права субъектов Российской Федерации соотнесены с тенденциями развития федеральных институтов представительства и защиты прав человека, а также с опытом представительства национальностей в период социалистического государства. Показано, что перед субъектами Российской Федерации, решающими проблему защиты прав коренных народов, возникает два институциональных выбора. Во-первых, это выбор между государственным или общественным статусом защитника прав коренных народов. Во-вторых, если выбор сделан в пользу государственного статуса, то это выбор между учреждением специального омбудсмена (наряду с омбудсменом по защите прав общей компетенции) и отказом от учреждения новой государственной должности. Вместо этого омбудсмен по защите прав общей компетенции наделяется новым перечнем функций и полномочий в сфере защиты прав коренных народов. Проведен сравнительный анализ регионального законодательства, на основании которого предложена авторская типологизация уполномоченных по защите прав коренных малочисленных народов в субъектах Российской Федерации по критерию порядка формирования этого государственного органа, а именно, выделены парламентская (Красноярский край), смешанная (Камчатский край) и административная модели

(Республика Алтай) наделяния полномочиями защитника прав коренных народов в субъектах Российской Федерации как самостоятельного должностного лица субъекта РФ. Также в качестве типичной выделена югорская модель защиты прав коренных малочисленных народов, которая предполагает наделяние новыми полномочиями омбудсмена общей компетенции Уполномоченного по защите прав человека в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Названы основные юридические характеристики правового статуса защитника прав коренных народов, учрежденного в некоторых российских регионах, включая перечень полномочий защитника прав коренных народов. Показано влияние российских правовых традиций и новелл федерального законодательства на формирование института защитника прав коренных народов в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: уполномоченный по защите прав и свобод человека и гражданина в субъекте Российской Федерации, уполномоченный по правам народов, коренные малочисленные народы, защитник коренных народов

Конституционная доктрина Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации была сформирована в 1990-е гг. и довольно долго не меняла своего содержания. Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», который был принят в 1996 г., создал правовую основу деятельности федерального уполномоченного, фактически осуществляющего свои полномочия с 1994 г. Данным законом была предусмотрена лишь одна из моделей института – парламентская, в соответствии с требованиями статьи 103 Конституции РФ. Этот же закон предоставил субъектам РФ право учреждать аналогичные должности. Первыми среди регионов, воспользовавшихся этим правом, стали Республики Башкортостан и Татарстан, Свердловская область, Санкт-Петербург и некоторые другие субъекты РФ. В прошлом столетии в регионах России появилось чуть более полутора десятков региональных омбудсменов.

В государствах Восточной Европы и Балтийского региона, где аналогичный институт был учрежден несколько раньше, практически сразу начался процесс специализации уполномоченных по правам, отражающей и особенности предмета правовой защиты, и специфику защищаемых субъектов права. Для региона типичны специализированные омбудсмены – уполномоченные по правам детей (созданы в государствах Балтии) [Шалашевичуте 2006: 289] и по защите права на информацию (Венгрия) [Ленковикс 2006: 182].

Однако среди специализированных уполномоченных в этих государствах пока нет защитников прав коренных народов. Наиболее близким к такому омбудсмену является институт комиссара со специальными полномочиями по защите прав национальных и этнических меньшинств, возникший в Венгрии [Ленковикс 2006: 182]. Из государств «старой демократии» аналогичный институт имеется в Швеции и Австралии [Немечкин 2001: 124]. Для государств Европы в целом такую функцию осуществляет Верховный комиссар по делам национальных меньшинств (должность учреждена в 1982 г. на Хельсинкском саммите СБСЕ).

В России процессы специализации уполномоченных по защите прав начались позже. Институт Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав детей был учрежден в 2009 г., Уполномоченного по защите прав пред-

принимателей – в 2012 г. Среди общественных помощников последней функции также были разделены, что позволяет говорить о дальнейшей специализации омбудсменов в России. В частности, действуют общественные Интернет-омбудсмен, инвестиционный омбудсмен, налоговый омбудсмен, таможенный омбудсмен, омбудсмен в сфере борьбы с коррупцией и т.д., всего около двух десятков общественных омбудсменов. В процессе разработки находится законодательство о федеральном финансовом омбудсмене, при том что Ассоциация российских банков (АРБ) заявила о необходимости формирования такого института более десяти лет назад. В 2010 г. эту функцию на общественных началах стал осуществлять П.А. Медведев. В целом процесс специализация уполномоченных в России «обгоняет» процесс законодательного установления их статуса, что и объясняет распространение института общественных омбудсменов. Во всяком случае мы можем говорить об особой группе саморегулируемых отраслевых омбудсменов в России как о заметном правовом феномене [Эмих 2013].

В силу названных причин интерес к институту защитников прав в регионах в полной мере появился лишь к концу первого десятилетия XXI в. Под влиянием изменений федерального законодательства в субъектах РФ начали учреждать не только омбудсменов общей компетенции, но и специализированных уполномоченных. Помимо уполномоченных, отнесенных к числу государственных должностей субъектов РФ, назначали также общественных уполномоченных и общественных помощников «государственных» уполномоченных.

Важно подчеркнуть, что Россия уже имела собственный опыт полномочного представительства и защиты прав коренных народов. Характерно, что такой институт был сформирован именно в региональном формате. В 1921 г. Декретом ВЦИК и СНК были учреждены полномочные представительства при Народном комиссариате по делам национальностей. Такие представительства формировало каждое автономное образование (в тот период – только автономные республики и автономные области, так как автономных округов еще не было, существовали только национальные округа) [Белозерова 2008: 16]. Когда Наркомат по делам национальностей прекратил свое существование, институт полномочных представителей был сохранен, а сфера его применения даже расширена за счет национальных округов. Постановлением ВЦИК и СНК от 29 апреля 1929 г. было утверждено Положение об уполномоченных по делам национальных меньшинств [Постановление... 1929].

В апреле 1999 г. группа депутатов инициировала проект федерального закона «Об Уполномоченном Федерального Собрания по правам народов Российской Федерации», но он был отклонен Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации [Заметина 2014: 215-216].

Не удивительно, что в начале текущего столетия в субъектах РФ начались поиски собственных моделей защиты прав коренных малочисленных народов, которые стали частью процесса учреждения специализированных региональных омбудсменов. Одним из первых таких российских регионов стал Хабаровский край [Закон № 351, 2001]. В 2001 г. в этом субъекте Федерации была внедрена уникальная система *общественных представителей из*

числа самих коренных народов без формирования государственной должности омбудсмена. Уполномоченным представителем коренных малочисленных народов края мог быть избран не только гражданин из числа таких народов, но и община, общественная организация, ассоциация общин и организаций коренных народов. Однако перечень публичных прав таких уполномоченных представителей оказался невелик. В основном это было право внести предложение в Правительство края по вопросам, затрагивающим интересы аборигенов, участие в разработке соответствующих проектов нормативных правовых актов (включая региональные программы), а также осуществление различных форм общественного контроля. В 2010 г. все уполномоченные представители коренных народов были объединены в советы разных уровней: районные и городские (при соответствующих главах публично-территориальных образований) и при Губернаторе Хабаровского края. Иными словами, институт защитников прав коренных народов трансформировался в ставший уже привычным институт специализированных общественных советов при высших должностных лицах.

Вместе с тем на рубеже 10–20-х гг. XXI в. в субъектах РФ появился новый институт защиты прав коренных народов: уполномоченный по правам коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Новизна подхода заключалась в том, что учреждалась особая государственная должность субъекта Федерации – модификация специализированного омбудсмена. Опыт формирования такого института защитника коренных народов есть в четырех субъектах Российской Федерации: Красноярском крае (с 2007 г.), Камчатском крае, Якутии (с 2013 г.), Республике Алтай (с 2015 г.). Идет процесс формирования института в Бурятии. В июле 2015 г. Народным Хуралом были определены основы его правового положения. Временно деятельность Уполномоченного представителя по правам коренных народов Севера при Народном Хурале Республики осуществляется на общественных началах без учреждения государственной должности.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре попытка создания института защитника прав коренных народов оказалась нерезультативной. В феврале 2015 г. общественности был представлен проект окружного закона «Об Уполномоченном по правам коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», который был разработан Ассамблеей коренных народов Севера в составе окружной Думы. Однако Правительство округа посчитало этот проект слишком затратным для регионального бюджета (9 млн руб.) [Уполномоченного... 2015]. Поскольку в 2014 г. к Уполномоченному по правам человека в ХМАО-Югре поступило лишь 9 обращений от представителей этих народов, цена в 1 млн руб. за одно обращение была признана чрезмерной.

Между тем у института защитника коренных народов уже имеется солидное нормативное обоснование. Первое упоминание о такой государственной должности в субъекте РФ имеется в Указе Президента РФ от 4 декабря 2009 года № 1381 «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации» [Указ... 2009]. Затем эта государственная должность была упомянута в Федеральном законе «Об основах общественного контро-

ля в Российской Федерации» (2012 г.) [Федеральный закон № 212-ФЗ, 2014]. Наконец, 6 апреля 2015 г. федеральный законодатель принял пакет законопроектов [Федеральный закон № 76-ФЗ, 2015], направленных на регулирование статуса региональных омбудсменов, среди которых основными стали поправки в Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». В этом законе появилась новая глава 2.1, в которой сосредоточены рамочные правовые нормы, определяющие порядок формирования, деятельности и содержания юридической ответственности уполномоченных по правам человека и иных (специализированных) региональных омбудсменов.

В установленных федеральным законодательством рамках стали формироваться различные модели региональных уполномоченных по правам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Можно выделить как минимум четыре такие модели. Рассмотрим их в той последовательности, в какой они формировались.

Красноярская модель защитника прав коренных народов. Возникновение института Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в Красноярском крае было обусловлено процессом интеграции этого сложностроенного субъекта Федерации, объединением Красноярского края и двух автономных округов в его составе: Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского округов [Федеральный конституционный закон № 6-ФКЗ, 2005]. Новый субъект РФ возник 1 января 2007 г., переходный период составил год (до 31 декабря того же года). Согласно положениям объединительного закона, в течение переходного периода формировались органы государственной власти вновь созданного Красноярского края, в частности прошли выборы в Законодательное Собрание края. В соответствии с требованиями пункта 3 статьи 11 Федерального конституционного закона от 14 октября 2005 года № 6-ФКЗ в состав регионального парламента были избраны 52 депутата, из которых четверо должны были представлять население бывших автономных округов, а ныне административно-территориальных единиц края с особым статусом. Уставным законодательством края эти публично-территориальные образования названы районами.

Важно подчеркнуть, что упомянутые четверо депутатов формально не были представителями исключительно коренных народов. Российское избирательное законодательство не допускает формирования подобных квот в составе представительных органов. Хотя такая практика может складываться в силу парламентских традиций, когда в составе региональной думы формируется объединение депутатов-представителей коренных малочисленных народов с особым набором парламентских прав (как, например, в Ханты-Мансийском автономном округе). Более того, депутаты от новых районов не получили специального статуса в региональном парламенте. Согласно Уставному закону Красноярского края «О Законодательном Собрании Красноярского края» [Уставный закон № 8-2864, 2009], они не образовали депутатского объединения в составе регионального законодательного органа, не получили права законодательной инициативы или права

предварительного рассмотрения законопроектов, касающихся интересов коренных народов края, не говоря уже о других, более серьезных рычагах влияния на региональный законодательный процесс.

Таким образом, гарантия представительства изначально не рассматривалась как гарантия защиты интересов коренных народов, проживающих в этих автономных образованиях. Ставка была сделана на институт специализированного уполномоченного по защите их прав и интересов, который был создан в 2008 г. В итоге в этом крае сложилась уникальная и на сегодняшний день самая эффективная система защиты прав коренных народов с точки зрения и правового регулирования, и результатов деятельности защитника.

Согласно закону «Об Уполномоченном по правам человека в Красноярском крае» (принят в 2007 году) [Закон № 3-626, 2007], региональный омбудсмен наделен полномочием назначить двух специализированных уполномоченных: по правам ребенка и по правам коренных малочисленных народов. (В 2013 г. в краевое законодательство были внесены поправки и по бизнес-омбудсмену, но у него статус особый). Все трое омбудсменов учреждены как занимающие государственные должности края. Однако порядок их избрания разный. Уполномоченного по правам человека утверждают на должность непосредственно депутаты регионального парламента. При этом определен достаточно широкий круг субъектов, имеющих право предлагать кандидатуры на должность Уполномоченного в региональный парламент: Губернатор Красноярского края; депутаты Законодательного Собрания и их объединения; депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, которые избраны от Красноярского края; представительные органы муниципальных образований; Совет Гражданской ассамблеи Красноярского края; общественные объединения (но не политические партии), которые зарегистрированы и действуют на территории Красноярского края, если уставной целью деятельности этих общественных объединений является защита прав и свобод человека и гражданина.

А вот специализированных омбудсменов назначает уже вступивший в должность Уполномоченный по правам человека в крае, хотя и с согласия Законодательного Собрания края. Основы правового статуса уполномоченного по правам коренных народов регулирует краевой закон, а конкретизируется этот статус специальным Положением, которое утверждается приказом Уполномоченного по правам человека края (в настоящее время действует приказ от 18 декабря 2013 г. № 20). Согласно этому Положению, «общий омбудсмен» вправе назначать еще и представителей уполномоченного по правам коренных народов, действующих на территории муниципальных образований и работающих на общественных началах. Таким образом, деятельность уполномоченного по защите прав коренных народов охватывает всю территорию края, а не только территории бывших автономных округов (ныне муниципальных районов).

Так, в 2013 г., согласно ежегодному докладу краевого Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов, к нему поступило 109 обращений, среди которых от жителей Таймырского Долгано-Ненецкого и

Эвенкийского муниципальных районов – 95; оставшиеся 14 обращений – от жителей иных муниципальных образований.

Понятный интерес вызывает и перечень публичных прав и полномочий, предоставленных защитнику прав коренных народов. Он определен непосредственно законом края (пункт 3 статьи 22). Это: 1) рассмотрение обращений о нарушениях прав граждан из числа коренных народов и народов в целом и принятие по ним решений в пределах компетенции Уполномоченного; 2) право посещения органов государственной власти и органов местного самоуправления края; право знакомиться с условиями проживания и быта аборигенов; 3) ведение мониторинга выполнения федерального и краевого законодательства, регулирующего правовое положение коренных народов; 4) право внесения правотворческих (законодательных) предложений в органы государственной власти края; 5) право участия в работе совещаний и коллегий, проводимых органами государственной власти и органами местного самоуправления, если рассматриваются вопросы, затрагивающие интересы аборигенов; 6) полномочие доверенного представителя аборигенов в суде; 7) право взаимодействия с общественными объединениями и общественной палатой коренных народов края; 8) представление ежегодного доклада по соблюдению прав коренных малочисленных народов на территории края в Законодательное Собрание края.

Надо сказать, что объемные и содержательные доклады защитника включают десятки законодательных предложений, обобщение судебной практики по защите прав коренных народов, анализ не только краевой практики, но и практики защиты прав этих народов в других субъектах РФ.

Камчатская модель защитника прав коренных народов. В Камчатском крае институт Уполномоченного по защите прав коренных народов возник относительно недавно, в 2013 г. В отличие от Красноярского края, здесь был принят отдельный закон об этой государственной должности [Закон № 367, 2013]; фактически же уполномоченный приступил к работе только в 2014 г. Порядок его назначения в сравнении с красноярской моделью иной: кандидатуру предлагает Губернатор края, а избирает на должность Законодательное Собрание края. Однако очень важен момент условий реализации полномочий Губернатора: Губернатор представляет в Законодательное Собрание Камчатского края не более трех кандидатов для назначения на должность Уполномоченного с учетом мнения Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Камчатского края (п. 3 статьи 6 Закона). Объем и содержание полномочий и публичных прав сопоставимы с объемом и содержанием таковых у защитника прав коренных народов в Красноярском крае. Однако вместо права правотворческой инициативы имеется менее определенное право «участия в правотворческом процессе» (в каком качестве? только в качестве эксперта?); также Уполномоченный не рассматривается как участник судебного разбирательства на основании доверенности, но лишь «предлагает уполномоченным органам обратиться в суд с заявлением о защите нарушенных прав коренных малочисленных народов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» (пп. 4 пункта 1 статьи 8 Закона).

Камчатский край также относится к вновь образованным субъектам РФ. В процессе его образования прекратил существование Корякский автономный округ [Федеральный конституционный закон № 2-ФКЗ, 2006]. Объединительным Федеральным конституционным законом здесь также предусматривалось формирование квоты представительства жителей бывшего автономного округа в составе вновь избранного Законодательного Собрания. Это была самая внушительная квота (в сравнении с парламентами иных вновь образованных субъектов РФ): 10 депутатских мест из 50 (пп. 3 пункта 1 статьи 9 Федерального конституционного закона). Таким образом, возможность повлиять на законодательный процесс в интересах всех представляемых, в том числе и коренных народов, изначально была реальной. Но этот институт не был сохранен в Уставе нового субъекта Федерации (п. 3 статьи 14 Устава Камчатского края) [Устав № 414, 2008]. В настоящее время в крае действует однопалатный парламент в составе 28 депутатов, в котором не предусмотрено квоты представительства жителей Корякского округа как административно-территориальной единицы с особым статусом. То есть никаких институтов защиты прав коренных народов на уровне органов государственной власти к моменту учреждения защитника в этом субъекте РФ уже не было.

Модель защитника прав коренных народов в республиках в составе России – Республика Саха (Якутия), Республика Алтай, Республика Бурятия. Третья модель организации института уполномоченных по защите прав коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока формируется в республиках в составе Российской Федерации. Это такие республики как Республика Саха (Якутия), Республика Алтай, Республика Бурятия. В Республике Алтай была реализована только модель административного уполномоченного: 27 апреля 2015 г. Глава Республики Алтай назначил своим советником и одновременно Уполномоченным по защите прав коренных народов Евгения Танзыкова [Новый уполномоченный... 2015]. Однако уже в июле 2015 г. данная должность стала вакантной. В Бурятии, как уже отмечалось, только предполагается формирование общественного Уполномоченного. Поэтому наибольший интерес представляет опыт Якутии.

Закон «Об Уполномоченном по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)» был принят 24 июня 2013 г. [Закон № 1220-3, 2013]; в феврале 2014 г. новый омбудсмен приступил к работе. Порядок назначения защитника прав коренных народов в Якутии отличается от обеих ранее рассмотренных моделей; назначение на эту государственную должность осуществляет Глава Республики (указом), а не ее парламент; от представительного органа требуется лишь согласие на назначение. Несогласие Государственного Собрания с предложенной кандидатурой вынуждает Главу Республики вносить новую кандидатуру на должность Уполномоченного по правам коренных народов. Перечень полномочий защитника коренных народов принципиально не отличается от перечня Уполномоченного по правам коренных народов в Камчатском крае. «Новым» можно считать лишь полномочие предоставления правовой помощи, а также права по собственной инициативе принимать меры по защите прав коренных народов «при наличии информации о массовых нарушениях

прав малочисленных народов либо в случаях, связанных с необходимостью защиты интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты».

Итак, можно заметить, что перечень полномочий региональных уполномоченных по правам коренных народов становится все более унифицированным, что обусловлено рамочным регулированием этого института в федеральном законодательстве. Региональные вариации в основном сводятся к моделям избрания или назначения на должность и перечню требований к кандидатам. Именно с этой точки зрения целесообразно выделить три модели формирования Уполномоченного по защите прав коренных народов в северных регионах России: парламентскую, смешанную и административную (табл. 1). При этом требования к кандидатам на должности различаются не столь существенно (табл. 2).

Югорская модель защиты прав коренных малочисленных народов. Как уже отмечалось, инициатива учреждения специализированного уполномоченного по правам коренных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре не нашла поддержки у регионального законодателя. Вместо его учреждения было решено модернизировать уже имеющийся институт Уполномоченного по правам человека в ХМАО-Югре. Федеральный закон от 6 апреля 2015 г. № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека» [Федеральный закон № 76-ФЗ, 2015] предоставил субъектам РФ возможность возлагать на региональных Уполномоченных по правам человека функции уполномоченного по правам ребенка, уполномоченного по правам коренных малочисленных народов и других должностных лиц, уполномоченных осуществлять защиту прав отдельных категорий граждан в субъекте РФ (п. 21 ст.16.1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»). Иными словами, в субъекте Федерации возможно совмещение двух государственных должностей: должности неспециализированного (общего)

Таблица 1

Модели назначения (избрания) уполномоченных по правам коренных малочисленных народов в субъектах РФ

Парламентская	Смешанная	Административная
<i>Красноярский край</i>	<i>Камчатский край</i>	<i>Саха (Якутия)</i>
Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов назначает региональный Уполномоченный по правам человека с согласия регионального парламента.	Исключительное право внесения кандидатур Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов имеет глава субъекта РФ, решение о назначении принимает региональный парламент.	Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов назначает Глава республики с согласия регионального парламента.

Требования к кандидату на должность Уполномоченного по защите прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

<i>Красноярский край</i>	<i>Камчатский край</i>	<i>Саха (Якутия)</i>
<ul style="list-style-type: none"> • гражданин Российской Федерации • не моложе 30 лет • высшее образование • познания в области прав и свобод человека и гражданина, опыт их защиты 	<ul style="list-style-type: none"> • гражданин Российской Федерации • не моложе 35 лет • высшее образование, • познания в области обычаев и традиций, прав коренных малочисленных народов, опыт защиты прав коренных малочисленных народов 	<ul style="list-style-type: none"> • гражданин Российской Федерации • не моложе 35 лет • высшее образование • опыт работы в области защиты прав малочисленных народов

и специализированных омбудсменов. Именно этот вариант развития института, видимо, будет пока избран в Югре. Два последних доклада Уполномоченного по правам человека в ХМАО-Югре раскрывали именно это направление защиты прав [Создание условий... 2014; Уполномоченного... 2015].

В перспективе этот институт может быть сформирован с высокой долей вероятности. И выбирать, скорее всего, следует из двух первых моделей, адаптированных именно к процессу интеграции сложноустроенных субъектов РФ. Если процесс интеграции примет форму учреждения нового субъекта РФ, последует прекращение полномочий органов государственной власти округов. Прекратит свое существование Ассамблея коренных малочисленных народов Севера в составе Думы ХМАО-Югры. И в этом случае логичным было бы использование именно красноярской модели уполномоченного по защите прав коренных малочисленных народов Севера как наиболее эффективной.

Имеется достаточно оснований предположить, что югорский опыт будет использован и в других субъектах Российской Федерации. Проще возложить функции специализированного защитника прав коренных народов на Уполномоченного по правам с универсальной компетенцией, чей статус уже определен законом субъекта Федерации, а затем добиваться реальной специализации в сфере защиты прав благодаря разделению функций штата общественных помощников при нем. Мы полагаем, что выбор этой модели обусловлен не только ее экономичностью и простотой. Он отражает некоторые особенности эволюции института, который в 1990-е гг. имел в России характер заимствованного и лишь к настоящему времени начинает органично вписываться в национальную правовую систему. В Швеции (где институт возник), а впоследствии и в иных государствах континентальной Европы, формирование института омбудсмена было оборотной стороной укрепления парламентаризма. Публичное представительство (как функция формирования публичной воли) обособлялось от частного представитель-

ства (как функции выражения и защиты интересов). Необходимость признания и защиты отдельных интересов в публичном праве, которые при новой модели представительства могли быть просто не учтены, потребовала использования в публичном праве гибридных способов представительства. Такое представительство можно обозначить как представительство, подобное частноправовому [Филиппова 2011: 39, 54]. Оно является публичным по составу участников правоотношения, но аналогично частноправовому представительству по характеру юридической связи между ними. Примеров такого представительства в публичном праве много: это все разновидности полномочного представительства при органах власти, отчасти представительство субъектов федераций, а также институт уполномоченных по правам человека («защитников народа»), включая сюда всех специализированных омбудсменов.

Российское право характеризуется слабостью республиканской традиции в построении и функционировании институтов публичного представительства и наоборот – явно выраженной демократической традицией [Филиппова 2013]. Наряду с другими обстоятельствами, это способствует формированию в России модели делегативной демократии, где доминируют институты гражданского участия, а не институты публичного представительства. Подчиненный характер федерального и региональных парламентов – одна из причин относительной ограниченности публичных прав и полномочий омбудсменов с общей компетенцией. В таких условиях общественные специализированные омбудсмены (или общественные помощники государственных или муниципальных омбудсменов, а также общественные консультативные советы при уполномоченных по правам человека) могут быть более востребованными и эффективными.

Таким образом, для государств развивающейся демократии характерен не столько переход от генерации «классических» омбудсменов к специализированным (первые реализуют преимущественно функции парламентского контроля, а вторые – функцию публичной внесудебной защиты прав [Reif 2004: 333-334]). Как справедливо отмечает В.В. Чуксина, по пути специализации пошли и некоторые развитые демократические государства [Чуксина 2011: 53]. Куда важнее для России и иных государств – республик бывшего СССР другая тенденция: распространение общественных (саморегулируемых) омбудсменов, общественных помощников публичных омбудсменов и консультативных общественных советов при публичных омбудсменах, осуществляющих выражение и защиту специальных групп социально значимых интересов.

Материал представлен в редколлегию 21.08.2015 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белозерова М.В. 2008. Деятельность представительств и уполномоченных по делам национальных меньшинств Наркомнаца в Южной Сибири (1920-1930-е гг.) // Изв. Алтай. гос. ун-та. Вып. 4, [ч.] 4: Серия: История. Политология. С. 16-21.

Заметина Т.В. 2014. Институт Уполномоченного по правам народов: особенности становления, проблемы и перспективы развития в Российской Федерации // Ленингр. юрид. журн. № 2 (36). С. 209-221.

Доклад Уполномоченного по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре А.Л. Сидорова на круглом столе «Мировой опыт работы омбудсмена и защита прав национальных меньшинств в России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.upch.admhmao.ru/wps/portal/humn/home> (дата обращения: 17.08.2015).

Ленковикс Б. 2006. Мандат омбудсмана в национальном и общественном праве: настоящее и будущее // Омбудсманы мира. Ташкент : Большая энцикл. Узбекистана. С. 178-194.

Немечкин В.Н. 2011. Пути совершенствования реализации механизма прав национальных меньшинств в Российской Федерации // Социально-полит. науки. № 1. С. 122-125.

Новый Уполномоченный по защите прав коренных народов назначен в Горном Алтае [Электронный ресурс], 2015 // ФедералПресс. 27 апр. – URL: http://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/1430138270-novyi-upolnomochennyi-po-zashchite-prav-korennykh-narodov-naznachen-v-gornom-altae (дата обращения: 20.08.2015).

Создание условий для ведения традиционной хозяйственной деятельности титульных народов посредством нормотворческой деятельности органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс], 2014 : докл. Уполномоченного по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (г. Красноярск, 30 сентября 2014 года). URL: <http://www.upch.admhmao.ru/wps/portal/humn/home> (дата обращения: 20.07.2015).

Уполномоченного по коренным народам в Югре пока не будет [Электронный ресурс], 2015 // Сургутинтерновости. 20 февр. URL: http://in-ws.ru/?option=com_content&view=article&id=15498:2015-02-20-15-14-50&catid=101:2010-11-03-20-41-20&Itemid=198 (дата обращения: 20.07.2015).

Филиппова Н.А. 2011. Представительство субъектов Российской Федерации (доктринальные основы и особенности конституционно-правового регулирования) : дис. ... д-ра юрид. н. Екатеринбург. 479 с.

Филиппова Н.А. 2013. Новые институты гражданского участия в России как национальный вариант делегативной демократии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 13, вып. 2. С. 101-114.

Чуксина В.В. 2011. Специализированные институты по содействию и защите прав человека и «классический» омбудсмен: сравнительно-правовой анализ // Акад. юрид. журн. № 1. С. 52-60.

Шалашевичуте Р. 2006. Контролер по защите прав детей Литовской Республики // Омбудсманы мира. Ташкент : Большая энцикл. Узбекистана. С. 288-289.

Эмих В.В. 2013. Отраслевые саморегулируемые омбудсмены // Право и экономика. № 11. С. 21-27.

Reif L.C. (ed.) 2004. The ombudsman, good governance, and the international human rights system / ed. by Linda C. Reif. Hague : Martinus Nijhoff Publishers. 426 p.

Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 14 октября 2005 года № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2005. № 42. Ст. 4212.

Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 12 июля 2006 года № 2-ФКЗ «Об образовании в составе РФ нового субъекта РФ в результате

объединения Камчатской области и Корякского автономного округа» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2006. № 29. Ст. 3119.

Федеральный закон Российской Федерации от 6 апреля 2015 года № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека» // Рос. газ. 2015. 21 мая.

Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Рос. газ. 2014. 23 июля.

Указ Президента Российской Федерации от 4 декабря 2009 года № 1381 «О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2009. № 49, ч. 2. Ст. 5921.

Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета Народных Комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 29 апреля 1929 года «Об утверждении Положения об уполномоченных по делам национальных меньшинств» (утратил силу) // Собрание указов Рос. Совет. Федератив. Социалист. Республики. 1929. № 42. Ст. 449.

Устав Камчатского края от 4 декабря 2008 года № 141 (принят Законодательным Собранием Камчатского края 14 ноября 2008 г.). Петропавловск-Камчатский, 2008. 28 с.

Уставный закон Красноярского края от 29 января 2009 года № 8-2864 «О Законодательном Собрании Красноярского края» // Ведомости высш. органов гос. власти Краснояр. края. 2009. № 9 (305).

Закон Республики Саха (Якутия) от 24 июня 2013 года № 1220-3 N 1327-IV «Об Уполномоченном по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sakha.gov.ru/node/180224> (дата обращения: 17.08.2015).

Закон Камчатского края от 19 декабря 2013 года № 367 «Об Уполномоченном по правам коренных малочисленных народов в Камчатском крае» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=2355636> (дата обращения: 17.08.2015).

Закон Красноярского края от 25 октября 2007 г. № 3-626 «Об Уполномоченном по правам человека в Красноярском крае» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/496/print/yes> (дата обращения: 17.08.2015).

Закон Хабаровского края от 27 ноября 2001 года № 351 «Об уполномоченном представителе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в Хабаровском крае» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/995105495> (дата обращения: 17.08.2015).

References

Belozerova M.V. *Deyatel'nost' predstavitel'stv i upolnomochennykh po delam natsional'nykh men'shinstv Narkomnatsa v Yuzhnoy Sibiri (1920-1930-e gg.)* [Activity of the representative offices and commissioners on national minorities affairs of People's Commissariat on National Affairs in South Siberia (1920–1930)], *Izv. Altay. gos. un-ta*, 2008, iss. 4, pt. 4, pp. 16-21. (in Russ.).

Chuksina V.V. *Spetsializirovannye instituty po sodeystviyu i zashchite prav cheloveka i «klassicheskiy» ombudsmen: sravnitel'no-pravovoy analiz* [Specialized institutes on human rights promotion and protection and “classic” ombudsman: comparative law analysis], *Akad. yurid. zhurn.*, 2011, no. 1, pp. 52-60. (in Russ.).

Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre A.L. Sidorova na kruglom stole «Mirovoy opyt raboty ombudsmena i zashchita prav natsional'nykh men'shinstv v Rossii» [Report of the Commissioner on human rights in

Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra A.L. Sidorov during round-table “World experience of ombudsman functioning and protection of national minorities rights”, available at: <http://www.upch.admhmao.ru/wps/portal/humn/home> (accessed 17 August 2015). (in Russ.).

Emikh V.V. *Otraslevye samoreguliruemye ombudsmeny* [Industry self-regulatory ombudsmen], *Pravo i ekonomika*, 2013, no. 11, pp. 21-27. (in Russ.).

Federal'nyy konstitutsionnyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 12 iyulya 2006 g. № 2-FKZ “Ob obrazovanii v sostave RF novogo sub»ekta RF v rezul'tate ob»edineniya Kamchatskoy oblasti i Koryakskogo avtonomnogo okruga” [Federal Constitutional Law of July 12, 2006 No. 2-FKZ on the Formation of the New Subject of the Russian Federation by integration of Kamchatsk oblast and Koryaks Autonomous Okrug], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2006, no. 29, art. 3119. (in Russ.).

Federal'nyy konstitutsionnyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 14 oktyabrya 2005 g. № 6-FKZ “Ob obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novogo sub»ekta Rossiyskoy Federatsii v rezul'tate ob»edineniya Krasnoyarskogo kraya, Taymyrskogo (Dolgano-Nenetskogo) avtonomnogo okruga i Evenkiyskogo avtonomnogo okruga” [Federal Constitutional Law of October 14, 2005 No. 6-FKZ on the Formation of the New Subject of the Russian Federation by integration of Krasnoyarsk Kray, Taymir (Dolgano-Nenets) Autonomous Okrug and Evenk Autonomous Okrug], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2005, no. 42, art. 4212. (in Russ.).

Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 21 iyulya 2014 goda № 212-FZ “Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law of the Russian Federation of July 21, 2014 No. 212-FZ on Fundamentals of Public Control in the Russian Federation], *Ros. gaz.*, 2014, 23 July. (in Russ.).

Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 6 aprelya 2015 g. № 76-FZ “O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v tselyakh sovershenstvovaniya deyatel'nosti upolnomochennykh po pravam cheloveka” [Federal Law of the Russian Federation of April 6, 2015 No. 76-FZ on Amendments to the Certain Legislative Acts of the Russian Federation for Improving Activity of the Commissioners on Human Rights], *Ros. gaz.*, 2015, 21 May. (in Russ.).

Filippova N.A. *Novye instituty grazhdanskogo uchastiya v Rossii kak natsional'nyy variant delegativnoy demokratii* [New institutes of civil participation in Russia as national variant of delegative democracy], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2013, vol. 13, iss. 2, pp. 101-114. (in Russ.).

Filippova N.A. *Predstavitel'stvo sub»ektov Rossiyskoy Federatsii (doktrinal'nye osnovy i osobennosti konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya) : dis. ... d-ra yurid. n.* [Representation of the subjects of the Russian Federation (doctrinal foundations and peculiarities of constitutional law regulation): dissertation], Ekaterinburg, 2011, 479 p. (in Russ.).

Lenkoviks B. *Mandat ombudsmena v natsional'nom i obshchestvennom prave: nastoyashchee i budushchee* [Ombudsman mandate in national and public law: presence and future], *Ombudsmany mira*, Tashkent, Bol'shaya entsikl. Uzbekistana, 2006, pp. 178-194. (in Russ.).

Nemechkin V.N. *Puti sovershenstvovaniya realizatsii mekhanizma prav natsional'nykh men'shinstv v Rossiyskoy Federatsii* [Ways of improving the realization of the national minorities' rights mechanism in the Russian Federation], *Sotsial'no-polit. nauki*, 2011, no. 1, pp. 122-125. (in Russ.).

Novyy Upolnomochenny po zashchite prav korennykh narodov naznachen v Gornom Altae [New Commissioner on indigenous peoples' rights protection was appointed in Gorniy Altay], *FederalPress*, 2015, 27 April, available at: http://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/1430138270-novyi-upolnomochennyi-po-zashchite-prav-korennykh-narodov-naznachen-v-gornom-altae (accessed 20 August 2015). (in Russ.).

Postanovlenie Vserossiyskogo Tsentral'nogo Iсполnitel'nogo Komiteta Soveta Narodnykh Komissarov Rossiyskoy Sovetskoy Federativnoy Sotsialisticheskoy Respubliki ot 29 aprelya 1929 g.

“Ob utverzhdenii Polozheniya ob upolnomochennykh po delam natsional'nykh men'shinstv” (utrati silu) [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of April 29, 1929 on the Adoption of Provisions on the Authorized Persons on National Minorities' Affairs (invalid)], *Sobranie ukazov Ros. Sovet. Federativ. Socialist. Respubliki*, 1929, no. 42, art. 449. (in Russ.).

Reif L.C. (ed.) *The ombudsman, good governance, and the international human rights system*, Hague, Martinus Nijhoff Publishers, 2004, 426 p.

Shalashovichute R. *Kontroler po zashchite prav detey Litovskoy Respubliki* [The Luthuanian Controller for the Protection of the Rights of the Child], *Ombudsmany mira*, Tashkent, Bol'shaya entsikl. Uzbekistana, 2006, pp. 288-289. (in Russ.).

Sozdanie usloviy dlya vedeniya traditsionnoy khozyaystvennoy deyatel'nosti titul'nykh narodov posredstvom normotvorcheskoy deyatel'nosti organov gosudarstvennoy vlasti Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry : dokl. Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre (g. Krasnoyarsk, 30 sentyabrya 2014 goda) [Forming the conditions for conducting the traditional economic activity of title peoples through law-making activity of Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra bodies of state power: report of Commissioner on Human Rights Protection in Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra (Krasnoyarsk, September 30, 2014)], available at: <http://www.upch.admhmao.ru/wps/portal/humn/home> (accessed 20 July 2015). (in Russ.).

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 4 dekabrya 2009 goda № 1381 “O tipovykh gosudarstvennykh dolzhnostyakh sub>ektiv Rossiyskoy Federatsii” [Order of the President of the Russian Federation of December 4, 2009 No. 1381 On the Typical Public Positions of the Subjects of the Russian Federation], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2009, no. 49, pt. 2, art. 5921. (in Russ.).

Upolnomochennogo po korennyim narodam v Yugre poka ne budet [Commissioner on indigenous peoples won't be for a while in Yugra], *Surgutinternovosti*, 2015, 20 February, available at: http://in-ws.ru/?option=com_content&view=article&id=15498:2015-02-20-15-14-50&catid=101:2010-11-03-20-41-20&Itemid=198 (accessed 20 July 2015). (in Russ.).

Ustav Kamchatskogo kraja ot 4 dekabrya 2008 g. № 141 (prinyat Zakonodatel'nym Sobranie Kamchatskogo kraja 14 noyabrya 2008 g.) [Charter of Kamchatsk Krai of December 4, 2008 No. 148 (adopted by Legislative Assembly by Kamchatsk Krai on November 14, 2008)], *Petropavlovsk-Kamchatsky*, 2008, 28 p. (in Russ.).

Ustavnyy zakon Krasnoyarskogo kraja ot 29 yanvarya 2009 goda № 8-2864 “O Zakonodatel'nom Sobranii Krasnoyarskogo kraja” [Charter Law of Krasnoyarsk Krai of January 29, 2009 No. 8-2864 on the Legislative Assembly of Krasnoyarsk Krai], *Vedomosti vyssh. organov gos. vlasti Krasnoyarskogo kraja*, 2009, no. 9 (305), pp. 7-21. (in Russ.).

Zakon Kamchatskogo kraja ot 19 dekabrya 2013 goda № 367 “Ob Upolnomochennom po pravam korennykh malochislennykh narodov v Kamchatskom krae” [Law of the Kamchatsk Krai of December 19, 2013 No. 367 on the Commissioner on the Rights of the Indigenous Not Numerous peoples in the Kamchatsk Krai], available at: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=2355636> (accessed 17 August 2015). (in Russ.).

Zakon Khabarovskogo kraja ot 27 noyabrya 2001 g. № 351 “Ob upolnomochennom predstavitele korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii v Khabarovskom krae” (s izm. i dop.) [Law of Khabarovsk Krai of November 27, 2001 No. 351 on the Authorized Representative of the Indigenous Not Numerous peoples of the North, Siberia and Far East of the Russian Federation in Khabarovsk Krai], available at: <http://docs.cntd.ru/document/995105495> (accessed 17 August 2015). (in Russ.).

Zakon Krasnoyarskogo kraja ot 25 oktyabrya 2007 g. № 3-626 “Ob Upolnomochennom po pravam cheloveka v Krasnoyarskom krae” [Law of the Krasnoyarsk Krai of October 25, 2007 No. 3-626 on the Commissioner on Human Rights in the Krasnoyarsk Krai], available

at: <http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/496/print/yes> (accessed 17 August 2015). (in Russ.).

Zakon Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 24 iyunya 2013 g. № 1220-Z N 1327-IV "Ob Upolnomochennom po pravam korennykh malochislennykh narodov Severa v Respublike Sakha (Yakutiya)" [Law of the Sakha (Yakutia) Republic of June 24, 2013 1220-Z No. 1327-IV on the Commissioner on the Rights of the Indigenous Not Numerous peoples of the Far North in the Sakha (Yakutia) Republic], available at: <http://www.sakha.gov.ru/node/180224> (accessed 17 August 2015). (in Russ.).

Zametina T.V. *Institut Upolnomochennogo po pravam narodov: osobennosti stanovleniya, problemy i perspektivy razvitiya v Rossiyskoy Federatsii* [Institute of the Commissioner on the Peoples' Rights: peculiarities of establishment, problems and prospects of development in the Russian Federation], *Leningr. yurid. zhurn.*, 2014, no. 2 (36), pp. 209-221. (in Russ.).

Natalia A. Filippova, Doctor of Law, Candidate of Political Sciences, Director, Faculty of State and Municipal Law, Surgut State University, Surgut. E-mail: flip64@mail.ru

DEFENDER OF INDIGENOUS RIGHTS IN REGIONS OF RUSSIA: FORMATION OF THE INSTITUTE

Abstract: The article considers the process of establishment of human-rights ombudsman institution (the Ombudsman for Indigenous Peoples' rights) in federal subjects of the RF. The author defines its chronological period and political geography. New tendencies in the development of the federal subjects' constitutional law are compared with those of federal institutions of representation and human rights, alongside with the practices of nationalities representation under socialism. The author underlines the fact that federal subjects in trying to solve the problem of indigenous peoples' rights are face by two institutional options. Firstly, it is the choice between state and public status of the Ombudsman for Indigenous peoples' rights. Secondly, if the choice is made in favor of the state Ombudsman, it results in the choice between the establishment of a special ombudsman (along with an ombudsman for general competence rights), and in the renunciation of a new post. Instead, an ombudsman for general competence rights is entitled with a new list of functions and powers in indigenous peoples' rights protection. The author conducts comparative analysis of regional legislation and offers her own classification of Ombudsmen for Indigenous Peoples' rights in Russia's federal subjects. The classification based on the state authority formation procedure criterion includes the following models of empowering an ombudsman as an independent official: parliamentary (Krasnoyarsk Krai), mixed (Kamchatka Krai) and administrative (Altai Republic). Ugra model of indigenous peoples' rights protection is also singled out. It presupposes a wider list of powers for the ombudsman of the general competence, the ombudsman for human rights in Khanty-Mansyisk autonomous okrug-Ugra. The author indicates the main characteristics of the legal status of the Ombudsman for Indigenous Peoples' rights established in some Russian regions, and includes a list of this official's powers.

Keywords: commissioner for the protection of the rights and freedoms of citizen in Member of Russian Federation; Commissioner for the rights of peoples; indigenous peoples; defender of indigenous peoples.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ МОДЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

УДК 340.11

Виктор Сергеевич Плетников

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург.
E-mail: pvs80@mail.ru

На основе анализа естественнонаучных исследований и работ представителей гуманитарных наук сформулировано понятие «модель», используемое в современной отечественной юриспруденции, сложившееся в рамках аналитической юриспруденции, юридического позитивизма. Модель в юриспруденции – это интеллектуально-волевое описание, в достаточной степени повторяющее существенные свойства моделируемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни, сформировавшееся под влиянием всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития. Также были выделены и раскрыты основные характеристики модели в юриспруденции: непосредственно связана с субъектом, осуществляющим познание того либо иного объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни, только в результате его деятельности возможно ее появление; повторяет в достаточной степени существенные свойства моделируемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни; включает в себя описание (характеристику) тех либо иных элементов, являющихся частями единой системы, составляющих основу соответствующего объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни; формируется в нечто целое, функциональное, только при учете всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития, которые должны быть учтены представителями юридической науки при проведении исследований государственно-правовой реальности. Сделан вывод о том, что конкретный объем содержания данных характеристик определяется разновидностью модели и выполняемых ею функций. Особое внимание уделено видам модели в юриспруденции. Предложены те из них, которые напрямую происходят из основных характеристик и позволяют раскрыть содержание понятия «модель в юриспруденции». Сформулирован вывод о том, что модели в юриспруденции могут иметь разную природу и как следствие – играть разную роль в развитии юриспруденции, совершенствовании общественных отношений. Наибольшее значение для юридической науки имеют юридически значимые (правоведческие или доктринальные) модели, анализу которых необходимо уделять первостепенное внимание. Остальные модели в юриспруденции имеют ряд ограничений с точки зрения их реализации на практике.

Ключевые слова: модель в юриспруденции, юридически значимая модель, юриспруденция.

С античных времен понятие модели как упрощенного подобия и процессы, связанные с его построением (проектированием) служат основой для проведения качественного научного исследования. Так, Аристотель в своих естественнонаучных работах широко применял как дедукцию, так и метод моделирования [Уемов 1971: 3]. И. Ньютон в работе «Математические начала натуральной философии» [Ньютон 1989: 501-503] при описании системы мира предложил правила философствования (правила умозаключений в физике), которые и по сей день являются основой для моделирования. О модели в «Балтиморских лекциях» пишет У. Томсон (Кельвин) [Kelvin 1904]. В целом исследователи на протяжении всей истории формирования научного знания вплоть до XIX–XX вв. обращались в своих работах к моделям, но делали скорей это интуитивно. Лишь благодаря представителям математической науки (Дж. Буль, Э. Бельтрам, Ф. Клейн, Д. Гильберт, А.И. Мальцев и др.), а позже и логической семантики (Г. Фреге, Р. Карнап, А. Черч, А. Тарский и др.) в XIX–XX вв. понятие «модель» получает минимально необходимое научное обоснование и может использоваться во всех сферах научного знания.

XX в. внес свои коррективы: формируется кибернетика как самостоятельное научное направление. В итоге не обращать внимания на модель и моделирование как элементы научного познания уже невозможно. В 1945 г. появляется работа А. Розенблюта и Н. Винера, в которой они закладывают основы фундаментального анализа рассматриваемой проблематики [Rosenblueth A., Wiener N. 1945].

В середине XX в. также появляется ряд отечественных работ, в которых была предпринята попытка расставить основные акценты, определяющие характер исследований вопроса моделирования. Это труды таких авторов, например, как В.А. Штофф [Штофф 1963; Штофф 1966], Б.А. Глинский [Моделирование... 1965], А.И. Уемов [Уемов 1971], Б.В. Бирюков [Бирюков, Геллер 1973] – современная методологическая основа моделирования в науке.

Почти сразу в научной литературе появляются исследования, посвященные частным вопросам моделирования. Начинается построение конкретных моделей в разных отраслях научного знания [Товма 1977; Ковальченко 1978]. Представители юридической науки (аналитической юриспруденции, юридического позитивизма), зная о многообразии исторически сложившихся взглядов на понятие модель, учитывая особенности предмета юриспруденции, идут своим путем к формированию содержания данного понятия.

В начале этого пути понятие «модель» в юриспруденции используют не часто, лишь немногие авторы. Например В.Д. Рудашевский [Рудашевский 1980] и В.А. Леванский [Леванский 1986] допускают возможность его применения в правоведении. Постепенно интерес к модели как результату моделирования начинают проявлять видные представители юридической науки, а также их ученики. Моделирование становится одним из основных философских (общелогических) методов научного познания объекта юридической

науки, а также основой для построения соответствующих юридических конструкций.

Возможно благодаря работе А.Ф. Черданцева [Черданцев 1993; Черданцев 2012], в которой он обращается к трудам В.А. Штоффа [Штофф 1966], модель и моделирование в начале 90-х гг. XX в. становятся инструментами юридической науки, востребованными для познания, построения и толкования государственно-правовой реальности. В целом представители уральской школы теории права С.С. Алексеев [Алексеев 2010: 221-235], Н.Н. Тарасов [Тарасов 2001: 162-164, 252-254] в этот период активно используют в своих трудах термин «модель», закладывая качественную основу для продолжения исследований в данной области юридической науки.

Век XXI становится эпохой, когда появляются публикации, научные диссертации, в которых авторы обращаются не столько к понятию «модель», сколько к самому термину, используя его для наименования конкретных, сложившихся в правовой реальности моделей. На данном этапе необходимо уточнить, что термин и понятие соотносятся как категория лингвистики и категория логики. Термин здесь не что иное как имя понятия [Буянова 2012: 165-188]. В частности, сегодня представители науки используют термин «модель» применительно к правовому, социальному, российскому государству; теории права; естественному праву; юридической ответственности; системе семейного законодательства; конституционной юстиции; деятельности прокурора; доверительной собственности; уголовно-процессуальной защите; преступной деятельности; благотворительности и многим другим явлениям и процессам [Лобовиков 2001; Лобовиков 2002; Цыбиков 2006; Прокопович 2010; Шапошников 2010; Мень 2010; Чурикова 2010; Соколова 2011; Насонова 2011; Матушкина 1997; Чернега 1998; Баранов 2013; Левушкин 2013; Данилова 2013]. С сожалением приходится констатировать, что анализ понятия «модель» в данных работах отсутствует.

В публикациях современных представителей теоретической юриспруденции в лучшем случае можно встретить раскрытие отдельных аспектов понятия модель, да и то лишь в рамках анализа несколько иных аспектов проблемы. Примером может служить исследование Е.Н. Салыгина, в котором он в процессе анализа проблем и перспектив моделирования в праве отмечает, что модель воспроизводит свойства оригинала, представляющего познавательный интерес; «упрощает и схематизирует исходную реальность; позволяет понять структуру, функции, особенности взаимодействия элементов объекта, причинно-следственные связи между ним, дать вероятностный прогноз изменений объекта» [Салыгин 2013: 13-14].

Сегодня можно выделить лишь одну работу, в которой автор уделяет внимание понятию «модель» как необходимому инструментарию юридической науки и проводит его системный анализ. Это исследование А.С. Безрукова [Безруков 2008], правда, автор в ходе исследования делает вывод только о существовании правовой модели. Он так и называет свое исследование «Правовая модель как инструмент юридической науки и практики». Автор даже формулирует свое «операциональное» определение правовой модели: «это созданная в результате абстракции, идеализации (для теоретических и

метатеоретических моделей) или наблюдения (для материальных моделей) форма отражения правовой (или окружающей) действительности, находящаяся в отношении соответствия с исследуемым объектом, служащая средством отвлечения и выражения внутренней структуры сложного правового явления (или наглядности в описании объектов материального мира), несущая информацию об объекте или выполняющая специальную описательную (демонстрационную) задачу» [Безруков 2008: 20].

Но по ходу работы так и осталось не уточненным, почему лишь после девяти страниц перечисления случаев употребления слова «модель» в юридических исследованиях, а также дефиниций, относящихся к данному термину, автор вдруг приходит к выводу о существовании правовой модели – это, во-первых. Во-вторых, в определении автор дает большое количество пояснений, применив которые возникает ощущение, что описываемое явление никак не относится к «правовой» модели. Автор сам того не подозревая формулирует два определения: одно – характеризующее модель (в том числе в праве), а второе – правовую модель. В-третьих, на что следует обратить внимание, автор сам себя ограничивает, останавливаясь только на явлении как объекте юридической науки: говоря о «правовом» явлении, государство является правовым явлением? В-четвертых, автор оставил без пояснения вопрос: правовая модель выступает в качестве некоторой абстракции или является некоторым реальным воплощением соответствующей абстракции, что в принципе также ограничивает возможности исследователя либо делает проведенное исследование незавершенным. А в остальном с автором в принципе можно согласиться.

Переходя к анализу понятия «модель», используемого в современной отечественной юридической науке, первоначально кратко остановимся на его содержании. При этом мы не будем претендовать на всеохватность, а лишь определимся с границами исследуемого явления.

В работе «Конституционно-правовые основы разграничения бюджетных полномочий между органами государственной власти субъектов и органами местного самоуправления в Российской Федерации» [Плетникова, Плетников 2011] нами было предложено *рассматривать модель как образ (интеллектуально-волевое отражение) объекта, процесса или явления, в достаточной степени повторяющий существенные свойства моделируемого объекта, процесса или явления.*

Единственное, на что следует обратить внимание с учетом апробации данных философско-теоретических измышлений: предложенное определение модели необходимо дополнить характеристикой как «сформировавшейся под влиянием всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития». Несколько аргументов в пользу данного тезиса. Процесс познания осуществляется только человеком или группой людей и соответственно необходимо учитывать ту совокупность факторов, которая предопределяет конечный результат. Здесь речь может идти как об уровне и качестве знаний соответствующего общества (человека), так и о тех политических, экономических и иных проблемах, которые существуют в жизни данного исследователя. Другими словами, важно обращать внимание

на конкретный исторический период развития конкретного общества, в ходе которого формируется содержание конкретной модели. Аналогичных действий по конкретизации содержания понятия «модель» от нас требует и принцип плюрализма научного познания.

Уточняя и конкретизируя предложенное раннее понятие применительно к юридической науке в целом, отметим, что *модель в юриспруденции* – это интеллектуально-волевое описание, в достаточной степени повторяющее существенные свойства моделируемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни, сформировавшееся под влиянием всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития.

Следует также учитывать, что это лишь один подход из немногих к интерпретации содержания данного понятия. Такое видение модели в юриспруденции позволяет как нельзя более полно описать содержание объекта, процесса и/или явления и при этом применять термин «модель» к различным их проявлениям. То есть каждый признак, вытекающий из данной дефиниции, может быть использован в качестве самостоятельного основания для выделения конкретных видов модели в юриспруденции. Важно также понимать, что на основе данного понятия можно говорить о создании любой модели в юриспруденции независимо от области юридического знания, с учетом тех целей, которые ставит перед собой исследователь (автор), ее функционального предназначения и той действительности, которая нуждается в исследовании.

Прежде чем переходить к характеристике понятия «модель», сформировавшегося на современном этапе развития юридического знания, необходимо уточнить, что модели в юриспруденции могут иметь разную природу, играть разную роль в развитии юриспруденции, совершенствовании общественных отношений. Так, модели могут быть утопичными, а могут быть созданными для внесения реальных преобразований в общественную жизнь ради достижения конкретного юридически значимого результата, то есть юридически значимыми (правоведческими или доктринальными). Суть уточнения в том, что в современной отечественной юриспруденции, построенной на основе юридического позитивизма, утопичные модели не имеют значения, не играют серьезной роли в государственно-правовом строительстве. Они являются частью нашей истории (современной истории). Их изучают в курсе истории политических и правовых учений, политологии, порой они проникают в программную документацию тех или иных субъектов политической жизни. Но далее с учетом прагматической природы российского общества в сфере практической реализации они теряют свою силу и возможности. Следовательно, несмотря на общность характеристик утопичных и юридически значимых моделей в юриспруденции первые будут иметь некоторые, порой достаточно серьезные ограничения с точки зрения реализации на практике.

Во-первых, следует обратить внимание на то, что модель в юриспруденции выступает в качестве интеллектуально-волевого описания того или иного объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни. То есть

модель непосредственно связана с субъектом, осуществляющим познание, только в результате его деятельности возможно ее проявление. Здесь, принципиальным является также тот факт, что моделирование какого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни осуществляется. Для юридической науки и практики – это, как правило, объекты, процессы и явления государственно-правовой действительности, например государство, право, механизм правового регулирования, состав правонарушения, место преступления и др.

В зависимости от возможностей познающего субъекта и стоящих перед ним целей происходит образование разных по своей форме моделей: идеальной, должной и/или реальной. *Идеальная* модель выступает в качестве некоторой абстракции по отношению к оригиналу (абстракцией высшего уровня) и имеет различные формы проявления. Так, например, о теоретических моделях писал В.С. Степин: «в качестве их элементов выступают абстрактные объекты (теоретические конструкты), которые находятся в строго определённых связях и отношениях друг с другом» [Степин, Горохов, Розов 1996: 121]. *Реальная* модель, в достаточно большом количестве исследований ее еще называют материальной, это другая сторона процесса моделирования. В рамках данной разновидности модель выступает не абстракцией по отношению к объекту, а некоторым реальным воплощением соответствующей абстракции. И в связи с тем, что мы говорим об юридической науке, возникает необходимость вести речь о *должной модели*, которая занимает срединное положение между идеальной и реальной.

Такая необходимость возникает в первую очередь в рамках аналитической юриспруденции, юридического позитивизма, поскольку здесь только закрепленная в тексте правового предписания модель имеет значение для государственно-правового строительства. Особенностью ее является то, что она может одновременно быть как идеальной моделью по отношению к реальной, так и реальной моделью по отношению к идеальной. Зависит это, например, от глубины исследованности того либо иного объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни.

Во-вторых, если вести речь о модели в юриспруденции, то следует указывать на тот факт, что модель в обязательном порядке включает в себя описание (характеристику) тех или иных элементов, являющихся частями единой системы, составляющих основу соответствующего объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни. Конкретный набор и количество таких элементов установить в рамках общего исследования не представляется возможным, поскольку их количество и качество зависит от исследуемого объекта, процесса или явления. Например, механизм правового регулирования состоит из одного набора элементов его составляющих, а состав правоотношения – из другого, норма права – из третьего (если их рассматривать как соответствующие модели).

Исходя из данной характеристики модели можно говорить о существовании изоморфной (завершенной, полной, интегрированной) и гомоморфной (незавершенной, неполной) модели объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни. *Изоморфная модель* встречается в

основном в теории юридической науки. Такие модели свойственны теории государства и права, также такая модель формируется, как правило, в процессе правотворческой деятельности на стадии подготовительного правотворчества (по сути опять же в теории). *Гемоморфные модели* чаще встречаются в практической юридической деятельности, и создание их зависит в основном от вида юридической деятельности и функций субъектов, осуществляющих те либо иные задачи в ходе данного вида юридической деятельности. Встречаются достаточно часто такие модели и в процессе теоретической (исследовательской) юридической деятельности, что связано в большинстве своем с целями проводимого исследования.

При этом важно понимать, что не всякая совокупность элементов способна сформировать модель объекта, процесса или явления государственно-правовой реальности, важно присутствие и других свойственных ей характеристик.

В-третьих, характерной особенностью модели в юриспруденции является то, что она выступая неким интеллектуально-волевым отражением должна в достаточной степени повторять существенные свойства моделируемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни. Именно эта характеристика модели делает ее интересной для использования как юристами теоретиками, так и практиками. Модель, в первую очередь, является категорией гносеологии, то есть средством (инструментом) с помощью которого происходит познание государственно-правовой реальности.

Модель дает возможность исследователю (и теоретику, и практику) интерпретировать природу объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни. Любые исследователи заинтересованы в том, чтобы уяснить природу соответствующего объекта познания, при необходимости разъяснить третьим лицам и принять меры для решения проблемы несоответствия модели, нарушения требований, принципов построения модели. Также данный признак модели позволяет говорить о прогностических ее возможностях. Например, на основании идеальной модели (особенно созданной властью субъектом), выявленных структурных или функциональных особенностей (закономерностей) взаимодействия ее элементов, можно выдвигать прогнозы о дальнейшем развитии конкретного объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни (предвидеть его будущее). Выделение совокупности существенных свойств в достаточной степени повторяющих моделируемый объект, процесс или явление государственно-правовой жизни позволяет в том числе осуществлять оценочную деятельность посредством соотнесения, происходящего в государственно-правовой жизни с существенными свойствами, представленными в рамках идеальной модели. Немаловажной возможностью, которая предоставляется благодаря концентрации существенных свойств объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни является наглядная демонстрация, в частности, структурных, функциональных возможностей объекта познания, что в свою очередь должно способствовать выработке и принятию наиболее верного решения в конкретной ситуации.

Следует отметить, что с данных позиций модель позволяет не только получать определенные знания о государственно-правовой реальности, но и преобразовывать их, обеспечивая таким образом юридическую науку требуемым материалом.

Здесь необходимо указать еще на один момент. Как уже было сказано ранее, модели бывают изоморфные и гомоморфные. Изоморфных моделей в юриспруденции, также как и во всех иных науках, не так много, преобладают гомоморфные. С этих позиций модели предстают перед нами неким упрощенным вариантом и как правило с точки зрения той или иной количественной и/или качественной характеристики элементов ее составляющих. Исследователь или практик в данном случае опирается на отдельно взятое свойство и создает соответствующую модель. Характеристика данной группы моделей достаточно точно определена Н.Н. Тарасовым применительно к картине мира и предмету науки: «Обращаясь к познанию законов мира, наука с помощью своих познавательных средств «выделяет» в данной картине мира некоторый фрагмент (объект науки) в процессе исследования которого и формируется теоретическая модель данного фрагмента реальности – предмет науки» [Тарасов 2001: 156].

В рамках характера воспроизводимых сторон оригинала [Черданцев 2012: 220] в юридической науке принято вести речь о существовании структурных, функциональных, сущностных моделях объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни. *Структурные модели* представлены, как правило, количественными и качественными характеристиками субъектов или образований, составляющих материальную основу. *Функциональные модели* позволяют выявить связи, как прямые, так и обратные, возникающие между структурными элементами данной модели, а также элементами модели с внешней средой. *Сущностные модели* также называемые в литературе субстанциональными [Моделирование... 1965], позволяют вести речь о глубинной внутренней основе исследуемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни. Данные модели по своей природе содержат характеристики некой первоосновы. В отдельных изоморфных моделях это третий самостоятельный элемент. Как правило, в большинстве научных работ он сформирован на основе единства базовых структурных и функциональных характеристик прототипа. Принципиальным является указание на тот факт, что данные элементы модели являются общими, присущи любым разновидностям моделей. Если обращать внимание на отдельные виды моделей в юриспруденции, то можно выделить и другие разновидности элементов. Так, для должной модели, представленной ранее, свойственно наличие нормативной основы как обязательного элемента ее существования. В данном случае есть веское основание вести речь о существовании нормативных моделей.

В-четвертых, характеристика присущая модели в юриспруденции, она формируется в нечто целое, функциональное только при учете всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития. Таким образом отмечаем, что природа модели предопределена не только объективной реальностью (объективными условиями существования), но и

субъективными условиями, специальными средствами, которые имеются у субъекта в наличии на момент создания соответствующей модели.

Во-первых, данная характеристика позволяет говорить о модели того или иного объекта, процесса или явления государственно-правовой реальности с учетом динамики, хронологической последовательности. Модели могут быть статическими и динамическими. *Статические* – отражают состояние модели без учета временных параметров, возможности изменяться в конкретный период времени, а *динамические*, наоборот, характеризуют модель во времени, то есть с учетом особенностей, свойственных ей в различные исторические периоды существования.

Во-вторых, данная характеристика модели призывает нас обратиться к субъективным условиям, в которых происходит накопление (создание, воплощение) знаний о ее элементах. На данном этапе следует обратить принципиальное внимание на идеологическую основу, научные доктрины и другие субъективные условия, господствующие на момент построения модели. При этом не следует забывать и о тех, при которых проходило накопление минимально необходимой совокупности данных для построения конкретной модели. Для юриспруденции можно вести речь о *моделях, построенных в рамках юридического позитивизма, естественно-правовых начал, марксистско-ленинского учения, цивилизационного подхода* и др.

В-третьих, что нам дает или скорее требует от нас данная характеристика модели, так это обращать внимание на возможность применения при моделировании средств (инструментов) познания, используемых другими науками, не забывая при этом о современных достижениях науки и техники. Так, сегодня построение в принципе любой модели в юридической науке и практике не обходится без использования, например, компьютерной техники (программ) – *компьютерные модели*. Все чаще можно встретить научные работы в области права, где авторы используют математические методы познания в качестве базовых – *математические модели* и т.д.

Подводя итог, отметим, что модель юриспруденции – это интеллектуально-волевое описание, в достаточной степени повторяющее существенные свойства моделируемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни, сформировавшееся под влиянием всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития.

Такое интегративное (синтетическое) видение модели в юриспруденции позволяет как нельзя полно описать содержание объекта, процесса и/или явления и при этом применять термин «модель» к различным их проявлениям, то есть каждый признак исходящий из данной дефиниции может быть использован в качестве самостоятельного основания для выделения конкретных видов модели в юриспруденции.

Первый признак, характеризующий модель в юриспруденции, выступает в качестве интеллектуально-волевого описания того или иного объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни. Модель непосредственно связана с субъектом, осуществляющим познание, только в результате его деятельности возможно ее появление. Это позволяет вести речь о таких разновидностях модели как идеальная, должная и/или реальная.

Второй признак, характеризующий модель в юриспруденции, повторяет в достаточной степени существенные свойства моделируемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни. Это позволяет говорить о существовании изоморфной и гомоморфной моделей.

Третий признак, характеризующий модель в юриспруденции, включает в обязательном порядке описание (характеристику) тех или иных элементов, являющихся частями единой системы, составляющих основу соответствующего объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни. Это позволяет выделить структурные, функциональные, существенные модели.

Четвертый признак, характеризующий модель в юриспруденции, формируется в нечто целое, функциональное, только при учете всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития. Это позволяет вести речь о следующих ее разновидностях: статическая и динамическая, компьютерная, математическая и др.; модели построены в рамках юридического позитивизма, естественно-правовых начал, марксистско-ленинского учения, цивилизационного подхода и др.

Данный перечень характеристик является общим и как было показано выше присущ любой модели, имеющей место в юриспруденции. Конкретный объем содержания данных характеристик, виды, во многом зависят от объекта моделирования и выполняемых моделью функций.

Материал поступил в редколлегию 28.01.2016 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев С.С. 2010. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. Линия права. Концепция: Сочинения 1990-х – 2009 годов. М. : Статут. 544 с.
- Баранов К.Ю. 2013. Гражданско-правовая модель регулирования инвестиционных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. М. 210 с.
- Безруков А.С. 2008. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир. 151 с.
- Бирюков Б.В., Геллер Е.С. 1973. Кибернетика в гуманитарных науках. М. : Наука. 384 с.
- Буянова Л.Ю. 2012. Термин как единица логоса. М. : ФЛИНТА : Наука. 224 с.
- Данилова Н.В. 2013. Французская модель конституционной юстиции и ее рецепция государствами Африки и Азии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 28 с.
- Ковальченко И.Д. 1978. О моделировании исторических явлений и процессов // Вопр. истории. № 8. С. 72-93.
- Леванский В.А. 1986. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М. : Наука. 158 с.
- Левушкин А.Н. 2013. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства Российской Федерации и других государств-участников Содружества Независимых государств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 60 с.
- Лобовиков В.О. 2001. Дискретная математическая модель естественного права жить и умереть, а также церковного права воскреснуть и жить вечно : (Алгебра поступков как метод научного исследования морально-правовой ценности религиозной

веры в воскрешение праведников после смерти и в их последующую вечную жизнь, а также в смерть грешников при жизни и в их последующие вечные муки) // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург. Вып. 2. С. 84-106.

Лобовиков В.О. 2002. Единая теория права: математический аспект : (Алгебра поступков как дискретная математическая модель единства позитивного, естественного и обычного права) // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург. Вып. 3. С. 304-358.

Матушкина Н.В. 1997. Криминалистическая модель преступной деятельности по уклонению от уплаты налогов и ее использование в целях выявления и раскрытия преступлений этого вида : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск. 214 с.

Мень И.В. 2010. Модель правового и социального государства в России: конституционно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 31 с.

Моделирование как метод научного исследования: гносеологический анализ, 1965 / Б.А. Глинский, Б.С. Грязнов, Б.С. Дынин, Е.П. Никитин. М. : Изд-во Моск. ун-та. 246 с.

Насонова И.А. 2011. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 50 с.

Ньютон И. 1989. Математические начала натуральной философии / пер. с латин. и коммент. А.Н. Крылова. М. : Наука. 687 с.

Плетникова М.С., Плетников В.С. 2011. Конституционно-правовые основы разграничения бюджетных полномочий между органами государственной власти субъектов и органами местного самоуправления в Российской Федерации : моногр. Екатеринбург : УрЮИ МВД России. 141 с.

Прокопович Г.А. 2010. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 60 с.

Рудашевский В.Д. 1980. Право и моделирование // Методологические проблемы советской юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М. : Наука. С. 290-308.

Салыгин Е.Н. 2013. Моделирование в праве: проблемы и перспективы // Право : журн. Высш. шк. экономики. № 3. С. 12-35.

Соколова Н.В. 2011. Правовая модель доверительной собственности (траста) и использование ее в наследственном праве Франции и Швейцарии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 26 с.

Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. 1996. Философия науки и техники. М. : Гардарики. 399 с.

Тарасов Н.Н. 2001. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та. 264 с.

Товма Т.Д. 1977. Роль моделирования в познании социально-исторических явлений // Методологические вопросы науки : межвуз. науч. сб. Саратов. Вып. 5. С. 118-128.

Уемов А.И. 1971. Логические основы метода моделирования. М. : Мысль. 312 с.

Цыбиков Б.Б. 2006. Правовая модель российского государства на современном этапе: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 22 с.

Черданцев А.Ф. 1993. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург : Наука. 192 с.

Черданцев А.Ф. 2012. Логико-языковые феномены в юриспруденции : моногр. М. : Норма : Инфра-М. 320 с.

Чернега О.А. 1998. Правовая модель благотворительности и благотворительных организаций: гражданско-правовой и социологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М. 223 с.

Чурикова А.Ю. 2010. Правовая модель деятельности прокурора в досудебном производстве: российский опыт и международная практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 29 с.

Шапошников С.П. 2010. Социальное государство: теоретико-правовая модель : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб. 18 с.

Штофф В.А. 1963. Роль моделей в познании. Л. : Ленингр. ун-т. 126 с.

Штофф В.А. 1966. Моделирование и философия. М. ; Л. : Наука. 302 с.

Boole G. 2005. An Investigation of the Laws of Thought [Электронный ресурс]. URL: http://www.gutenberg.org/files/15114/15114-pdf.pdf?session_id=239ab4056fbd929c4093ce82797cdad98982c0d7 (дата обращения: 24.03.2016).

Kelvin W.T. 1904. Baltimore lectures on dynamics and the wave theory of light. London. 703 p.

Rosenblueth A., Wiener N. 1945. The Role of Models in Science [Электронный ресурс] // Philosophy of science. Vol. 12, № 4. URL: http://www.csee.wvu.edu/~xinl/papers/role_model.PDF (дата обращения: 14.01.2016).

References

Alekseev S.S. *Sobranie sochineniy. V 10 t. T. 4. Liniya prava*. Kontseptsiya: Sochineniya 1990-kh – 2009 godov [Collected works, in 10 vols., vol. 4: Law. Concept], Moscow, Statut, 2010, 544 p. (in Russ.).

Baranov K.Yu. *Grazhdansko-pravovaya model' regulirovaniya investitsionnykh otnosheniy : dis. ... kand. jurid. nauk* [Civil-legal model of regulation of investment relations: dissertation], Moscow, 2013, 210 p. (in Russ.).

Bezrukov A.S. *Pravovaya model' kak instrument yuridicheskoy nauki i praktiki : dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal model as a tool of legal science and practice], Vladimir, 2008, 151 p. (in Russ.).

Biryukov B.V., Geller E.S. *Kibernetika v gumanitarnykh naukakh* [Cybernetics in the Humanities], Moscow, Nauka, 1973, 384 p. (in Russ.).

Boole G. *An Investigation of the Laws of Thought, 2005*, available at: http://www.gutenberg.org/files/15114/15114-pdf.pdf?session_id=239ab4056fbd929c4093ce82797cdad98982c0d7 (accessed 24.03.2016).

Buyanova L.Yu. *Termin kak edinitsa logosa* [Term as unit of Lagos], Moscow, FLINTA, Nauka, 2012, 224 p. (in Russ.).

Cherdantsev A.F. *Logiko-yazykovye fenomeny v prave, yuridicheskoy nauke i praktike* [Logico-linguistic phenomena in the law, legal science and practice], Ekaterinburg, Nauka, 1993, 192 p. (in Russ.).

Cherdantsev A.F. *Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudentsii : monogr.* [Logico-linguistic phenomena in law: monograph], Moscow, Norma, Infra-M, 2012, 320 p. (in Russ.).

Chernega O.A. *Pravovaya model' blagotvoritel'nosti i blagotvoritel'nykh organizatsiy: grazhdansko-pravovoy i sotsiologicheskoy aspekty: dis. ... kand. jurid. nauk* [The Legal model of charity and charitable organizations: civil-legal and sociological aspects: dissertation], Moscow, 1998, 223 p. (in Russ.).

Churikova A.Yu. *Pravovaya model' deyatel'nosti prokurora v dosudebnom proizvodstve: rossiyiskiy opyt i mezhdunarodnaya praktika : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal model the activities of the Prosecutor in pre-trial proceedings: the Russian experience and international practice: abstr. of diss.], Saratov, 2010, 29 p. (in Russ.).

Danilova N.V. *Frantsuzskaya model' konstitutsionnoy yustitsii i ee retseptsiya gosudarstvami Afriki i Azii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [The French model of the

constitutional justice and its reception by States in Africa and Asia: abstr. of diss.], Moscow, 2013, 28 p. (in Russ.).

Glinskiy B.A., Gryaznov B.S., Dynin B.S., Nikitin E.P. *Modelirovanie kak metod nauchnogo issledovaniya: gnoseologicheskiy analiz* [Simulation as a method of research: epistemological analysis], Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1965, 246 p. (in Russ.).

Kelvin W.T. *Baltimore lectures on dynamics and the wave theory of light*, London, 1904, 703 p.

Koval'chenko I.D. *O modelirovanii istoricheskikh yavleniy i protsessov* [On the modeling of historical phenomena and processes], *Vopr. istorii*, 1978, no. 8, pp. 72-93. (in Russ.).

Levanskiy V.A. *Modelirovanie v sotsial'no-pravovykh issledovaniyakh* [Modeling in socio-legal studies], Moscow, Nauka, 1986, 158 p. (in Russ.).

Levushkin A.N. *Teoreticheskaya model' postroeniya sistemy semeynogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i drugikh gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh gosudarstv : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [A theoretical model for building a family legislation of the Russian Federation and other States-participants of the Commonwealth of Independent States: abstr. of diss.], Moscow, 2013, 60 p. (in Russ.).

Lobovikov V.O. *Diskretnaya matematicheskaya model' estestvennogo prava zhit' i umeret', a takzhe tserkovnogo prava voskresnut' i zhit' vечно : (Algebra postupkov kak metod nauchnogo issledovaniya moral'no-pravovoy tsennosti religioznoy very v voskreshenie pravednikov posle smerti i v ikh posleduyushchuyu vechnuyu zhizn', a takzhe v smert' greshnikov pri zhizni i v ikh posleduyushchie vechnye muki)* [Discrete mathematical model of the natural right to live and die, and canon law be resurrected and live forever (Algebra acts as a method of scientific research moral and legal value of religious belief in the resurrection of the righteous after death and their subsequent eternal life, as well as the death of sinners during his lifetime and their subsequent eternal damnation)], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, Ekaterinburg, 2001, iss. 2, pp. 84-106. (in Russ.).

Lobovikov V.O. *Edinaya teoriya prava: matematicheskii aspekt : (Algebra postupkov kak diskretnaya matematicheskaya model' edinstva pozitivnogo, estestvennogo i obychnogo prava)* [Unified Theory of Law: the mathematical aspect (Algebra acts as a discrete mathematical model of the unity of positive, natural and common law)], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, Ekaterinburg, 2002, iss. 3, pp. 304-358. (in Russ.).

Matushkina N.V. *Kriminalisticheskaya model' prestupnoy deyatel'nosti po ukloneniyu ot uplaty nalogov i ee ispol'zovanie v tselyakh vyyavleniya i raskrytiya prestupleniy etogo vida : dis. ... kand. yurid. nauk* [Forensic model of criminal activity on evasion from payment of taxes and its use for detection and disclosure of crimes of this kind: dissertation], Izhevsk, 1997, 214 p. (in Russ.).

Men' I.V. *Model' pravovogo i sotsial'nogo gosudarstva v Rossii: konstitutsionno-pravovye aspekty : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Model of legal and social state in Russia: constitutional and legal aspects: abstr. of diss.], Moscow, 2010, 31 p. (in Russ.).

Nasonova I.A. *Teoreticheskaya model' ugovovno-protsessual'noy zashchity : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical model of criminal procedural protection: abstr. of diss.], Moscow, 2011, 50 p. (in Russ.).

Newton I. *Matematicheskie nachala natural'noy filosofii* [Mathematical principles of natural philosophy], Moscow, Nauka, 1989, 687 p. (in Russ.).

Pletnikova M.S., Pletnikov V.S. *Konstitutsionno-pravovye osnovy razgranicheniya byudzhethnykh polnomochiy mezhdu organami gosudarstvennoy vlasti sub»ektov i organami mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional and legal basis of delimitation of budgetary powers between bodies of state power of constituent entities

and bodies of local self-government in the Russian Federation], Ekaterinburg, UrYuI MVD Rossii, 2011, 141 p. (in Russ.).

Prokopovich G.A. *Teoreticheskaya model' yuridicheskoy otvetstvennosti v publicnom i chastnom prave : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical model of legal liability in public and private law: abstr. of diss.], Moscow, 2010, 60 p. (in Russ.).

Rosenblueth A., Wiener N. The Role of Models in Science, *Philosophy of science*, 1945, vol. 12, no. 4, available at: http://www.csee.wvu.edu/~xinl/papers/role_model.PDF (accessed 14.01.2016).

Rudashevskiy V.D. *Pravo i modelirovanie* [Right and modeling], *Kudryavtsev V.N. (ed.) Metodologicheskie problemy sovetskoy yuridicheskoy nauki*, Moscow, Nauka, 1980, pp. 290-308. (in Russ.).

Salygin E.N. *Modelirovanie v prave: problemy i perspektivy* [Modeling in law: problems and prospects], *Pravo : zhurn. Vyssh. shk. ekonomiki*, 2013, no. 3, pp. 12-35. (in Russ.).

Shaposhnikov S.P. *Sotsial'noe gosudarstvo: teoretiko-pravovaya model' : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Welfare state: theoretical-legal model: abstr. of diss.], St. Petersburg, 2010, 18 p. (in Russ.).

Shtoff V.A. *Modelirovanie i filosofiya* [Modeling and philosophy], Moscow, Leningrad, Nauka, 1966, 302 p. (in Russ.).

Shtoff V.A. *Rol' modeley v poznanii* [The Role of models in cognition], Leningrad, Leningr. un-t, 1963, 126 p. (in Russ.).

Sokolova N.V. *Pravovaya model' doveritel'noy sobstvennosti (trasta) i ispol'zovanie ee v nasledstvennom prave Frantsii i Shveysarii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal model of trust property (trust) and its use in inheritance law of France and Switzerland: abstr. of diss.], Moscow, 2011, 26 p. (in Russ.).

Stepin V.S., Gorokhov V.G., Rozov M.A. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of science and technology], Moscow, Gardariki, 1996, 399 p. (in Russ.).

Tarasov N.N. *Metodologicheskie problemy yuridicheskoy nauki* [Methodological problems of legal science], Ekaterinburg, Izd-vo Gumanit. un-ta, 2001, 264 p. (in Russ.).

Tovma T.D. *Rol' modelirovaniya v poznanii sotsial'no-istoricheskikh yavleniy* [The Role of modeling in the knowledge of socio-historical phenomena], *Metodologicheskie voprosy nauki : mezhvuz. nauch. sb.*, Saratov, 1977, iss. 5, pp. 118-128. (in Russ.).

Tsybikov B.B. *Pravovaya model' rossiyskogo gosudarstva na sovremennom etape: voprosy teorii i praktiki : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The Legal model of the Russian state at the present stage: theory and practice: abstr. of diss.], Kazan, 2006, 22 p. (in Russ.).

Uemov A.I. *Logicheskie osnovy metoda modelirovaniya* [The Logical framework method of modeling], Moscow, Mysl', 1971, 312 p. (in Russ.).

Victor S. Pletnikov, Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, Ekaterinburg.
E-mail: pvs80@mail.ru

CONCEPT AND TYPES OF MODELS OF MODERN DOMESTIC JURISPRUDENCE: TEORETICAL-LEGAL RESEARCH

Abstract: Based on the analysis of natural-science researches and works of representatives of the humanities, the concept of the “model”, which is used in contemporary domestic jurisprudence and developed within analytical jurisprudence and legal positivism, is

formulated. In jurisprudence, the model is the intellectual and strong-willed description sufficiently repeating essential properties of the modelled object, process or the phenomenon of state and legal life created under the influence of full set of objective and subjective factors of social development. In addition, the main characteristics of model in jurisprudence have been allocated and revealed: it is directly connected with the subject carrying out knowledge of one or another object, process or phenomenon of state and legal life; only as a result of its activity its emergence is possible; it sufficiently duplicates essential properties of the modelled object, process or the phenomenon of state and legal life; it includes the description (characteristic) of one or another element, which is part of uniform system, making a basis of the corresponding object, process or the phenomenon of state and legal life; it is formed in something homogeneous and functional only with the accounting of the whole set of objective and subjective factors of social development, which have to be considered by representatives of jurisprudence in order to carry out researches of state and legal reality. The conclusion is drawn that the concrete volume of contents of these characteristics is defined by a kind of model and the functions, which are carried out by this model. Special attention is paid to the types of models in jurisprudence, especially to those of them, which directly follow from the main characteristics and allow disclosing the content of the concept of the “model in jurisprudence”. A conclusion that models in jurisprudence can have various nature is formulated, and as a result, it plays various role in development of jurisprudence, improvement of the public relations. For jurisprudence, models to which analysis the paramount attention has to be paid, have the greatest value legally significant (jurisprudential or doctrinal). Other models in jurisprudence have a number of restrictions from the point of view of their implementation in practice.

Keywords: model in jurisprudence, legally significant model, jurisprudence.